Зр-5176
Т65

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II

(Декабрь 1918 — июнь 1919)

—

Отдельный оттиск из номеров 137—155 журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво".

—

ПРАГА. 1934.

04725

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II

(Декабрь 1918 — июнь 1919)

Отдельный оттиск из номеров 137—155 журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво".

T65

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГАОР СССР

1725

изданий ЦГАОР СССР

005

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II

(Декабрь 1918 — июнь 1919)

—

Отдельный оттиск из номеров 137—155 журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

—

ПРАГА. 1934.

T65
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР
Инв. № 04725
ЦГАОР Книгохранилище
ИНВ. № 37.5176
Хранилище печатных изданий ЦГАОР СССР
ВХ. № 3005

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

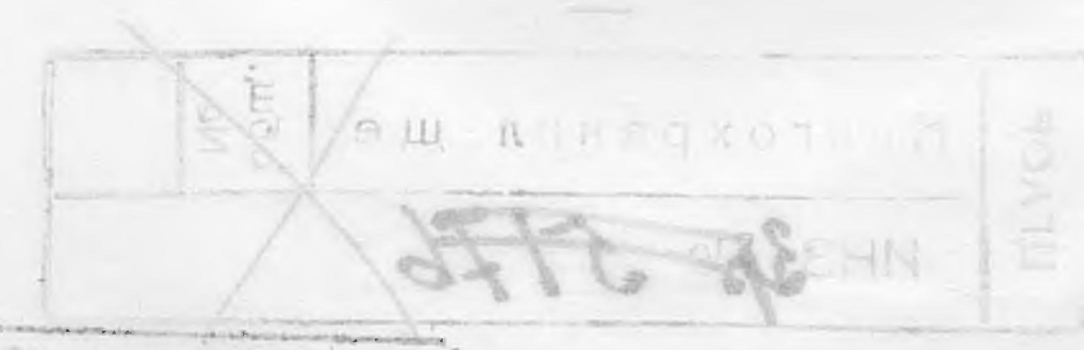
Часть II

(Декабрь 1918 — июнь 1919)

—

Отдельный оттиск из номеров 137—155 журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво".

—

Хранилище печатных изданий ЦГАОР СССР
ВХ. № 3005

ПРАГА. 193

Казакия — наша цель,
Наш девиз — казачья воля!

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

И во время вооруженной борьбы Казачества на родной земле в 1917—1920 годах и в эмиграции очень часто приходилось и приходится слышать утверждения русских людей, что с казаками русский народ в своей массе не воевал, что русский народ не шел войною для захвата Казачьих Земель, что русский народ не посягал ни на казачье добро, ни на казачьи свободы, что на завоевание Казачьих Земель шли только коммунисты, „международные разбойники, интернационалисты"...

Больше того, представители так называемого белого движения и их последователи из „русских казаков" часто призывали и призывают казаков взять на себя благородную миссию освобождения „несчастного, доброго русского народа, народа миролюбивого, кроткого, народа богоносца, от ненавистного ига захватчиков власти — большевиков"... Эти русские люди и их помощники из казаков заманывают казаков в русские общественные или военные организации для „совместной работы для подготовки освобождения Родины — Рос-

сии“, эти русские пропагандисты ежедневной устной и печатной проповедью стараются закрыть правду-матку, чтобы казаки не видели истинных виновников разорения и полного обнищания когда-то богатых Казачьих Земель, чтобы казаки не распознали, в конце концов, основной причины их неизмеримо тяжелых нынешних страданий...

На основании документальных данных разбираясь в событиях недавнего прошлого, изучая подробно доступные нам материалы, характеризующие работу наших противников, мы хотим об'ективно установить основные, главные причины великой трагедии Казачества... Только в детальном и всестороннем изучении недавнего прошлого мы найдем разгадку нашего страшного настоящего и наиболее правильные пути достижения лучшего будущего.

В прошлой кровавой, но славной борьбе Казачества за свою независимость по ту сторону фронта была красная Россия, по сю — белая. И та и другая в своих устных и печатных обращениях к казакам множество раз говорила о мотивах и целях, ради которых красная и белая России стали на путь вооруженной борьбы; и та и другая Россия зазывала казаков в свои ряды. Красная Россия, в конце концов, была открытым противником Казачества, а белая Россия официально являлась союзником.

Политика красной россии ясна была для Казачества: эта Россия — совершенно сознательно действующий, бесконечно жестокий и кровожадный враг Казачества. Эта Россия, как библейские тощие фараоновы коровы, сожрала Казачьи Земли, Украину, Кавказ, Поволжье, Туркестан, Сибирь и Белоруссию и сама осталась тощая, ненасытная и злая, в кровавых костлявых лапах своих душащая все крепче и крепче несчастные жертвы свои. Это Россия — Россия русских „революционных“ рабочих и русских крестьян, Россия русской красной интеллигенции.

Белая Россия, это Россия бывших русских помещи-

ков, русских фабрикантов и заводчиков, русских бюрократов и генералов, русской аристократической и мещанской интеллигенции — она и до сих пор продолжает выдавать себя за попутчика и, даже, за союзника Казачества. Через воспитанных в русском духе казаков, как тех, которые продолжают занимать безотчетно и безнаказанно высокие посты выборных казачьих атаманов, так и тех казаков, которые „по назначению свыше“ продолжают занимать места командиров казачьих воинских частей в эмиграции, через всех этих „русских казаков“ „белая Россия“ старается удержать Казачество под своим политическим, правовым и даже экономическим влиянием. Политического влияния на казаков белая Россия достигает в эмиграции через свои газеты и журналы, через своих лекторов, через организуемые курсы военного самообразования и, даже, через русскую школу и через русскую эмигрантскую церковь... Свое правовое и экономическое воздействие на казаков белая Россия пытается осуществлять в каждом государстве через центральные и местные русские организации — различные комитеты помощи беженцам, Согор, Земгор, организацию русских Комбатантов, представительства, консульства и т. д., через помощь при выдаче паспортов, метрик, документов, необходимых при приискивании заработка, всякими акциями по устройству казаков „на работу или на землю“ и т. д. и т. п.

Чтобы раскрыть истинную роль белой России — белого движения — во время вооруженной защиты Казачества от России красной в 1917—1920 годах, мы принуждены широко пользоваться материалами, собранными и опубликованными самими представиталями этого белого движения, точно также мы часто принуждены устами самих вождей белого движения характеризовать известные события или делать оценку явлений казачьей жизни и боевой деятельности, как казаков, так и русских войск. Поэтому наша работа, по необходимости, пестрит не только ссылкой на многочислен-

ные документы, но и выдержками из опубликованных печатных трудов руководителей белого движения. К этому же способу изложения мы принуждены прибегать и при описании событий из жизни красной России, тех событий, которые имели прямое отношение к героической борьбе Казачества за свою независимость, событий, которые поднимали против Казачества стотысячные русские армии и, в конечном итоге, привели к временному поражению Казачества и к новому завоеванию Россией его Земель.

Новый поход России против Казачества.

„Вся Россия шла на Дон!
Вся Россия шла уничтожать казаков“...

Из статьи б. Донского Атамана П. Н. Краснова „Всевеликое Войско Донское“ (Архив русской революции„, т. V, стр. 290).

„За поля, луга родные,
За могилы стариков,
За напевы удалые
Умереть казак готов“...

Из Донской казачьей песни.

Нам, непосредственным участникам кровавых исторических событий, свидетелям полного обнищания наших Земель, гибели сотен тысяч наших людей от рук красных палачей, вымирания населения Казачьих Краев от голода, чрезвычайно трудно быть об'ективными. Несмотря на это, разбираясь в весьма сложных, взаимно переплетающихся, часто противоречивых фактах прошлого, оценивая деятельность наших противников и свою собственную, мы должны проявить максимум об'ективности, дабы наиболее правильно и безошибочно установить ход исторических событий, найти основные причины нашего поражения и сделать выводы на будущее.

И к нашим противникам мы должны быть об'ективны. Подробно и спокойно изучая в течение многих лет русскую историю вообще и события 1917—1920 годов в частности, мы приходим к совершенно об'ективному, хотя (мы хорошо это понимаем) и не для всех приятному выводу: большевицкая власть в России, большевицкая система и методы управления являются выявлением воли русского народа в известной фазе его исторического развития; к этой системе, к подобным методам управления русский народ привык исстари (на

освещении этого вопроса мы останавливались, хотя в общих чертах, в первой части нашей работы).

Диктаторскую, царскую систему управления русских дворян-помещиков и бюрократов русский народ сбросил с себя в 1917 г. и заменил ее диктаторской властью коммунистической партии.

Под руководством русских царей и императоров русский народ завоевал обширные земли Прибалтийских народов, Белоруссии, Польши, Украины, Казаков, Кавказа, Поволжья, Туркестана и Сибири. Тот период времени, когда русский народ заменял у себя помещичью и диктаторскую царскую систему управления на рабоче-крестьянскую и диктаторскую коммунистическую систему управления, завоеванные Россией народы хотели использовать для своего освобождения.

Как же отнесся русский народ к этим освободительным движениям?

Он под руководством новой, теперь уже большевицкой, власти немедленно пошел на новое завоевание этих восставших народов. Большевицкая власть явилась только выразительницей, носителем воли и стремлений русского народа в этот период его истории. В справедливости этого утверждения убеждает нас об'ективное изучение событий 1918—1919 г. г.

К лету 1918 г. против русской большевицкой власти восстали почти все нерусские народы бывшей России. Под властью последней оставались только те земли, которые действительно являются русскими по большинству своего населения (Великороссы). Этого исторического факта никому не следует забывать. Так или иначе, освободились Прибалтийские народы, Польша, Белоруссия, Украина, Казачьи Земли, восстали народы Поволжья и т. д. (см. Л. Троцкий: Как вооружалась революция, т. I, схема I).

Что происходило (и почему) в Великороссии?

Стремления русского народа в то время наилучше характеризуют его современные вожди—Ленин, Троцкий, Джугашвили-Сталин и др. Ленин об'единял в своих ру-

ках всю работу русской власти, он руководил ее гражданской и военной деятельностью, он же подбирал исполнителей предначертаний этой власти.

И что же мы видим?

Русская большевицкая власть организовала поход русского народа „за хлебом“. Л. Троцкий, выступая 9-го июня 1918 г. на многочисленном собрании русских людей в Сокольниках говорил следующее:

> „Товарищи, я выступаю перед вами в очень трудные для нашей молодой Советской республики дни и недели. Среди всех вопросов, волнующих наши сердца, есть один простой вопрос, который, однако, весит тяжелее, чем другие. Это — вопрос о хлебе насущном. Над всеми мыслями, над всеми идеалами нашими господствует сейчас одна забота, одна тревога: как пережить завтрашний день. Каждый невольно думает о себе, о своей семье. Особенно это относится к хозяйкам, женам, матерям, перед которыми вопрос о голоде ежедневно, когда нужно готовить обед для детей, для мужа, встает во всей остроте. И, надо сказать, с каждым днем становится все труднее и труднее...“

При этом Л. Троцкий в своей обширной речи перед русскими людьми указывал голодающей Великороссии, где можно достать хлеб:

> „Моя задача вовсе не в том, чтобы вести среди вас только одну агитацию. Нам нужно деловым образом поговорить о продовольственном положении страны... По нашей статистике, в 17-м году избытка хлеба в тех местах, которые являются производящими и вывозящими хлеб, было 882.000.000 пудов. С другой стороны, в стране есть области, где своего хлеба не хватает. Если подсчитать, то окажется, что в них не хватает 322.000.000 пудов. Стало быть, в одной части страны имеется 882.000.000 пудов избытка, а в другой — 322.000.000 пудов не хватает...

Правда, львинная доля этого избытка падает на Украину — 500 мил. пудов... Говорят, будто в Тургайской и Семипалатинской областях еще сохранились остатки урожая 14-го года.

На одном Северном Кавказе сейчас имеется хлебных излишков не меньше, как 140.000.000 пудов; нам же, для того, чтобы утолить голод во всех тех местах, которые страдают теперь от недостатка продовольствия, нужно на всю страну 15.000.000 пудов в месяц. Вот прикиньте: 140.000.000 пудов излишка, находящегося только на Северном Кавказе, могут хватить, стало быть, на 10 месяцев для всей страны.

А Западная Сибирь..."

Л. Троцкий, естественно, указывал и на способ получения этого хлеба:

„Пусть каждый из вас сейчас, вернувшись к себе, в своих кварталах, на своих заводах, на своих фабриках обещает оказать немедленное практическое содействие тому, чтобы нам наладить поход за хлебом для Москвы и для всей страны (разумеется — Великоросии). Неужели мы здесь, в этой двухмиллионной Москве не сможем создать отрядов, хотя бы в десять тысяч передовых, твердых, сознательных и честных рабочих, которые приедут в деревни организовывать планомерный советский порядок..."

И этот вооруженный поход русского народа за хлебом к соседям, русские люди прикрывали и прикрывают высокими идеями служения всемирному благу, интересам всего человечества. Сотни лет русский народ прикрывал свой грабеж соседей идеями гуманизма, служения истине и т. д. Не забыл об этом и Л. Троцкий в своем призыве идти походом за хлебом:

„Пускай попы всех религий, всех исповеданий рассказывают нам про рай в другом мире. А мы говорим, что мы хотим настоящий рай для людей создать на этой земле. Мы не должны ни на

один час упускать из виду наш великий идеал — лучший из всех, к каким стремилось человечество. Чтобы сравнить, возьмите старые религиозные учения, учение Христа: все лучшее, все благороднейшее, что заключается в этих учениях, все это воплощено в нашем учении социализма. И мы хотим, чтобы... люди жили, как дружные братья, которые совместно обрабатывают землю и превращают ее в один цветущий сад для всего человечества... Нужно твердо, мужественно и решительно бороться до конца, а если нужно, то и погибнуть, истечь кровью до последней капли во имя братства народов"..." (См. речь Л. Троцкого в его книге: Как вооружалась революция, т. I, страница 74—93).

И вся Великороссия гремела боевыми речами, призывавшими народ к вооруженному походу в соседние земли за хлебом. Недаром с весны 1918 года русская власть, вместо добровольческой красной гвардии, взялась организовывать регулярную красную армию; недаром за это дело взялся русский генеральный (царский!) штаб; недаром руководителями действующих русских красных армий являлись русские офицеры того же генерального штаба...

500 миллионов хлеба на Украине, о которых говорил Троцкий, в то время, в 1918 году, были недоступны для Великороссии (Украина была занята немецкими войсками). Сибирь и Туркестан были отрезаны от Москвы восставшими восточными народами, в том числе Оренбургскими и Уральскими казаками.

Наиболее близкими к Москве были Дон, Кубань, Терек. К лету 1918 г. железная дорога Москва-Воронеж-Новочеркасск была закрыта для бльшевиков восставшими Донскимим казаками. Временно оставалась в распоряжении Москвы только одна железная дорога на Кубань и Сев. Кавказ — через Царицын и водный путь по р. Волге. Известный руководитель красных русских войск, полковник генерального штаба царской

России, А. И. Егоров, такими словами оценивает значение Царицына для Сов. России:

„Царицын лежавший в углу сухопутных и водных путей, связывающих Южный и Юго-Восточный (Каспийско-Кавказский) фронты — при образовании Каспийско-Кавказского фронта с базой в Астрахани, Царицын служил базой для Северокавказской армии — в полосе, отделяющей область Войска Донского от областей Уральского и Оренбургского казачества, и на фланге всех операционных направлений Донской армии на Саратов, Тамбов и Воронеж, имел особо важное военнополитическое значение". (См. А. И. Егоров: Разгром Деникина. 1931, Москва, стр. 10).

Понятно, почему русский диктатор, В. Ленин, послал в Царицын одного из ближайших своих приближенных, Джугашвили-Сталина, с определенными заданиями. О работе этого представителя Красной России в Царицыне другой русский военный (красный) специалист, К. Ворошилов, говорит следующее:

„... В начале июня 1918 г. т. Сталин с отрядом красноармейцев и двумя автоброневиками направляется в Царицын в качестве руководителя всем продовольственным делом на юге России...

... Казачьи банды вскоре захватывают ряд ближайших от Царицына пунктов и тем самым не только срывают возможность планомерной заготовки хлеба для голодающих Москвы и Ленинграда, но и для Царицына создают чрезвычайную опасность...

... Телеграмма за телеграммой летит по проводам к т. Сталину в Царицын от Ленина и обратно.

... При восстании на Дону и при потере Царицына мы рискуем потерять весь производящий богатый Северный Кавказ. И т. Сталин это отлично понимает"... (См. К. Ворошилов: Сталин и красная армия, Москва, 1929.).

И этот диктатор Царицына заведующий продовольствием „Юга России“ отвечает Ленину в Москву:

> „Гоню и ругаю всех, кого нужно... Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни себя, ни других, а хлеб все же дадим...“ (Там же).

Таким образом, новая русская власть указывала русскому народу цели вооруженного похода на Казачьи и иные нерусские Земли и организовывала самый поход. Как видим, эта новая русская власть принимала самые крайние меры, чтобы при помощи вооруженных сил русского народа добыть пропитание для этого народа.

Вышеупомянутый А. И. Егоров указывает и на другие мотивы и причины, вызвавшие в 1918—1919 г. г. кровавые походы красных армий русского народа на завоевание „окраин“. Он говорит, что в мирное время на территории всей бывшей России ежегодно добывалось около 1800 миллионов пудов угля, с того количества на Донецкий бассейн приходилось 1500 мил. пудов и на Сибирь до 150 мил. пудов. „Поэтому, лишившись Урала, Сибири, Донецкого бассейна, Советская Россия в 1919 г. добыла только 13,2 мил. пудов в первом полугодии и 23,7 мил. пуд. во втором“ (Егоров, выше цит. его работа).

Далее, в 1913 г. в России было выплавлено 257 мл. пудов чугуна, причем Донецкий бассейн дал 189 мил. пудов, Урал 56 мил. пудов и Подмосковский — 12 мил. пудов (там же).

В 1918 г. Великороссия была отрезана также и от Туркестанского хлопка, и от Грозненской и Бакинской нефти.

И мы видим, что все усилия русского народа в 1918 и в 1919 годах были направлены к тому, чтобы добыть для себя хлеб, уголь, нефть, железо, хлопок и т. д. Конечно, все это русский народ мог бы получить и мирным путем обмена (торговли) за свои товары... Но в течение нескольких предыдущих столетий русский народ привык путем открытых завоеваний забирать добро у соседей. Замена царской власти властью боль-

шевиков, очевидно, ничего не изменила в данном отношении.

Стремление Казачества к своему освобождению и стремление русского народа к новым завоеваниям, естественно должны были привести — и в действительности привели — к вооруженному столкновению между казаками и Россией. Из выше приведенных выдержек из трудов большевицких русских руководителей мы видели, какое огромное значение выдающиеся большевики придавали удержанию Царицына в русских руках и какое огромное значение имело для новой России удержание в своих руках Казачьих Краев...

К середине августа 1918 г. территория Дона была освобождена. 18-го августа того же года Большой Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского, с целью обеспечения границ Дона, издал Указ о занятии вне Донской области ближайших узлов: Царицына, Камышина, Балашова, Поворино, Новохоперска, Калача и Богучара. Проведение этого плана в жизнь должно было разрушить все планы России, направленные к завоеванию каменноугольного Донецкого бассейна, даровому получению Казачье-Кавказского хлеба и Бакинской нефти.

И мы видим, что красная Россия предпринимает все меры для того, чтобы воспрепятствовать осуществлению намерений Донского Войскового Круга. Большим преимуществом Советской России перед Казачеством в то время было то, что все руководство политической и военной жизнью России было сосредоточено в руках одной, хотя небольшой, но дисциплинированной большевицкой партии во главе с Лениным.

К октябрю месяцу 1918 г. Россия сосредоточила против Дона 71.400 штыков и сабель при 351 орудии и 582 пулеметах. И эта огромная масса вооруженных русских людей, идущих за хлебом, за углем и за нефтью, представляла из себя не разрозненные красноармейские войска предшествующего периода, а являлась регулярной армией. Бывший Донской Атаман, П. Н.

Краснов, дает такую оценку военным силам России в описуемое время:

„Осенью 1918 г. заканчивается первый период борьбы с большевиками. Период, когда народная Донская армия боролась против разбойничьих красно-гвардейских банд.

Наступал второй период — против народной Донской армии появилась только что созданная народная красная армия, построенная на принципах военной науки".

(П. Н. Краснов. Всев. Войско Донское. Архив русской революции, том V, стр. 246).

Генерала Краснова невозможно заподозрить в нелюбви к России, тем более, в сепаратизме. Но и он признает, что против казачьей народной армии наступала народная рабоче-крестьянская русская армия. Так русские люди, взяв в свои руки 71 тысячу винтовок и сабель, 351 орудие и 582 пулемета, шли на завоевание Донской казачьей земли в октябре 1918 года.

Казачий Дон, обороняясь от наступающей России, мобилизовал поголовно все боеспособное население, напряг все усилия. К началу октября 1918 г. все резервы Войска Донского были исчерпаны. Приняв на свою казачью грудь все удары русских полчищ, седой Дон на фронте Царицын-Новохоперск успешно отбил все атаки войск противника и к середине ноября отбросил его в Саратовскую губернию, а на фронте Воронежской губ. разбил наступающую русскую армию и захватил Новохоперск, Таловую, Бобров и Лиски, (последние находятся, примерно, в 160 верстах от границы Донской обл. по линии железной дороги Ростов-Новочеркасск-Воронеж-Москва).

Октябрские и ноябрские бои показали всем, какими огромными преимуществами обладает казачья народная армия в сравнении с русской народной армией.

В течение уже 7-ми месяцев (май — ноябрь) многочисленные русские полчища разбивались о гранитную скалу сопротивления Донского Казачества, боровшего-

ся за свою независимость. Как гунны, как полчища Батыя, последовательно наваливались русские люди на Донскую Землю, но так же последовательно разбивались о беспримерную доблесть донцов и откатывались в бессилии назад.

Понеся поражение от Донских казаков в октябре и ноябре месяцах, Россия, конечно, не остановила своего похода на Казачьи Земли. Началась зимняя кампания 1918-1919 г.

Уже цитированный нами видный представитель красного командования, царский полковник генерального штаба, А. И. Егоров, следующим образом определяет задачи России в это время:

> „Конечная цель красного командования заключалась в решительной борьбе до полного уничтожения контрреволюции на Юге России и освобождения территории, т. е. источников продовольствия, сырья и топлива, без чего советская республика не могла ни развивать борьбы, ни поддерживать свое существование. В программе этой борьбы на первом плане стояло уничтожение организованных вооруженных сил противника". (Выше цит. работа Егорова, стр. 71).

Ненасытная Россия, согласно этого утверждения, как видим, без Казачьих Земель и без Украины" не могла поддержать свое существование". Поэтому:

> „Перед красным командованием был поставлен прямой вопрос: какой об'ект действий избрать, начиная решительную кампанию на Южном фронте — живую силу, то-есть Донскую армию или территорию. Красное командование остановилось на живой силе" (Там же, стр. 72).

Таким образом, как видим, главной задачей наступления русских сил на Юге зимою 1918-1919 г. было уничтожение армии Донского Казачества, и это было необходимо сделать, с русской точки зрения, ради добывания для русского народа" источников продовольствия, сырья и топлива". Постановка вопроса, по край-

ней мере, ясная и простая! Вместо того, чтобы на своей земле, своим трудом создавать ценности и в обмен за них доставать у соседних и дальних народов необходимые товары, русский народ шел кровью и железом добывать у соседей результаты их труда.

В соответствии с серьезностью задачи находились и размеры сосредоточенных тогда против Дона русских сил. Русское командование послало тогда против Дона не только новые подкрепления из Великороссии, оно перебросило на Южный противоказачий фронт некоторые свои лучшие части с Восточного фронта. К концу ноября месяца 1918 года против одного только казачьего Дона Россия сосредоточила четыре армии:

> в районе Купянск-Валуйки группу Кожевникова в 20 тысяч штыков, с Воронежского направления VIII-ю армию и со стороны Балашова-Волги — IX-ю армию; обе армии вместе насчитывали 50-т тысяч штыков и 5500 сабель; X-я армия у Царицына — около 30 тысяч штыков и 8 тысяч сабель; всего в 4-х вышеупомянутых армиях Южного фронта сами большевики насчитывали 100 тысяч штыков и 17 тысяч сабель, при 2000 пулеметов и 450 орудиях.
>
> (См. „Гражданская война в России 1918-1919 г. г.", а также вышецитированный труд Егорова, стр. 73-74).

Эти большевицкие данные о количестве сосредоточенных Россией против казачьего Дона войск и их вооружении подтверждаются и данными, опубликованными бывшим Донским Атаманом П. Н. Красновым, который говорит:

> „Троцкий к началу декабря 1918 г. сосредоточил на Донской фронт 127 тысяч солдат при при 414 орудиях".
>
> (Выше цит. статья Краснова, стр. 246).

В той же работе б. Донской Атаман констатирует следующее, весьма и весьма важное, обстоятельство:

1. „Фронтом против Дона командовал генерал генерального штаба — „товарищ“ Сытин (штаб находился в г. Козлове)“,

2. „IX-ой армией командовал — генерального штаба генерал-майор Егоров (штаб в Балашове)“,

3. „VIII-ой армией — генерал Чернавин (штаб в Воронеже)“.

(Там же, стр. 247).

Ясно для каждого, что на завоевание Донской Земли вновь шло около 120-130-ти тысяч хорошо организованных русских войск с 2000-ми пулеметов и с 450 орудиями; противоказачьим фронтом командовали русские военные специалисты, окончившие императорскую академию генерального штаба — генералы Сытин, Егоров и Чернавин; в армии было множество русских офицеров той же императорской армии.

Кто были эти 120-130 тысяч солдат?

Кто были эти генералы и офицеры?

Кто были эти комиссары?

— Международные проходимцы? Интернационалисты? Евреи?

Или это были настоящие русские люди?

Да, это были русские люди! Казачий Дон должен был защищаться от организованного вооруженного нанападения самой настоящей России — русский рабочий, русский крестьянин, русский комиссар и русский царский генерал дружно об'единились в своих усилиях ради уничтожения Казачества, ради открытого, организованного грабежа чужим, тяжелым трудом нажитого добра.

Как мы видели, комиссар Троцкий подсчитал, что в колониях России — в Казачьих Землях, на Украине и в Сибири — имеется 882 миллиона пудов хлеба, там имеется уголь, железо, нефть и т. д. Он, Троцкий, указал ясную цель вооруженного похода, а русские генералы, офицеры и комиссары организовали самый поход.

Этот новый открытый грабеж чужих земель и чужого труда руководители русской политики старались прикрыть, как было и перед этим во времена царской и императорской России, покровом служения высшей идее, благу человечества.

Ясно было для каждого, что весь русский народ, от самых верхов до самых низов, об'единился в предпринимаемом против Казачества походе. Не даром даже русский генерал и патриот, Донской Атаман Краснов, восклицает:

„Вся Россия шла на Дон!
Вся Россия шла уничтожать Казачество".
(Цит. его статья, стр. 290).

И в этих словах русского генерала, брошенных, быть может, не совсем осторожно и дипломатично для защитника „матушки России", прорвалась наружу совершенно правильная оценка положения Дона в конце 1918 г.

Да, против Казачества организованно и открыто двинулась вся Россия, т. е. все слои русского народа. Эту страшную правду невозможно закрыть никакими измышлениями и выдумками проповедников единой и неделимой России, у которых до сих пор хватает совести, чтобю зазывать казаков идти умирать за эту самую „матушку Россию", которая ограбила и разорила в конец все Казачество. Может быть, для кого она и матушка, только не для Казачества, против которого она шла с более чем 100 тысячами винтовок, 2000 пулеметов и 450 орудиями!

Замечательно и то, что уже в 1918 году один из вождей русского похода на Казачьи Земли, Л. Троцкий, уже тогда вдохновенно пророчил введение самой примитивной, самой жестокой и бесчеловечной, массовой формы эксплоатации, которую народ-завоеватель насаждает оружием у народов завоеванных и доводит эти народы до вымирания от голода.

04785

Чтобы закончить короткое описание целей этого нового похода России против Казачества и сил, собранных русским командованием для достижения этих целей, а также, чтобы отметить, какое огромное значение придавало русское красное правительство успеху этого кровавого предприятия, сошлемся тут на слова Л. Троцкого, который в то время руководил всеми вооруженными силами красной России. В статье „Пора кончать", напечатанной 24 декабря 1918 г. в Курске, Троцкий делает следующую оценку положения дел на разных фронтах:

1. „Сейчас Северный фронт не открывает нашим врагам никаких надежд"...

2. „В общем положение для нас на Восточном фронте благоприятное"...

3. „На Западном фронте дела идут, как нельзя быть лучше"...

4. „Украина скоро станет советской. Оттуда придет к нам хлеб и сахар, а мы дадим туда ткани, когда получим хлопок из Туркестана"...

5. „Дальше, на Юго-Восток, пролегает важнейший фронт от Воронежа до Царицына. Это Красновский фронт... Красновско-деникинские банды стоят здесь заслоном, отрезая от нас богатейшие местности, где нас ждут большие запасы хлеба, угля, руды, керосина и бензина...

Несомненно, что здесь перед нами опасный враг... можно сказать с несомненностью, что что если мы сокрушим Красновские банды, мы докажем всему миру свою непобедимость... на Донском фронте разрешается судьба советской республики...

Пора кончать! На Южном фронте нами сосредоточены большие силы. Выполнена крупная организационная работа. Во главе полков, дивизий, армий стоит надежный командный состав и луч-

шие комиссары. Вся страна смотрит с величайшей надеждой на свои юго-восточные армии...

Пора кончать, пора очистить юг, проложить дорогу на Кавказ, пора нанести смертельный удар самому заклятому врагу рабочей и крестьянской России и дать истомленной стране безопасность, мир и довольство".

(Л. Троцкий. Как сражалась революция, том II, кн. I).

К началу декабря 1918 г. Донская армия насчитывала в своих рядах 49.500 штыков и сабель при 153 орудиях и 581 пулемете (Полк. Добрынин. Борьба с большевизмом, стр. 111).

Если принять во внимание, что, как указано выше, московское командование к тому времени сосредоточило против Дона 120-130 тысяч штыков и сабель, при 450 орудиях и 2000 пулеметов, можно констатировать почти тройное количественное превосходство русских армий над Донскими. При чем, русское командование дальнейшее пополнение для своих армий, боровшихся против Казачества, могло черпать из 50-ти миллионной массы Великороссии, а вооружение доставлять из русских военных заводов, еще царской Россией предусмотрительно сосредоточенных на великорусской территории.

На Дону же, как свидетельствует Краснов, уже

„не было ни одной казачьей семьи, где кто-либо из мужчин не был убит или ранен...

... Все отдавалось за свободу Родины — жизнь и достояние. Все лошади были отданы или в строй, или в обозы, коров и волов резали без сожаления, чтобы кормить фронт, хлеб возили туда же, туда же отдавали последнее платье и белье"...

(Выше цит. статья П. Н. Краснова, стр. 242).

Дон и Украина.

(В конце 1918 г.)

Создавалось грозное положение для Дона, для всего Казачества и для всех народов, на завоевание которых Россия мобилизовала все свои силы. Крушение казачьего Дона означало поражение всего Казачества, падение Дона под ударами империалистической Москвы, без сомнения, означало приближение победы старого эксплоататора над народами, которые старались вырваться из Московской тюрьмы.

Общий интерес народов, боровшихся за свое освобождение, повелительно диктовал необходимость согласования и об'единения их усилий в борьбе с общим врагом. Дон своими собственными усилиями весною 1918 г. сбросил с себя власть красной Москвы, уже 8 долгих месяцев своей грудью успешно отражал беспрерывное наступление вражеских московских полков. Дон имел полное право на активную, действительную помощь со стороны соседей.

Левый фланг Дона занимала Украинская Держава, с которой Дон подписал целый ряд соглашений по различным вопросам. С апреля месяца ее территорию занимали немецко-австрийские войска и надежно прикрывали западные границы Донской республики. В связи с уходом немцев и особенно в связи с внутренними событиями на Украине, началось быстрое продвижение на территорию Украины московских войск.

Постепенно обнажалась западная граница Дона, от Воронежской губ. до Азовского моря. Эта сравнительная легкость распространения большевицких московских войск по обширной территории соседней Украины в значительной мере облегчала задачи красного командования, решившего, как мы видели, уничтожить вооруженные силы Донского Казачества.

Вместо параллельных согласованных действий Украины и Дона против наступающей Москвы, восточная Украина скоро представляла из себя страну, через ко-

торую большевицкое командование бросило 20-ти тысячную армию Кожевникова во фланг и тыл Донским войскам, занимавшим фронт Чертково (на железной дороге Новочеркасск-Воронеж) — Богучар-Поворино.

Таким образом, на правом фланге храбрых Донских войск, у Царицына на Волге, висела 30-ти тысячная X-я большевицкая армия со штабом в Царицыне, с северо-востока, с севера и с северо-запада на Донскую Землю наступали IX и VIII армии в 50 тысяч человек, и со стороны Украины продвигалась на Донскую территорию 20-ти тысячная армия Кожевникова...

Украина явилась той территорией, где эта армия находила себе и пополнения и питание.

Мы уже имели возможность и необходимость констатировать то весьма и весьма важное обстоятельство, что на переломе 1917—1918 г. большевицкая Москва ударила своими войсками в стык Украины и Дона, в общем, по линии железной дороги Москва-Воронеж-Миллерово-Новочеркасск. Тогда Москва имела, как мы знаем, успех. На переломе 1918—1919 года Россия повторила свой маневр в борьбе с южными государствами: она их раз'единяла и била порознь. И тоже имела успех.

> „В дни страшного напряжения на севере Войска Донского, — говорит б. Донской Атаман Краснов, — когда все резервы войска были уже введены в боевую линию, командующему (Донской) армией пришлось создавать новый фронт — Западный... Левый фланг и тыл Донской армии на протяжении слишком 600 верст уже не защищался, даже не охранялся, а только наблюдался кавалерийскими и пешими заставами...“ (Краснов, цит. его статья, стр. 266).

Слабость сопротивления Украины наступающим московским войскам и обнажение, вследствие этого, западных границ Дона для непосредственного удара со стороны московских войск, были одной из причин трагедии Казачества. Этого обстоятельства никому не сле-

дует забывать при изучении борьбы Казачества с Москвою в 1917—1919 г. г. Если бы Украина в конце 1918 и в начале 1919 г. была в силах защищать свою северную границу от наступающих на ее территорию московских оккупационных войск, положение Дона значительно облегчилось бы. В свою очередь, недопущение Доном московских войск на свою территорию прикрывало бы восточную границу Украины.

События пошли иным путем. С занятием восточной территории Украины московскими войсками, 800 верстный перед тем донской противобольшевицкий фронт растягивался, по крейней мере, до 1200 верст, и Дон оказался в московском красном мешке.

При оценке положения Донского Казачества и юго-восточного Казачества вообще в конце 1918 г. необходимо иметь в виду и то, что с занятием московскими войсками Левобережной Украины совершенно прекратился подвоз вооружения с Украины на Дон и на Кубань, что, как мы знаем, имело место в предыдущий период борьбы Юга с Севером.

Все выше перечисленные факты и обстоятельства делали трагическим положение старого казачьего Дона. Всевеликое Войско Донское могло искать поддержки только на Кубани.

Донской Атаман ищет для Дона помощи Союзников.

Все Донское Казачество и часть крестьянства самоотверженно защищали свою землю от надвигающихся русских армий, ибо не на словах, а на деле

„За поля, луга родные,
За могилы стариков,
За напевы удалые
Умереть казак готов“...

Если бы к доблести и героизму Донских казаков было придано мудрое политическое руководство Дон-

скою Республикой, без сомнения, исход борьбы с Москвою мог бы быть не такой печальный (о кубанском политическом руководстве говорилось достаточно в I-й части очерков „Трагедия Казачества").

Учитывая положение Дона в связи с победой держав Антанты над Центральными государствами в Мировой войне 1914—1918 г. г. и стремясь к обеспечению так необходимой для Дона внешней помощи, уже 6-го ноября 1918 г. Донской Атаман П. Краснов „снарядил Зимовую станицу — то-есть посольство, в лице двух горячих патриотов Донских генерал-майора Сазонова и ... полковника Янова к французскому генералу Франшэ-д' Эспере, командовавшему союзными войсками на востоке (см. выше цит. статью б. Атамана Краснова). В письме к этому генералу Донской Атаман писал, между прочим:

> „Донская и Добровольческая Армии в общем невелики... без иностранной помощи Россию не спасти... Советские власти ненавидимы Русским народом... Если назначить один корпус (союзных войск) для освобождения Кавказа, один вверх по Волге на Царицын, Саратов, Самару, Пензу, Тулу и Москву, один на Воронеж, Рязань и Москву, можно с уверенностью сказать, что только до Саратова, Воронежа и Курска придется идти походом и с боями — при взятии их Москва падет и дальнейшее движение примет характер триумфального шествия и торжественных встреч.
>
> Украину временно придется занять иностранными войсками. Войско Донское всегда было верно идее единой, неделимой России и за свободу и счастье ее только и борется..." (там-же, стр. 252—255).

Донской Атаман прекрасно знал, что именно Россия шла на завоевание Казачьих Земель, что именно с русским народом казачьему Дону приходилось вести такую упорную и ожесточенную оборонительную войну... Своими же, не отвечающими правде, информа-

циями, генерал Краснов сознательно вводил в заблуждение представителей держав Антанты. Выборный глава Донской Республики спешил отказаться от суверенности Дона и поддержать защитников единой, неделимой России...

Русский народ под руководством своих комиссаров и своих генералов выставил на Южный, Восточный, Западный и Северный фронты армии в несколько сот тысяч человек. Конечно, как и при всякой войне, в русских войсках было развито дезертирство; организация новой, рабоче-крестьянской, армии далеко еще не была закончена, но все же, в общем, русские армии вели активное наступление, как на Восточном, так и на Западном и на Южном фронте. Массовых народных восстаний в Великороссии против советской власти не было перед тем, как никогда не было и потом.

И что же мы видим? С одной стороны, Донской Атаман тревожился о том, что „вся Россия шла на Дон, вся Россия шла уничтожать Казачество", а с другой, фантазировал о торжественных встречах и триумфальном шествии! С одной стороны, генерал Краснов принял присягу на верность Донской Республике, а с другой, наперед спешил отказаться от самостоятельности Дона в пользу несуществующей единой и неделимой России. И такой человек в, тяжелое для Дона и всего многострадального Казачества время, держал в своих руках верховную власть над седым Доном. Если к этому прибавить и роль председателя Донского Круга, В. А. Харламова, который все свои усилия в закулисной упорной работе направлял к тому, чтобы отдать в распоряжение генерала Деникина все силы Дона и в то же подчиненное положение поставить и могучую Кубань (см. часть I очерков „Траг. Казачества"), станет совершенно ясным, что оба эти официальные представители Дона предавали Донское Казачество, которое не из'являло желания ни отказываться от своей государственной самостоятельности, ни желания вмешиваться в русские дела, воюя за интересы одной ка-

кой-либо группы русского населения... Донское Казачество только упорно защищало свою территорию от нашествия красных русских полчищ. Однако, эту совершенно разумную и единственно-правильную точку зрения рядового Донского Казачества называли и называют русские люди шкурничеством.

Нужно открыто признать, что закулисная работа председателя Донского Круга Харламова, Кубанского Атамана Филимонова, их единомышленников из числа членов Круга и Кубанской Рады, работа, направленная всецело к тому, чтобы из обыкновенного русского генерала Деникина, бежавшего на Казачьи Земли от своего русского народа, сделать диктатора, руководителя всех казачьих вооруженных сил, уже начала давать свои плоды. Генерал Деникин и его помощники и единомышленники, опираясь на активную поддержку выборных казачьих представителей и руководствуясь их закулисными обещаниями, сумел через своих представителей у держав-победительниц представить дело в весьма выгодном для русских людей освещении. Поэтому и в глазах союзных представителей ген. Деникин уже выростал в заметную фигуру кандидата в русские диктаторы.

Результаты этой закулисной интенсивной работы немедленно заметили представители Дона, посланные Атаманом Красновым к главнокомандующему Союзными силами на Востоке ген. Франше д' Эсперэ.

Генерал Краснов повествует об этом следующее:

> „Когда Донские посланцы прибыли в Яссы, ясское заседание там уже закончилось. Генерал Франше д' Эсперэ в Яссах не было, и, вместо него, был генерал Бертелло. У Бертелло были уже готовые инструкции. В Версале было решено признать одного вождя, и этим вождем был заочно признан Деникин... Его агенты уже были при французском командовании...“ (Статья Краснова, там же).

Какие же информации подавали Союзникам пред-

ставители Деникина? Ген. Краснов рассказывает, что представители Деникина

> „нарисовали Донское Войско полубольшевистским государством, руководимым немцами, не имеющим никакой армии... Все это было высказано генералом Бертелло на первом приеме Сазонову и Янову...“ (Там же).

Мы не имеем никаких оснований для сомнения в правдивости этого сообщения ген. Краснова.

Что же получается? Донское Войско буквально истекало кровью в неравной борьбе именно с большевицкой Россией, а за его спинами представители „белой России“ так беспардонно клеветали на героическое Войско Донское. Русские царские генералы — Сытин, Егоров, Чернавин и многие другие направляли против Казачества стотысячные русские армии, а представители Деникина так бессовестно лгали представителям Антанты на Донское Войско, на Донскую Республику, а, значит, и на все Казачество.

Естественно, что Донской Атаман Краснов скоро проиграл бой с ген. Деникиным за первенство в руководстве силами противобольшевицкой России. Для представителей старой России в Европе, которые всюду еще оставались на своих местах, всех этих посланников, консулов, военных представителей и т. д., для русских генералов, помещиков, фабрикантов, банкиров, „общественных деятелей“, членов бывшей Государственной Думы, журналистов, бюрократов и т. д., словом, для всех русских людей, что толпились в передних министерств и банков почти всех государств Европы, что наводняли освобожденные от большевиков города в Казачьих Землях, генерал Деникин подавал далеко более надежд, нежели, хотя и русский генерал, хотя тоже защитник единой и неделимой России, но все же выборный Донской Атаман, генерал Краснов. Как бы то ни было, а на Дону был принят закон об уничтожении среднего и крупного землевладения (свыше 30 десятин) на Дону был введен демократический образ правления

на Дону существовал непосредственный контроль управления со стороны выборных казачьих представителей через Большой Войсковой Круг; генерал Краснов подписал договор о признании самостоятельности Украины, а также договор о признании самостоятельности Кубани... Рядовое донское Казачество весьма храбро и упорно дралось, защищая свою Землю от большевицкой России, но, ведь, это же Казачество возродило свою давнюю самостоятельность, имело свой флаг и герб и совершенно не хотело вмешиваться во внутренний спор русских помещиков и фабрикантов с русскими крестьянами и рабочими.

Эти донские казачьи порядки не были идеалом для русской контрреволюции, для русских единонеделимцев вообще, и потому Донской Атаман не мог быть вождем „белого движения". Однако, генерал Краснов не хотел уступить первенство генералу Деникину. Закулисная борьба этих двух русских генералов за водительство противобольшевицкими силами, начавшаяся еще с мая месяца 1918 года, отняла еще почти целых три месяца и окончилась только в начале февраля 1919 г. уходом Краснова с поста Донского Атамана. По этому вопросу распубликовано уже много материалов (см., например, статью П. Н. Краснова: Всевеликое Войско Донское; ген. Деникин: „Очерки русской смуты", К. Н. Соколов: „Правление генерала Деникина", книгу 3-ю „Донской Летописи" и т. д.). Эта борьба была описана с разных точек зрения, но в этих описаниях почти отсутствует самое главное, а именно, об'ективная оценка того, какой колоссальный вред Казачеству принесла эта потасовка между двумя кандидатами в „спасители России".

Донское Казачество, давшее все для борьбы с наступающими на его Землю русскими армиями, донское Казачество, возродившее свою былую государственную самостоятельность и оформившее ее в виде Республики Всевеликого Войска Донского, вручило почти диктаторскую власть над собою казаку, но ярому рус-

скому единонеделимцу, генералу П. Н. Краснову. Войско Кубанское, благодаря предательству одних и нерешительности других, передало свои вооруженные силы тоже последовательному русскому единонеделимцу, ген. Деникину. Генерал Краснов, при поддержке донского офицерства, сумел из восставших казаков организовать доблестную Донскую Армию, успешно и бесчисленное множество раз бившую большевицкие русские армии. Ген. Деникин в своем распоряжении русской армии не имел, своей программой государственного, политического и социального строительства народные массы воодушевить на борьбу не мог, но его поддерживала русская, в том числе и русско-казачья общественность, имевшая в своем распоряжении весьма важное оружие — прессу; его, до известной степени, поддерживали представители могущественных Союзных держав, победительниц в мировой войне. Это последнее обстоятельство сыграло, как известно, решительную роль в той борьбе, которую Деникин, являясь выразителем желаний и чаяний русских людей, настойчиво вел против Донского, Кубанского и Терского Казачества, фактически на своих крепких плечах выносившего всю тяжесть кровавой борьбы с захватническими стремлениями Сов. России.

Как мы говорили выше, положение на фронте Донской армии к зиме 1918 г. было таково, что требовалась немедленная помощь со стороны освободившейся Кубани, что жизненными интересами всего юго-восточного Казачества вызывалась необходимость скорейшего об'единения военных действий его армий в целях ведения успешной войны за независимость против армий России, имевших единое политическое и военное руководство. Попытка такого об'единения была сделана в мае месяце 1918 г. Договором между Доном и Кубанью предусматривалось установление Доно-Кубанского Военного Совета. Однако, как мы видели, этот договор не был осуществлен благодаря саботажу со стороны Кубанского Войскового Атамана Филимонова.

В сентябре и октябре месяцах того же 1918 г. со стороны русских людей делались многократные попытки склонить Кубань к признанию диктатуры ген. Деникина. При этом Казачество выступает раздвоенно: самостийническая часть Кубани стоит решительно против такого признания, а „русская часть“ Кубани — за признание; председатель Донского Круга В. А. Харламов — за признание, а Донской Атаман, генерал Краснов, — против.

На 13 ноября в Екатеринодаре было собрано ген. Деникиным совещание из представителей Добровольческой армии, Дона и Кубани для решения трех вопросов: о единой власти, едином командовании и едином представителе перед Союзными державами. От Войска Донского были командированы на это совещание генералы Греков, Свечин и начальник Войскового Штаба ген. Поляков. Донские представители заявили: 1. Диктатура ген. Деникина не может быть признана, 2. единое командование может быть лишь при едином фронте и 3. единый представитель возможен и желателен (См. выше цит. статью ген. Краснова, стр. 263).

> „К соглашению комиссия не пришла“, повествует б. Донской Атаман П. Н. Краснов, „а отношения обострились еще более; непосредственно за комиссией начались репрессии (со стороны кандидата в диктаторы — ген. Деникина) по отношению Войска Донского. Не были отпущены из Севастополя столь нужные Войску (при осаде Царицына) тяжелые орудия, генерал Семилетов получил разрешение на формирование „донского отряда в Добровольческой армии“, что давало возможность укрываться от мобилизации и нарушало организацию Донской Армии... Наконец, было решено не допускать представителей Союзных держав на Дон и всячески мешать непосредственным сношениям с Союзниками... Так с приездом Союзников началася жестокая интрига против Донского Атамана и Войска Донского, но

им было уже не до того, чтобы парировать ее. Военные события изменились, Войску Донскому угрожала гибель...“ (Там же, стр. 264).

Донской Атаман Краснов и вождь русской контрреволюции, ген. Деникин, один другого перегоняя, начали, каждый отдельно, просить помощи у Союзников для дела „спасения России от власти большевиков“. Это состязание двух русских генералов в заискиваниях перед Союзниками и в захвате руководства вооруженной борьбой с большевицкой Россией, без сомнения, вредило самим русским людям, но больше всего принесло зла Казачеству.

Силы Деникина.

У ген. Краснова была вооруженная сила — Донское Войско, но Донские казаки не собирались идти на Москву. О таком положении дел на Дону Союзников поинформировали представители ген. Деникина, называя Донское Войско полубольшевицким. С другой стороны, представители Антанты не могли не видеть, что у Деникина фактически нет армии, с которой он мог бы начать поход на Москву. В самом деле, представители государств Антанты, бывшие в России в период захвата власти большевиками в Петрограде и в Москве и в следующий период укрепления этой власти, видели, что только на нерусских территориях бывшей России — у Прибалтийских народов, в Белоруссии, на Украине, в Казачьих Землях, на Кавказе и т. д. — было оказано серьезное сопротивление установлению большевицкой власти, что только нерусские земли позже буквально кипели народными восстаниями против русской власти большевиков; видели они также, что все руководители и организаторы „белого движения“ убегали с действительно русской территории (Великороссии) на земли соседних народов и тут стремились обосноваться, найти себе живую силу и материальные средства „для похода на Москву“. Так было на Юге, так было на Востоке, так было и на Западе.

Союзные представители знали хорошо и о том, что в разных формах и при различных обстоятельствах, но все не русские народы в 1918 г. уже провозгласили свои независимые республики, что казаки, на землях которых обосновался Деникин со своей Добрармией и с русской беженской братией, тоже провозгласили свои независимые государства. И если державы победительницы помогали освобождаться народам средней Европы — сербам, хорватам, чехословакам, полякам, румынам, — естественно, они должны были понимать значение освободительных движений нерусских народов России. Самый факт существования Донского государства со своими законами, со своей Армией и своим Атаманом и Правительством, факт прибытия к Союзникам отдельной делегации Всевеликого Войска Донского, факт существования Кубанского Правительства и заседавшей в ноябре мосяце 1918 г. в столице Кубани Кубанской Краевой Рады, принятие ею Конституции Кубани, закона о земле, закона о самостоятельной Кубанской Армии, избрания Делегации на мировую Конференцию; существование Украины и ее борьба за самостоятельность, факт существования Грузинской Республики, Республики Азербейджанской и другие подобные факты свидетельствовали о том. что единонеделимческое русское движение, борьба за возрождение единой и неделимой России не может встретить поддержки народных масс на нерусских территориях бывшей России, что все Деникинское движение строится, собственно, на песке.

Если бы всех этих многоговорящих фактов официальные представители держав Антанты и старались не замечать, то о широком информировании общественности западно-европейских государств, конечно, постарались сами правительства молодых государств, и это они сделали, как через прессу, так и через свои политические и торговые представительства в Европе. И если эта национальная пропаганда и была недостаточной для того, чтобы вызвать прямую и организован-

ную поддержку освободительным движениям народов, то она была вполне достаточной для того, чтобы парализовать пропаганду русских единонеделимцев. Правда, тогда в Западной Европе было еще сильно распространено и популярно традиционное мнение о будто бы национальной однородности России, привитое и укрепленное здесь двухсотлетней монопольной работой официальных и неофициальных представителей русского государства, русской общественности. Правда, тогда еще не легко было представителям нерусских народов б. России разрушать это лживое представление о народах б. России...

Во всяком случае, перед глазами Европы тогда предстало несколько „Россий“:

1. Россия большевицкая, которая имела в своем распоряжении русскую территорию (Великороссию) и своими стотысячными армиями стремилась раздвинуть свои пределы до границ 1914 г.

2. Многие национальные государства, вырвавшиеся из-под русского владычества и ведущие борьбу, как с Россией красной, так и с Россией белой...

3. Россия „белая“, которая на землях нерусских народов собирала силы для похода против России Красной и против освобождающихся из-под власти России народов.

4. Россия русских соц.-революционеров и соц.-демократов, которая, хотя и не имела в своем распоряжении армии, но зато пользовалась тогда еще моральной поддержкой II рабочего Интернационала, представители которого занимали видные места в составе правительств многих государств Европы.

В первой части очерков „Трагедия Казачества“ мы уже наглядно, основываясь на данных самого Деникина, показали, какими, сравнительно малыми силами в действительности обладал генерал Деникин. В сравнении с поставленными русским белым движением

заданиями (1. свержение большевицкой власти и 2. борьба с сепаратизмом) эти силы были просто ничтожны!

Еще в мае месяце 1918 г. Донской Атаман Краснов усиленно звал Деникина выйти с русскими добровольцами на р. Волгу, обещая при этом, что „все Донские войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов будут подчинены автоматически генералу Деникину“ (Краснов, цит. статья, стр. 201). При этом Донской Атаман пояснял, что

> „движение на Царицын при том настроении, которое замечено в Саратовской губ., сулит добровольцам полный успех... Царицын даст генералу Деникину хорошую чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и огромные запасы всякого войскового имущества, не говоря уже о деньгах. Добровольческая армия перестанет зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицына сблизило бы, а может быть, и соединило бы нас с чехословаками и Дутовым (Атаманом Войска Оренбургского) и создало бы единый грозный фронт. Опираясь на Войско Донское, армии могли бы начать свой марш на Самару, Пензу, Тулу, и тогда Донцы заняли бы Воронеж“. (Краснов, цит. ст., стр. 201).

Деникин не пошел тогда на Царицын, ибо не имел сил для этого. Уже в сентябре месяце 1918 г. Донской Атаман снова весьма настойчиво приглашал Деникина выйти на Север, а не топтаться на Кавказе. И снова ген. Деникин не пошел.

А в это время (13-го сентября) дивизия Дроздовского сдала большевикам Армавир и потом (14-го октября) — Ставрополь и, наконец, была разгромлена таманцами под Ставрополем в конце того же октября месяца... После месячного отдыха и влития новых пополнений эта добровольческая дивизия насчитывала всего навсего около двух с половиною тысяч человек (Деникин, Очерки рус. смуты, т. IV, стр. 73). 6-го де-

кабря 1918 г. эта дивизия с броневиками и авиационными частями была переброшена в район Юзовки (Донецкий бассейн). В январе месяце 1919 г. сюда же была переброшена еще одна смешанная дивизия, насчитывавшая около 2-х тысяч человек.

Вот все, чем обладал Деникин на Северном Кавказе в конце 1918 и в начале 1919 г.

Относительно боевого значения этих сил ген. Деникина на огромном театре войны против большевицких армий на Дону и на Северном Кавказе в этот период времени сам Деникин говорит следующее:

> „Донской Атаман настойчиво добивался наступления на Харьков, взятый большевиками 21 декабря, „и занятия северных границ Украины“; а Май-Маевский (командир добровольческих частей в Донецком бассейне) в течение двух месяцев со своими $2^1/_2$, а потом $4^1/_2$ тысячами штыков, с огромным напряжением и упорством едва отбивался от Махно, петлюровцев и двух дивизий большевиков“... (Деникин. Очерки, IV, стр. 73).

Выше мы отмечали на основании офциальных большевицких и донских данных то обстоятельство, что к декабрю месяцу 1918 г. Москва сосредоточила только против Дона около 120-130-ти тысяч штыков и сабель при 2000 пулеметов и 450 орудиях под руководством царских генералов Сытина, Егорова, Чернавина и многих других. Представим себе, теоритически, конечно, что в конце 1918 г. или в начале 1919 г. Деникин только со своими добровольцами, без казаков Дона, Кубани и Терека, принужден был бы столкнуться с этой 130-ти тысячной русской армией и оружием разрешить спор между белой и красной Россией!

Что случилось бы?..

Ведь, добровольцы, ведя борьбу „с огромным напряжением и упорством едва отбивались от Махно, петлюровцев и двух дивизий большевиков“, как авторитетно свидетельствует сам Деникин. Где же тут говорить о победоносном походе на Москву!..

Действительная Россия била только по Донским казакам из сотни тысяч винтовок, секла их из 2-х тысяч пулеметов, бомбардировала из 450 орудий. Действительная Россия делала все, чтобы уничтожить Терских и Кубанских казаков. Действительная Россия наступала на Украину, на Восток, на Запад и на Север, и в своей русской армии, организованной и руководимой русскими людьми, насчитывала уже около 800-т тысяч штыков и сабель...

Все это хорошо знал уже тогда ген. Деникин, ибо в его руках сосредоточивались все данные о военном, экономическом и политическом положении противника — большевицкой России. Знали и учитывали эти обстоятельства и противники генерала Деникина среди казаков.

Если Атаман Краснов и на северном и на восточном Донском фронте показывал тогда представителям держав Антанты полки и дивизии храбрых Донских казаков, то вождь белого движения, имеющего своей задачей сокрушение стотысячных большевицких армий и борьбу с восставшими против России народами, мог показать, как мы видели (см. ч. I, стр. 257, очерков „Трагедия Казачества“) представителям Союзников только полки доблестных... Кубанских казаков.

Тяжело вспоминать о пережитом кошмаре взаимоотношений между „союзниками“ — русскими людьми, во главе с Деникиным, с одной стороны, и славным, беззаветно храбрым и добрым Казачеством, с другой. А еще тяжелее принуждать себя к спокойствию, когда постепенно, шаг за шагом, поднимаешь покров времени над недавними событиями, и перед тобою открывается бездна человеческого тупоумия, политической слепоты, измен, предательства, невероятной жестокости, неслыханной моральной низости, подлости и своекорыстия, которые были и есть причиною страданий Казачества, потоков крови и, в конце концов, привели его к порабощению на многие годы под ногами русской красной России...

Внутренний враг всегда опаснее внешнего. Позорная память о казачьих клятвопреступниках и низкопоклонных почитателях русского генерала Деникина навсегда останется в казачьей памяти... Не уйти им от справедливого суда казачьей истории...

Деникин мешал казачьей освободительной войне.

Пять томов „Очерков русской смуты“, написанных генералом Деникиным в эмиграции, наполнены похвалой русским людям... Попробуем, хотя в общих чертах, разобраться в вопросе, что принес Деникин, со всеми своими военными и политическими соратниками, казачьей освободительной войне в 1918 и в начале 1919 г. Вместе с тем ответим и на вопрос: кто из казаков действовал в интересах Казачества: те ли, кто стремился избавить Казачество и Казачьи Земли от плеяды контрреволюционных единонеделимческих общерусских деятелей, или те, кто прилагал все усилия для закрепления над казаками военной и гражданской власти Деникина и его соратников.

Не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что присутствие на Казачьих Землях представителей русской буржуазии, русской контрреволюции в значительной мере усиливало противо-казачьи большевицкие ряды, ибо русские крестьяне и рабочие совсем не желали возвращения старого политического и социального строя. Тот факт, что русские генералы стояли во главе противобольшевицких сил, оправдывал в глазах массы русского населения, в глазах рабочих и крестьян, желание русской большевицкой власти избавить Россию от угрозы возвращения помещиков и фабрикантов на свои места.

Русская контр-революция уже в 1918 году укрепляла большевицкие русские ряды одним появлением Деникинской администрации в освобожденных казаками местах — в Черноморской губ. и, особенно, в Ставро-

польской губ. пьянство, бесшабашный разгул, взяточничество, грубости, простое издевательство над населением, обыкновенно, сопутствовали появление Деникинских правителей. Сам генерал Врангель, этот типичный представитель старой царской России, закулисно обвинявший даже Деникина в либерализме, о появлении Деникинских властей в Ставропольской губ. в самом начале ноября месяца 1918 г. рассказывает следующее:

> „4-го или 5-го ноября прибыл в Ставрополь военный губернатор Ставропольской губ. полковник Глазенап со своим штабом. Последний производил на меня самое скверное впечатление... За исключением полк. Яковлева остальные чины штаба вели себя самым непозволительным образом. В самый день приезда полк. Глазенапа я вынужден был в городском театре, где был устроен спектакль для казаков, арестовать личного ад'ютанта губернатора и двух чинов штаба за непристойное поведение". (Врангель. Записки, т. I. стр. 90).

Кубанские казаки взяли город Ставрополь, понеся большие потери убитыми и ранеными. Казаков, как нарочно, собрали в театр, чтобы показать, что представляют из себя люди, присланные Деникиным для управления освобождаемой от большевицких комиссаров губернией. Какое настроение, какие чувства могли охватывать казаков при виде таких представителей новой власти? А что несла такая администрация населению Ставропольской губернии!?

Неужели казаки для того освобождали ее от большевицких правителей, чтобы управление передать пьяницам, дебоширам и хулиганам?! Ведь поведение администрации не могло быть секретом для населения. А это население не разбиралось в том, какие взаимоотношения существуют между Деникиным и казачьей властью; оно видело факты: казачьи полки гонят перед собою большевицкие полки, а на место самодер-

жавцев-комиссаров восседают русские типы, которых так ярко характеризует Врангель.

Таково было начало. Без сомнения, такая Деникинскаа администрация только усиливала большевицкую противо-казачью агитацию, которая не прекращалась во все время борьбы.

Что дал Деникин казакам в смысле усиления рядов бойцов на фронте? По этому вопросу мы говорили уже достаточно. Следует добавить, что Деникин, при поддержке Кубанского Атамана Филимонова, сумел добиться права мобилизации в армию иногороднего некоренного населения Кубани. Не хотелось бы даже верить в то, что самостоятельная Кубань могла предоставить Деникину такое „право". Но, к сожалению, такой весьма печальный факт в жизни самостоятельной Кубани имел место. Некоренного иногороднего населения насчитывалось на Кубани, приблизительно, около 1-го мил. душ. Что же дали мобилизации этого населения? (Мобилизация только одного года могла дать армии около 10-ти тысяч бойцов).

Во всех своих писаниях Деникин умышленно обходит этот вопрос. Мобилизации были. Но куда же девались мобилизованные? Почему добровольческие офицерские русские кадры не обростали мобилизованными Деникиным неказаками Кубани, мобилизованными в Ставропольской и Черноморской губерниях? Почему эти кадры не разростались в дивизии, в армию?

Почему, помимо чисто казачьих и горских частей, в начале декабря 1918 г. и в январе 1919 г. Деникин с большим трудом мог набрать только $2^1/_2$-$4^1/_2$ тысячи бойцов? Да, ведь, и в состав этих частей тоже входили кубанские казаки!

Население Черноморской губ., некоренное население Кубани и население освобожденной к тому времени части Ставропольской губ. (уезды Медвежинский, Ставропольский, Благодарненский и часть Александровского) насчитывало, в общем, около 2-х миллионов душ. Мобилизовал это население русский „дикта-

тор“ — Деникин. Казачий Дон насчитывал меньше этого количества населения, если считать только казаков. Донские казаки в течение уже 9 месяцев успешно дрались с русскими полчищами, а в декабре месяце 1918 г. отражали стотысячную русскую армию на огромном фронте от Кантемировки до Новохоперска, далее по восточной границе Дона до Царицына и еще далее — до Маныча. Донской Атаман Краснов, зная постоянные претензии Деникина на верховное водительство армиями, зная, что Деникин уже мобилизует бойцов из почти 2-х миллионов населения, зная, что Деникин через своих многочисленных агентов в Европе выставляет себя перед державами Антанты за вождя противобольшевицких сил, совершенно естественно, добивался продвижения деникинцев на Харьков. И что же? Русские люди на всю Европу гремели славу непобедимой русской Добровольческой Армии, а в действительности Деникину воевать было некем. То, что Деникин и его сообщники выдавали за русскую армию, те победы, которые русская пресса и русские представители за границей выдавали за победы русских добровольцев, фактически, как мы видели, принадлежали почти исключительно доблестным кубанским казакам. Добровольцы дрались храбро, но их было так мало, что из них нельзя было составить даже одной, чисто добровольческой дивизии нормального боевого состава. Те части, которым на бумаге, в русских штабах и в редакциях русских газет, прилепляли название добровольческих, пополнялись мобилизованными кубанскими казаками и хлеборобами Ставропольской и Черноморской губ. и Кубани. И, конечно, эти части не были теми силами, опираясь на которые, Деникин мог строить единую и неделимую Россию!

Постоянно играя перед русской беженской общественностью и перед иностранцами успехами русской Добровольческой армии, постоянно выдавая казачьи войска за русских добровольцев, генерал Деникин не нашел в себе сил, чтобы, хотя за границей, воздер-

жаться от выявления этих своих душевных качеств...

Несмотря на это, у него иногда проскакивают данные, которые в совершенно ином освещении, чем то бы хотелось русским людям, представляют описываемые Деникиным события и факты. Описывая северо-кавказскую операцию „русской Добровольческой армии“, ген. Деникин поместил в сноске под текстом, совсем мелким шрифтом, перечисление боевых единиц этой армии в конце ноября 1918 г. (т. IV, 106—107 страницы). Посмотрим, из каких частей составлялась так называемая русская Добр. армия:

1. Армейский корпус генерала Ляхова:
   1-я Кубанская пластунская бригада (ген. Слащов),
   2-я Кубанская пластунская бригада (ген. Гейман),
   1-я Кавказская казачья куб. дивизия (ген. Шкуро),
   Черкесская дивизия (ген. Султан-Келеч-Гирей),
   Терский отряд — казаки и горцы,
   Баталпашинские казачьи ополчения.

2. 1-й армейский корпус ген. Казановича:
   1-я дивизия (смешанного состава, большинство кубанцы, ген. Колосовского),
   1-я Кубанская каз. дивизия (ген. Покровский, врем. Науменко).

3. 1-й Конный кубанский корпус ген. Врангеля:
   1-я Кон. Кубанская дивизия (ген. Шатилов),
   2-я Куб. каз. дивизия (ген. Улагай),
   Сводная конная бригада (ген. Чайковский),
   3-я Куб. пластунская бригада (ген. Ходкевич).

4. Отряд ген. Станкевича:
   Сводные части 3-ей Куб. каз. дивизии, 3-й Куб. каз. пластунской бригады, 1-й дивизии и другие.

Название частей говорит само за себя.

А где же русские добровольцы? Куда девалась русская Добровольческая армия, о победах которой русские люди на все голоса жужжали в уши официальных и неофициальных представителей западно-европейских

государств, подвигами которой заполнялись сводки боевых действий, издаваемые штабом Деникина?

А где же мобилизованные Деникиным жители Ставропольской и Черноморской губерний, где мобилизованные им иногородние Кубани?

Будем совершенно об'ективны и не забудем, что русский добровольческий Корниловский полк в это время находился в столице Кубани, Екатеринодаре, для парадов и для наглядной демонстрации перед Союзниками и русскими людьми сил „русской армии“. Казаки мерзли в рано наступившую зиму 1918—1919 г. в открытых просторах Ставропольской губернии, тысячами умирали от пуль армий, руководимых „красными“ генералами из Москвы и Царицына, а „белый“ русский генерал, Деникин, предлагал своим соратникам — русским генералам, Драгомирову и Лукомскому:

> „Если вы мне скажете сейчас, что насильственные меры приведут к положительным результатам, я завтра же Корниловским полком разгромлю Кубанское Правительство...“ (Деникин, Очерки, т. IV, стр. 52).

Вдумчивый человек, который попробовал бы понять события, происходившие тогда на территории всей б. России, разве не придет в ужас при виде таких фактов: русский генеральный (царский) штаб, под надзором русских комиссаров, организовал и направил на завоевание Казачьих Земель стотысячные русские армии; Казачество буквально истекало кровью в борьбе с этими русскими армиями, а группа русских же генералов, при поддержке изменников Казачества, медленно и осторожно затягивала петлю на доверчивой казачьей шее.

Не осмелившись тогда напасть на казачий тыл, русские генералы напали в самом Екатеринодаре на официальных представителей Украинской Державы. По распоряжению Деникина в помещении Украинского Посольства в Екатеринодаре был произведен обыск, выемка документов и арест секретаря Посольства. Через не-

сколько дней командование Добр. армии арестовало и самого посла Украины полк. Боржинского и сняло украинский флаг. (Г. Покровский. Деникинщина. Берлин. 1923, стр. 68—70).

Не надо и пояснять, какое отношение могло вызвать у Кубанских казаков, в большинстве своем потомков славной Сечи Запорожской, это нападение русских людей на официальных представителей единокровной Украины, с которой Кубань имела целый ряд дружеских соглашений, откуда все лето и осень поступало оружие для Кубанских войск...

В то время, когда славное Донское Войско, напрягая все свои силы до крайних пределов, отражало 120—130-ти тысячные русские армии, в то время, когда Донской Атаман усиленно звал Деникина на Харьковское направление, ген. Деникин в Туапсинском районе держал против Грузии отряд генерала Черепова силою в 3000 штыков и сабель (Деникин. Очерки. IV, стр. 81).

Как мы отметили выше, Деникин жаловался на то, что в Донецком бассейне „$2^1/_2$ потом $4^1/_2$ тысячи штыков с огромным напряжением и упорством едва отбивались от Махно“ и т. д., Деникин не мог удовлетворить настоятельную просьбу Донского Атамана выдвинуться со своим отрядом к Харькову, что, без сомнения, вызывалось интересами успешной борьбы с наступающими с Севера большевицкими армиями. Деникин просил Союзников о присылке иностранных войск и, в то же время, без нужды держал 3000 бойцов на берегу Черного моря, ослабляя фронт, где на учете был каждый солдат...

Таким образом, русские люди, внедрившиеся в среду казаков и захватив в свои руки командование кубанскими казаками и мобилизованными хлеборобами Северного Кавказа,

1. не могли дать для казаков серьезной вооруженной помощи на противобольшевицком фронте,

2. уже в 1918 г. втягивали Казачество в войну с Украиной и Грузией,

3. парализовали об'единение Народов Юга для успешной оборонительной войны с наступающей красной Россией,

4. готовили предательское вооруженное нападение на Кубанское казачье народное представительство.

И при всех этих обстоятельствах, известных и совершенно понятных уже тогда, в период борьбы, находились казаки, которые старались всячески закрепить единоличную власть Деникина над Казачеством. Среди этих политических слепцов первое место занимали Кубанский Атаман А. П. Филимонов и председатель Донского Круга В. А Харламов. Занимаемые ими высокие выборные места в Войсках давали возможность этим людям сравнительно легко итти к своим единонеделимческим целям и бесконечно вредить Казачеству.

„Политика" Деникина в казачьем вопросе.

Мы уже отмечали в I-ой части очерков „Трагедия Казачества" то обстоятельство, что кубанские самостийники пред'явили Деникину обвинение в предательстве Кубани и Казачества вообще. Разберемся в некоторых событиях из истории борьбы Казачества в 1918 г., сопоставим факты и попробуем дать прямой и ясный ответ на следующий вопрос: что принесло казакам военное руководство Деникина кубанскими казачьими силами в 1918 и в начале 1919 года?

Донское Войско. Немецкие войска на Украине весною, летом и осенью 1918 г. надежно прикрывали Донскую территорию с запада. Донское казачество восстало поголовно против советской власти и в течение апреля-июня месяцев собственными силами освободило свою территорию, разгромив при этом в многочисленных тяжелых боях войска большевиков. После этого, как сказано вы ше, Дон успешно отражал все нападения большевицких армий на Донскую Землю.

О силах восставшего Донского Казачества и силах

разгромленного им противника свидетельствует следудующая таблица:

Даты	Силы Донск. Арм.			Силы противника		
	бойцов в тысяч.	орудий	пулеметов	бойцов в тысяч.	орудий	пулеметов
К 1 мая 1918	17	21	58	70	200	400
„ 1 июня „	40	56	179	65	170	350
„ 1 июля „	49	92	272	63,6	198	371
„ 1 декаб. „	49,5	153	581	131,2	450	2000

(См. Ген. штаба полк. Добрынин — бывший начальник развед. и оперативного отделений штаба Донской Армии: Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе Донского Казачества. Февраль 1917 — март 1920. Прага. 1921. Страница 111. Число орудий и пулеметов в большевицкой армии на 1-е дек. взяты из труда Егорова: Разгром Деникина, стр. 73-74).

Для того, чтобы можно было яснее представить размеры территории, очищенной Донскими казаками от большевицких войск, сравним размеры Донской территории с территориями некоторых современных государств:

	тысяч кв. килом.		тысяч кв. килом.
Дон	208	Эстония	48
Болгария	103	Латвия	66
Чехословакия . . .	141	Литва	48
Югославия	249	Бельгия	30
Италия	313	Венгрия	93
Румыния	316	Франция	551

(См. И. А. Билый. Казачьи Земли. Территория и народонаселение. Прага. 1926. Стр. 10).

Из приведенных данных видно, что Донское Войско собственными силами освободило от большевицких войск территорию в два раза большую современной Болгарии, в полгора раза большую Чехословакии, только на 40 тыс. кв. км. меньшую Югославии...

Донское казачество не только освободило свою обширную область от большевицких войск, не только в августе-декабре 1918 г. отбрасывало все новые и новые волны московских красных войск, но оно, Донское Войско, сковало 30-ти тысячную X-ую большевицкую армию в Царицыне на Волге и не позволило ей в том году распространиться в сторону Кубани и Северного Кавказа для поддержки советских войск, боровшихся против Кубанцев, Терцев и Добровольцев.

Перерезав единственную железно-дорожную линию, соединявшую Кубань с Царицыным (Царицын-Тихорецкая-Екатеринодар - Новороссийск, Тихорецкая - Кавказская-Армавир-Минер. Воды-Владикавказ), Донское Войско перервало подвоз вооружения и огнестрельных припасов из Москвы для советских войск на Кубани и Северном Кавказе. Вследствие этого, для красного командования оставались только два пути для сношений с Северо-Кавказскими большевицкими армиями: 1. далекий и неудобный через Астраханские пески в Ставропольскую губернию и 2. через Каспийское море и Терскую область.

Таким образом, Донское казачество своими силами освободило свою обширную территорию и стальной стеной своих штыков, пик и сабель отгородило и прикрыло со стороны Москвы Кубанское и Терское Войска и численно чрезвычайно слабый Добровольческий отряд.

Широкие ворота между г. Азовом, который лежит при впадении р. Дона в Азовское море, с одной стороны, и г. Царицыным на Волге с другой, были надолго крепко заперты славными донскими полками для

наступления большевицких московских войск на Кубань, Терек и вообще на Северный Кавказ. Кроме того, как мы видели (см. ч. I очерков „Трагедия Казачества“), Донские войска принимали непосредственное участие в боевых операциях кубанских войск против большевиков: в июне месяце на фронте Мечетинская-Егорлыкская и против Торговой и Великокняжеской, в сентябре-октябре — на севере Ставропольской губернии, в районе Торговая-Дивное.

С весны и до половины ноября месяца 1918 г. через территорию Дона шло с Украины оружие для Кубанцев и Добровольцев.

Терское Войско. В 1917 г. Терское Войско насчитывало всего около 275.000 душ населения обоего пола, и на его земле жило около 300.000 д. неказачь- (иногороднего) населения; южную часть Терской обл. с незапамятных времен заселяют горские народы — Кабардинцы, Осетины, Ингуши, Чеченцы и др. — общей численностью около 1.200.000 д. обоего пола.

Терское Войско занимает длинную широкую полосу земли, начиная от Войска Кубанского и до Каспийского моря; к северу от Войска Терского лежат Ставропольская и Астраханская губернии.

Малочисленность Терского Войска, разбросанность его станиц на сравнительно большой территории, превосходившее Терских казаков иногороднее население, давние распри у Терских казаков с горскими народами, в общем, создали для Терского казачества весьма сложные и трудные условия борьбы с большевицкими войсками.

Несмотря на все эти и многие другие препятствия и трудности, Терское Войско, после целого ряда попыток разрешить местные сложные вопросы мирным путем, сбросило с себя в июне месяце 1918 г. советскую власть и заняло своими отрядами длинную и, сравнительно, широкую полосу казачьей земли почти от Минераловодской группы и Георгиевска через Прохладную, Моздок, Грозный и до самого Кизляра и Каспий-

ского моря. Сложны были перипитии этой борьбы Терских казаков за свои права, за свою землю. Но все же Терское казачество сумело, в невероятно трудных условиях, в течение 5-ти месяцев — июнь, июль, август, сентябрь и октябрь 1918 г. — держать в своих руках территорию, отбивать натиск большевицких войск со стороны Кубани, со стороны Ставропольских степей и со стороны большевицкой базы — Астрахани.

Восстание Терского казачества против большевиков и упорная борьба с ними имели огромное значение не только для самого Войска Терского, но и для общего успеха борьбы с большевиками на землях Юго-Восточного Казачества:

1. Терские казачьи противобольшевицкие отряды насчитывали в своих рядах от 10-ти до 30 тысяч бойцов. Даже генерал Деникин, описывая борьбу на Тереке, с нескрываемой иронией признает, что Терские казачьи отряды, в среднем доходили до 12 тысяч чел. при 40 орудиях, (см. том IV, стр. 104) и, естественно, отвлекали на Терек значительные силы с большевицко-кубанского и с большевицко-донского фронтов;

2. восставшее Терское казачество, держа в своих руках большую территорию от Каспийского моря почти до границ Кубани, не позволяло московской власти набирать на этой территории пополнения для большевицких армий, боровшихся против Кубанского казачества в предгорьях Кавказа, в степях Кубани и Ставропольской губ.;

3. доблестные Терские казаки, захватив и удерживая в своих руках в течение 5-ти месяцев единственную на Северном Кавказе железную дорогу, идущую с запада на восток и связывающую Кубань с берегами Каспийского моря, перерезали этот единственный удобный путь сообщения Северо-кавказских большевицких войск с их главной базой в Астрахани и не допускали подвоза ни вооружения, ни огнестрельных припа-

сов, ни московских войск на противокубанский большевицкий фронт;

4. не давая большевикам возможности производить мобилизацию в Терской области, отвлекая на себя большевицкие войска, перерезая сообщения Кубанской группы большевицких войск с их базой, нажимая с востока на большевицкие войска, дравшиеся против кубанцев, Терское казачество не только ослабляло большевицкие войска физически, но и подрывало моральное состояние и боевую стойкость большевицких войск на Северном Кавказе.

Таким образом, Донское казачество крепкой стальной заслоной прикрывало с севера Кубано-Добровольческие операции на Кубани в и Ставропольской губ. в течение всего 1918 г., а Терское казачество прикрывало эти же операции в июне — октябре месяцах того же года, с востока. С запада Кубанцев и Добровольцев хранило Азовское море, а с юга — Черное море. Вследствие этого для кубанцев и добровольцев создались благоприятные условия для ведения успешной борьбы с большевицкими войсками на Кубани и в Ставропольской губернии.

Ставропольская губ. Между Терской, Кубанской и Донской областями находится Ставропольская губерния. Большевицкая власть прилагала огромные усилия, чтобы людские рессурсы этой губернии использовать для борьбы с Казачеством. При приходе Кубано-Добровольческого отряда в июне месяце 1918 г. с Дона на Кубань (так наз. 2-ой поход), как сказано выше (см. часть 1 „Траг. Казач.“), была взята, прежде всего, узловая станция Торговая, которая лежит в северо-западном углу Ставропольской губ. Потом Кубанцы и Добровольцы взяли большие Ставропольские села Песчанокопское и Белую Глину, а Кубанская дивизия Эрдели прошла по целому ряду сел той же губернии, лежащих к югу от Торговой, Песчанокопской и Белой Глины, и нигде наши войска не

встретили серьезного сопротивления со стороны мобилизованных большевиками жителей этой губернии.

При операции на Тихорецкую левофланговая дивизия Боровского временно продвинулась в западную часть Ставропольской губ (район очень большого села Медвежьего) и тоже не встретила серьезного сопротивления со стороны ставропольцев. Несколькими днями позже полк. Шкуро с отрядом Баталпашинских и Лабинских казаков занял самый город Ставрополь, подойдя к нему с юга и сравнительно незначительными силами долгое время удерживал этот город в своих руках.

Эти операции Кубанских частей Эрдели, Боровского и Шкуро в пределах Ставропольской губ. летом 1918 г. показывают, что большинство жителей этой губернии уже тогда относилось пассивно к призывам большевиков и не проявляло охоты сражаться за московские большевицкие идеалы.

Потом большевики в сентябре месяце 1918 г. сделали большие усилия, не останавливаясь перед применением самых жестоких способов большевицкого террора, и кое-как набрали из ставропольцев две дивизии, которые оперировали в северной и северо-восточной части Ставр. губ. Однако, эти дивизии (см. часть I „Траг. Каз.“), сравнительно, легко были разбиваемы Кубанскими казачьими частями под командой Улагая и Станкевича. Уже в ноябре месяце Кубанцы I-го корпуса под командой Врангеля прошли Ставропольскую губ. с боями на северо-восток от Ставрополя до самой Донской области и Астраханской губ., добили здесь и распылили окончательно остатки Таманской армии.

Ставропольское население, испытав на себе большевицкие насилия — расстрелы, грабежи, реквизиции — перенеся на своей земле с июня месяца всю тяжесть беспрерывной войны с ее постоянно передвигающимися фронтами, видя моральную правоту Кубанских, Донских и Терских казаков и их доблесть, это стовропольское крестьянское население только под не-

посредственной угрозой большевицких штыков и пулеметов шло в большевицкие полки.

Ген. Врангель, описывая уже за границей, в 1922 году, операции Кубанских частей в Ставропольской губ., дает следующую характеристику настроениям ставропольских хлеборобов:

> „После разгрома (большевиков) на Урупе и Кубани, красные, стремясь пополнить свои поредевшие ряды, стали прибегать к широкой мобилизации, штыками и пулеметами заставляли идти за собой население из ближайших прифронтовых деревень. Поставленные насильно в ряды дрались, конечно, не охотно, при первой возможности сдавались в плен и в наших рядах, сражаясь за освобождение родных сел, дрались отлично". (Врангель. Записки, т. I, стр. 98).

При общей оценке состояния большевицких сил на Северном Кавказе следует хорошо помнить эту характеристику массы населения Ставрополья, данную русским генералом, непосредственно наблюдавшим это население в самый период войны. Как видим и для населения Ставропольской губ. большевицкая власть, по сути, была властью чужой и могла удержаться здесь только благодаря применению большевиками жестоких насильственных мер. Это, конечно, облегчало борьбу Казачества с большевицкими армиями.

Кубань. Когда 10-го июня 1918 г. Кубано-Добровольческий отряд начал свой поход для освобождения Кубани, в этом отряде было восемь с половиной — девять тысяч человек при 21-м орудии, а у большевиков, в непосредственной близости, было 70-80 тысяч бойцов, разделенных на три главных группы: Азовско-Батайско-Кущевскую, Тихорецкую и Манычскую. В июне-июле месяцах Кубанцы, до известной степени поддержанные Добровольцами, последовательно разгромили неприятельские группы войск, очистили весь правый берег Кубани и 2-го августа того же года заняли столицу Кубани — Екатеринодар.

Сам Деникин, по своему разумению оценивая общую военную ситуацию, писал Кубанскому Атаману 2-3 августа о том, что тогда уже была освобождена „почти вся Кубань“. Вскоре после этого Кубанские войска изгнали большевиков из Черноморской губ., занимали большую часть Ставропольской губ. с городом Ставрополем. В это же время, как мы говорили выше, восставшие Терские казаки занимали всю линию железной дороги от Кубани до Каспийского моря. Горские области — Кабарда и Осетия — тоже были очищены от большевицких войск.

Все эти обстоятельства поставили большевицкие войска на Северном Кавказе в весьма критическое положение. Кубанскими, Терскими и Горскими войсками они были сжаты между Ставрополем, Армавиром и Минеральными водами с трех сторон: с севера, с запада и с юга. Они могли сноситься только с нижней Волгой через обширные безводные Астраханские пески.

Перед этим, в течение почти трех месяцев, большевицкие войска были множество раз биты нашими войсками, потеряли огромную территорию, были деморализованы... Описывая состояние Северо-кавказских большевицких армий в это время (начало сентября 1918 г.), ген. Врангель, между прочим, удостоверяет, что в большевицкой армии было „неумелое руководство“, и что „общее управление было из рук вон плохо“ (Врангель. Записки. Стр. 71 и 74).

В то же время на нашей стороне было безусловное превосходство духа в войсках, которые возросли с $8^1/_2$—9-ти тысяч человек до нескольких десятков тысяч (на Кубани было только мобилизовано 10 призывных возрастов казаков и горцев). В начале похода на Кубань мы имели 21 орудие, а в начале сентября 80 орудий.

И что мы видим?

$8^1/_2$—9 тысяч человек Кубанцев и Добровольцев могли разгромить в июне-июле месяцах 70—80 тысяч большевицких войск; Кубанцы могли освободить почти

всю Кубань. Терцы тоже освободили только своими силами почти всю казачью часть территории Терской области. Казачий Дон мог освободить к тому времени огромную территорию Войска Донского и продолжал с успехом бить большевицкие московские армии.

Дон был окружен Московскими войсками с трех сторон: со стороны Воронежской губ. (северо-запад), Тамбовской (север) и Саратовской губ. (северо-восток и восток) На Северном Кавказе, наоборот, большевицкие разношерстные, неорганизованные и деморализованные войска были нами окружены с трех сторон — со стороны Кубани, Терека и северной половины Ставропольской губернии.

Большевицкие войска, действовавшие против Дона в это время, без сомнения, были организованы и снабжены всем необходимым далеко лучше большевицких войск на Северном Кавказе.

Политическое и военное руководство и командный состав у большевицких войск против Дона, вне сомнения, были лучше политического и военного руководства и командного состава большевицких войск Северного Кавказа: Троцкий, Сталин и Ленин были сильнее и умнее евреев Рубина, Крайнего, Дунаевского и Режанского, этих главарей Северо-Кавказской Советской Республики, а „красные“ генералы Сытин, Егоров и Чернавин сильнее кавказского большевицкого „главкома“, фельдшера Сорокина...

Большевицкие войска, наступавшие из России на Дон, шли с голодного Севера на тогда еще богатый Юг; для них была понятна и ясна непосредственная причина похода (за хлебом). Кроме того, ведь, все таки с Севера шла настоящая Россия на свои колонии по издавна привычной дороге. Необходимость этого похода об'единяла все слои русской общественности.

В то же время такой ясности целей борьбы у большевиков Северного Кавказа, безусловно, не было. Не следует забывать того об'ективного факта, что большинство населения Северного Кавказа, а не только

Казачества, было охвачено сепаратистическим настроением, чем и об'ясняется провозглашение Кубанской, потом Черноморско-Кубанской и, наконец, Северо-Кавказской Советских Республик.

Казачьи края буквально горели ненавистью к большевикам, а Ставропольская губ., в общем, держалась пассивно (см. выше отзыв Врангеля).

Для всякого разумного человека было совершенно ясно, что скорейшая помощь восставшему Казачьему Тереку вызывается интересами не только Терека, но и всей освободительной противобольшевицкой войны. Соединение наших войск с восставшим Терским казачеством увеличивало нашу армию двумя-тремя десятками тысяч храбрых бойцов, деморализовало в конец большевицкие войска на Северном Кавказе и приближало день общей ликвидации этих войск в этом богатом крае.

Что же делает командующий кубанскими вооруженными силами генерал Деникин?

Вместо так необходимой помощи Тереку живой силой, в сентябре месяце ген. Деникин начинает кровавый и гибельный для Казачества танец в районе Армавира, Ставрополя и около Невиномысской. Деникин руководствуется не интересами Кубани, Дона и Терека, а интересами Единой, Неделимой России. Он принимает различные меры для закрепления за собой Кубанских вооруженных сил, а на Терек, вместо войск, 9-го сентября 1918 г. посылает распоряжение своим агентам — „добиваться установления на Тереке единоличной атаманской власти“ (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 103—104). На примере сношений с Кубанским Атаманом Филимоновым русские люди убедились в том, какие большие удобства сулит единонеделимцам единоличная власть атамана в деле набрасывания русских сетей на вольнолюбивое Казачество. С единолично властвующим атаманом можно легко и незаметно обманывать рядовое казачество и впрягать его в русский монархический шарабан.

Терский фронт действительно изнывал в неравной борьбе, победа большевиков над казачьим Тереком означала приход кровавой большевицкой власти, новые казни тысяч лучших сынов Терека, уничтожение имущества и увеличение сил зажатой с трех сторон, деморализованной уже большевицкой армии, означала ненужную затяжку войны и новые потоки крови...

Чрезвычайно близорукая, как всегда, рассчетливая и жестокая московская единонеделимческая политика руководила стратегией и тактикой Деникина. Терек изнывал в борьбе, а доблестная Кубанская армия, сама охватив большевицкие войска со стороны Баталпашинского отдела (с юга), со стороны р. Лабы (с запада) и со стороны линии Армавир—Ставрополь (с севера), почему-то теперь никак на могла сдвинуть с места упавшие духом, деморализованные и имеющие „из рук вон плохое управление" (слова Врангеля) большевицкие войска, среди которых главную ударную группу составляла т. наз. Таманская армия, состоявшая из иногородних Кубани.

Перед этим Кубанцы, как могучие степные орлы, летали по степях Кубани и Ставрополя, громя большевицкие полчища и освобождая станицы и села... А теперь те же Кубанцы, как заколдованные, совершали „бег на месте", неся большие и ненужные потери. При этом происходят какие-то странные события: 13-го сентября дивизия Дроздовского оставляет Армавир, Деникин направляет потом главные силы ее против Михайловской группы большевиков, с которыми дралась дивизия Врангеля, при чем, как свидетельствует Врангель, он не был предупрежден о присылке ему этой „помощи"; дивизия Дроздовского и здесь не только не имела никакого успеха, а отступила к Петропавловской, понеся большие потери, как говорит Деникин; после этого эту дивизию Деникин переводит к Ставрополю, занятому перед этим Кубанцами, но 14-го октября Дроздовский отдает Ставрополь большевикам.

В это самое время в управлении большевицкими

войсками происходит полный развал, большевицкий центр охватывает полная анархия: в сентябре месяце расстреливают командующего Таманской армией, в октябре большевицкий „главком“ Сорокин расстреливает председателя и 4-х членов Центрального Исполнит. Комитета С.-Кавказ. Совет. Республики, а через несколько дней после этого большевики убивают и самого Сорокина. Большевицкие войска охватывает агитация борющихся между собою групп, обвиняющих одна другую в измене и предательстве. Большевицкие части сами голосованием решают вопросы тактики и стратегии: некоторые части постановляют перейти в наступление и действительно переходят, другие — постановляют начать отступать и осуществляют свое решение... Значительная группа большевиков самовольно бросила Северо-Кавказский фронт и ушла к Царицыну...

Деникин как-будто всего этого не видел и не слышал, хотя под его непосредственной командой имелось на фронте не менее 40 тысяч прекрасных бойцов, впереди — восставший Терек, на Севере — могучий Дон...

Кровавый танец продолжался... Совершенно напрасно гибли тысячи людей... Борьба на Северном Кавказе затягивается, ибо генералы поджидают, пока клятвопреступники и предатели из среды самого Казачества подготовят открытую дорогу для... „белого генерала“... В это время Деникин вел, в буквальном смысле, грызню с другим кандидатом в диктаторы России, ген. Красновым (см. статью генерала Краснова „Всевеликое Войско Донское“, Рус. Архив, т. V.).

Через Кубанского Атамана Филимонова и его соратников Деникин склонял Кубань под свою власть. Он ожидал, пока его сторонники и агенты „добьются установления на Тереке единоличной атаманской власти“. На Дону уже была такая власть в лице Донского Атамана, ген. Краснова. Почему же Деникин так систематически и упорно боролся против этого Атамана, под общим руководством которого Дон бил мос-

ковские армии, без сомнения, более сильные, нежели те, которые стояли против Деникина на Сев. Кавказе.

Пока Деникин с своими тайными и явными помощниками из казаков вел свою игру, прошел весь сентябрь и октябрь месяцы... Терек не дождался помощи со стороны Кубани. Тем временем Москва прислала через Астрахань на Терек, к Кизляру, хорошо вооруженные красноармейские части, с которыми Терские казаки принуждены были вести упорные бои; Кизляр переходил из рук в руки. В это время большевики повели наступление на Терское Войско и с запада, со стороны Минеральных вод, и Георгиевска. Продержавшись долгих 5-ть месяцев в неравной борьбе, испытывая с конца октября сильный натиск большевицких войск с востока и с запада, и не видя ни откуда помощи, дрогнул Терек... Большевики начали захватывать станицу за станицей. В ноябре 1918 г. Терек снова оккупировали большевики, и полилась от руки московских красных палачей казачья алая кровь. Работу красной Москвы невероятно облегчило белое русское командование Кубанскими казаками. Деникин не дождался тогда „установления на Тереке единоличной атаманской власти“, которая послушно повела бы Терек за Деникиным... И Славное, и многострадальное Терское Войско, по воле вождя русского белого движения — Деникина, было отдано на поругание красного русского вождя — Ленина.

Только 4 тысячи Терцев, казаков и горцев, пробилось через предгорья Кавказа на Кубань и в Баталпашинском отделе присоединилось к Кубанским казакам.

Казачество, боровшееся против красной России с огромным напряжением всех сил, дорогою ценою заплатило за свое подчинение вождю белой России. Вместо увеличения Кубанской армии за счет Терской, была дана возможность большевикам увеличивать и усиливать свои армии за счет русского населения вновь покоренного Терека...

Неужели казаки когда-либо забудут этот кровавый урок сотрудничества с русскими людьми?!

Кто может сомневаться в том, что в сентябре и октябре месяцах 1918 г. Кубанские полки могли помочь Тереку и этим самым помочь себе и Дону?

Если Донское Казачество, руководимое казачьими офицерами и казачьим штабом в Новочеркасске, в это время могло разбивать большевицкие Московские армии, могло защищать свои границы на 800-т верстном фронте, если Донское Казачество в это время успешно вело борьбу в пределах соседней Воронежской губернии, то Кубанские полки, если бы только ими руководило надлежащее казачье командование, а не русские беженцы-генералы, еще в сентябре месяце покончили бы с большевицкой группой войск, скопившихся в районе Невиномысская-Ставрополь-Минеральные Воды, во время бы протянули руку помощи Терским казакам и общими усилиями справились бы с остатками большевицких армий на Северном Кавказе. Выход казаков Кубани и Терека на помощь Дону в ноябре-декабре месяцах 1919 г. спас бы Дон от такой катастрофы, которую он пережил зимою 1918-1919 г. Ведь у казаков с незапамятных времен так высоко развито чувство братства, взаимной поддержки и помощи в бою! Ведь у казаков считается величайшим позором оставить раненого казака в одиночестве на поле сражения!

А тут израненый братский Терек попадал в большевицкую неволю, а освободившаяся Кубань не подавала прямой вооруженной помощи. Над Доном нависли грозные тучи со стороны „Матушки Москвы", а Кубань и Терек не выходили на помощь братскому Дону против общего врага.

В самом деле, почему Кубанцы и Добровольцы, начав поход на Кубань в июне 1918 г., могли так быстро и, сравнительно, легко разгромить большевицкие войска у Торговой, Песчанокопской, Белой Глины, у Тихорецкой, у Кущовки, у Кореновской, у Брюховецкой и Тимошовки, разгромить 70-80 тысячные армии больше-

виков, и почему теперь, в сентябре-октябре месяцах, Кубанцы, увеличивши свои ряды в несколько раз численно, воодушевленные предыдущими победами, не могли справиться с в конец деморализированными, митингующими, переживающими кровавые распри в центре своего руководства, большевицкими войсками?

Или пал воинский дух у славных Кубанских полков? Или их оставила доблесть? Или у них не было желания помочь Тереку и Дону? Или они, от природы военные люди, у которых военное искусство вырабатывалось веками и передавалось из поколения в поколение, не понимали, что в осенние месяцы легче вести военные операции, нежели в холодные зимние месяцы, когда привольные степи Кубани и Ставрополья находятся во власти буранов и метелей или представляют из себя почти непроходимые и непроезжие просторы липучей, как клей, и тяжелой, как свинец, глубокой грязи? Ведь, каждый казак хорошо понимал, что оставление противника у Ставрополя и Миниральных Вод означает зимнюю кампанию...

Само собою разумеется, было у Кубанцев желание поскорее покончить с врагом, как всегда и всюду была присуща им высокая доблесть и могучий порыв; было у них горячее желание помочь братскому Тереку, только путало их по рукам и по ногам русское белое командование, опиравшееся на Кубанского Атамана Филимонова и кубанских политиков, вроде Ф. Сушкова, Д. Скобцова, П. Каплина, Н. Долгополова и им подобных, опиравшееся на кубанских офицеров, вроде В. Науменка, Шкуры и им подобных (см. ч. I. очер. „Трагедия Казачества").

В сентябре-октябре 1918 г. Деникин занялся выработкой положения о своей диктатуре, о хитром-мудром подчинении русским беженцам Казачьих Краев и Казачьих боевых сил; Деникин был занят подбиранием себе тайных и явных помощников и пособников из среды самого Казачества, был занят построением общерусской власти („Особое Совещание"), ожидал благопри-

ятных результатов переговоров своих агентов с руководителями кубанской политики; Деникин был чрезвычайно озабочен укреплением своего личного влияния и авторитета среди русских во время болезни признанного русскими верховного руководителя Добр. армии, генерала Алексеева, и, особенно, после его смерти 26-IX-18.

И потому Деникин задерживал ликвидацию большевицких войск на Северном Кавказе, дабы угроза наступления на Кубань со стороны этих войск принуждала казаков быть более сговорчивыми и уступчивыми.

Кроме того, уже в сентябре 1918 г. было известно о поражении, понесенном Центральными державами на западном фронте в генеральном сражении в июле-августе месяцах. Если еще в июне генерал Алексеев доказывал кубанцам неизбежность проигрыша войны Центральными государствами, то после полученных достоверных сведений о понесенном немцами поражении значительно укрепилась вера в победу Союзников. Ожидаемый исход мировой войны, в которой Россия, как известно, была на стороне Союзников, окрылял руководителей русского белого движения и всю многотысячную русскую интеллигенцию, скопившуюся на Казачьих Землях, радужными надеждами.

Не подлежит никакому сомнению, что вся акция русских генералов Алексеева, Корнилова, Деникина, Маркова, Эльснера, Лукомского, Эрдели, Драгомирова и многих других по организации русской Добровольческой армии была начата в 1917 г. с согласия и при моральной и материальной поддержке представителей союзных держав, бывших тогда в России. В 1918 году генерал Алексеев находился в почти постоянной связи с представителями Союзников, еще остававшимися на территории быв. России. Когда пришли известия о поражении Германии на западном фронте, о генеральном наступлении войск на Салоникском фронте в начале сентября и о понесенном здесь поражении войсками Германии и Австро-Венгрии, когда, наконец, пришли

известия о том, что Центральные державы попросили о мире и подписали предложенные им победителями условия перемирия, — русские генералы, сохранившие верность Союзникам, стали весьма серьезно готовиться к новой роли руководителей „освободительного движения союзных войск на Москву". Напрасно кубанцы утверждали, что нет никаких оснований для надежд на помощь со стороны Союзников живой силой, как это было сделано, например, 26-го октября 1918 г. председателем Кубан. Правительства на заседании представителей Кубани и Добр. армии в присутствии донских „сватов" (см. ч. I „Трагедии Казачества"). Напрасно те же самостийники настаивали на необходимости мобилизации сил для борьбы с наступающей Россией путем сложения молодых республик — Донской, Кубанской, Украинской и т. д. Русские генералы прекрасно понимали, что осуществление желания самостийников не только не укрепляет единой и неделимой России, а разрушает всякие надежды на новое торжество русского народа над покоренными им народами во времена царей и императоров. Тут, как видим, столкнулись две глубоко противоположных принципиальных точки зрения, представляющих: одна — Россию Пана, Россию Хозяина, а другая — Восставшие за свои права народы. Массе казачьей была чужда мысль — поддерживать Россию, но была такая казачья интеллигенция, которая старалась втолковать казачьей массе, что без России казаки не проживут...

Казаки храбро дрались на фронте против полчищ русских людей, а казачья интеллигенция, ослепленная любовью к России, очень умело впутывала казаков в в русские дела. Донские казаки открыто заявляли, что дальше своих границ не пойдут, что они защищают Донскую землю и не хотят вмешиваться в русские дела.

А посмотрите, как хитроумно казачья интеллигенция в это же время писала, например, Указ Большого Войскового Круга Всевеликого Войска Донского, 20-го сентября 1918 г. Руссофильская казачья интеллигенция

вложила тогда в уста казаков следующие слова: „Мы очень хорошо помним, что мы плоть от плоти, кость от кости Русского народа. Мы ни на минуту не забываем, что судьба Донского казачества тесно сплетена с судьбой Русского народа и Русского Государства“...

Стоит только глубже вдуматься во всю обстановку борьбы того времени, чтобы понять, какую страшную трагедию переживало Казачество: Россия многотысячными, до зубов вооруженными армиями громила казаков; Россия шла уничтожать Казачество, а верхи казачьи, обрусевшая и политически слепая руссофильская интеллигенция плакала не о Казачестве, а о „общем нашем отечестве — несчастной России, истерзанной и раздробленной“, и это делалось в то время, когда настоящая Россия, под руководством своих генералов и комиссаров, буквально дробила казачьи головы...

Стиснув зубы, крепко сжимая винтовку или пику, или шашку в руке, донские казаки с трудом отбивались от русских мужиков на фронте, гибли тысячами, а казачья интеллигенция старалась втолковать в казачьи головы любовь к этой самой России и необходимость „воссоединения с Россией“... Под этим знаменитым документом подписаны В. Харламов, председатель Донского Круга, и товарищи председателя: ген Янов, Солдатов, П. Скачков, Л. Александров, П. Дудаков, Б. Уланов, И. Карташев... Калмык Уланов — тоже „плоть от плоти и кровь от крови Русского народа“...

Почему русские люди, видя перед собою таких государственных людей Казачьих Республик, должны были отказываться от мысли использовать Казачество, казачью военную силу, для воссоздания неделимой России?

Почему русское командование кубанскими казаками не могло принимать различных мер для того, чтобы сломить, в конце концов, сопротивление самостийной казачьей массы и самостийной казачьей интеллигенции!..

Победа Союзников еще более усилила надежды и

шансы русских людей на успех. Все было так просто: большевики — ставленники немцев, небольшая кучка интернационалистов и разбойников, захватчики власти и т. д. Большевики „разложили“ Россию и вывели ее из состояния войны с Германией именно в момент наибольшего напряжения военных действий и сил в борьбе Союзников с Центральными державами. Значит, большевики должны быть покараны Союзниками, значит, Союзники выгонят большевиков из Москвы... Все просто и ясно.

Но почему эти агнцы невинные, эти голубицы кроткие, эти набожные русские люди не идут за той правдой, которую в добровольческом ковчеге на казачьих единонеделимческих ослицах возят по Казачьим степям белые русские генералы, и почему эти кроткие, набожные русские люди заполняют стотысячные красные армии, почему эти армии разбивают Восточный, Северный и Западный фронты, почему они стотысячной армией валят теперь на Казачьи земли?! Почему эти русские богомольцы не идут за Деникиным ни в 1917, ни в 1918 г., и этот несчастный носитель русской сказочной Жар-птицы так часто оплакивает „гибель остатков или кадров добровольцев“...

Почему русский царский Генеральный Штаб так интенсивно работает над организацией русских простачков, „агнцев Божиих“ для похода на Казачество, на Украину, в Сибирь, в Туркестан?

Почему большевиков, этих проходимцев, разбойников, интернационалистов набралось вдруг сотни тысяч и не на митингах или в церквах Божиих, а на фронтах? Почему русские люди бросили противо-немецкий и противо-австрийский фронты, целовались с врагом Союзников, а теперь с таким наслаждением и такой, надо признать, жертвенностью и доблестью, с такой кровожадностью нападали на казаков?

Почему русские люди не шли за правдой Деникиных, Врангелей, Харламовых, Филимоновых и им подобных и в то же время умирали за правду Ленина,

Джугашвили-Сталина, еврея Троцкого... Очевидно, дело не в том, кто являлся носителем известной идеи, а в том, какие идеи защищали их проповедники...

И происходила на Казачьих Землях путаница и неразбериха великая...

Приближались так долго жданные Союзники-победители, и торжествовали развязные русские люди, ненасытною единонеделимческою разношерстною толпой скопившиеся на Дону и на Кубани... Русские газеты были переполнены призывами, утверждениями, заклинаниями вроде: „Союзники немедленно дадут помощь Деникину", „Союзники не допустят, чтобы большевики, хотя один лишний день, сидели в Матушке-Москве", или „Союзники не потерпят самостийности и сепаратизма", или „Россия не забудет измены ей, когда она лежала на смертном одре"... И т. д. и т. п.

Даже Донской Атаман Краснов пред'явил ультиматум Царицыну о немедленной сдаче до 15-го ноября; иначе, угрожал генерал: „По приходе Союзников город будет сметен артиллерийским огнем"!

Словом, Союзники — это надежда, утешение, избавители, сокрушители большевиков, это помощники в деле возвращения помещичьих земель, генеральских должностей, это рука, карающая бунтовщиков и сепаратистов... Все гостинницы, рестораны, кафэ, шашлычные, ночные увеселительные дома, трамваи, театры, биографы, частные квартиры многих южных городов оживились разговорами бывших командиров корпусов, дивизий, полков, бывших губернаторов, градоначальников, предводителей дворянства, директоров банков, фабрик и заводов, земских начальников, судей, профессоров... Надо было видеть эту публику на улицах при встрече Союзных офицеров или на балу, устроенном в Новочеркасске Донским Атаманом по случаю приезда тех же союзных офицеров, чтобы понять, чем был до краев переполнен казачий тыл...

Казаки были заняты кровавой войной на фронте с огромными армиями России, казаки заняты были осен-

ней обработкой полей, а эти русские перелетные птицы, самых различных пород и окраски, представляли бывшую Россию, представляли как-бы настроение „русских армий“...

Казаки героически, безропотно умирали на многочисленных фронтах в борьбе за свободу, за волю, за уничтожение русского ига над казаками, а изменники или близорукие, ничего не понимающие политики из казаков в тылу помогали русскому черному воронью вязать казаков и по рукам, и по ногам...

Генерал Краснов просил у Союзников 4-ре корпуса войск и обещал этим корпусам торжественные встречи и триумфальное шествие по русской территории. Генерал Деникин просил 18 пехотных и 4 кавалер. дивизии.

Теперь известно, что во всех своих обращениях к союзникам ген. Деникин и все его агенты скрывали от Союзников действительное положение вещей, скрывали ничтожность сил собственно русских добровольцев, Кубанские войска выдавали за русскую армию, Донское Войско изображали, как полубольшевицкую организацию и т. д.

Но ген. Деникин и все его приближенные, как русские беженцы, так и русские люди из казаков, прекрасно знали, что воевать-то у них нечем, что казаки бьются не ради Матушки-России, а ради освобождения своих Земель именно от России-завоевательницы...

И перед Деникиным и всеми защитниками единой и неделимой России теперь тем рельефнее, тем яснее и отчетливее стояла задача — какой угодно ценой, не останавливаясь ни перед какими мерами, прибрать к рукам, закрепить за собою казачью военную силу... Может быть, Союзники дадут свою помощь, может быть, при помощи казаков и союзников удастся сокрушить русские красные армии и возвратить оплакиваемые экономические и политические преимущества, которые потеряли в России те сотни тысяч русских людей, которые теперь буквально переполнили Дон, Ку-

бань, Крым, Одессу, но которые не хотели нести на фронт войны с красными армиями свои драгоценные жизни, предоставляя казакам умирать на фронте...

Терек уже был предан, вследствие умышленной задержки победоносных Кубанских войск в сентябре-октябре месяцах на юго-восточных границах Кубани. Терек утопал в крови... Теперь большевики мобилизовали терское население, пополняли им свои поредевшие ряды и обновленные, отдохнувшие полки бросали против кубанцев...

Дон напрягал все свои казачьи силы, чтобы не допустить 120-130-ти тысячную русскую армию на казачью землю...

1-го ноября 1918 г. Деникин сказал в Кубанской Краевой Раде свою речь, полную боярской напыщенности, русской непогрешимости, претенциозности, предупреждений, пророчеств, явных угроз расправой и... неправды... Перед Кубанской Радой выступал не простой и незадачливый русский генерал, бежавший от своего русского народа на Казачью Землю, а всемогущий диктатор, который может карать и миловать (см. ч. I очерков „Трагедия Казачества"). Если эту речь сопоставить с той реальной, действительной обстановкой на противобольшевицких фронтах войны и в тылах казачьих геройских армий, тогда только можно понять, какой убийственной характеристикой для вождей белого движения являлась эта генеральская речь...

Мы далеки от мысли заниматься бросанием пустых обвинений в адрес наших противников. Все свои утверждения мы обосновываем многочисленным фактическим материалом, взятым часто у самих „вождей русского белого движения". Мы совсем не хотим последовать примеру Деникина и многих русских писак, высмеивающих казачье освободительное движение, говорящих пренебрежительно о казачьих законодательных учреждениях, о казачьем государственном строительстве. Этих русских людей не удерживает и память о десятках ты-

сяч казачьих героев, сложивших свои головы в борьбе с русским нашествием на Казачьи Земли в 1918—1920 г. г.

Причины нашего поражения и наших небывалых бедствий мы внимательно и осторожно ищем не только в русских беженцах, облепивших Казачий тыл, не только в России вообще, но и в ошибках и в предательстве людей, вышедших из среды самого Казачества; не щадим мы и самих тогдашних самостийников, указывая в соответствующих местах изложения на их неуменье, малодушие, отсутствие должной смелости и решительности или выявление непонимания политической, военной и экономической обстановки тяжелой борьбы Казачества...

Выступая 1-го ноября 1918 г. перед Кубанской Краевой Радой, ген. Деникин, между прочим, спрашивал:

> „Разве могут жить спокойно кавказские и линейские станицы, когда у Ставрополя, Св. Креста и Минеральных Вод собираются десятки тысяч красных?“ (Ден. IV, 46).

Заметим, что 1-го ноября Деникин не говорит о том, что кубанским станицам угрожает красная армия, а говорит о том, что на границах Кубани собираются десятки тысяч большевиков. Разберемся в том, что сделало русское командование Кубанскими и Терскими казаками для того, чтобы угроза нового большевицкого нашествия на Кубань со стороны Ставрополя и Минеральных Вод фактически существовала до тех пор, пока это было выгодно русским генералам. Сопоставим события на фронтах с событиями в тылу.

Конечно, генерал Деникин и его приближенные не настолько просты и неумны, чтобы боевые операции Казачьих войск вести так, чтобы каждый казак увидел и понял их подлинную роль. В интересах России, как их понимало добровольческое командование, нужно было вести дело так, чтобы, с одной стороны, постоянно были победы, так необходимые для прославления „русской Добр. армии“ с целью выигрыша ставки русских людей — на Союзников, победителей в мировой войне;

победные реляции „русской Добровольческой армии“ должны постоянно заполнять страницы русской и иностранной прессы, иначе союзники не дадут русской контр-революции своих корпусов для завоевания Москвы... Но, с другой стороны, крайне необходимо было вести боевые операции так, чтобы „десятки тысяч красных“ действительно могли собираться у Минеральных Вод, Св. Креста и у Ставрополя и угрожать Кубани, чтобы не могли „жить спокойно кавказские и линейские станицы“.

Словом, победы нужны для игры перед Союзниками, а постоянная большевицкая угроза должна висеть над Кубанью для того, чтобы богатая Кубань с ее доблестным казачеством не ушла из русских рук, чтобы Кубанская Краевая Рада не разорвала с Деникиным.

И Деникин повел довольно ответственную и сложную игру с Кубанью, с Доном, с Союзниками... Положение Деникина временами было весьма критическим, в виду неожиданных для него ходов со стороны его партнеров.

Что большевицкие войска были окончательно деморализованы, что руководство ими действительно было „из рук вон плохо“, как говорит ген. Врангель, что большевицкие части дрались из последних сил просто ради спасения своего физического существования, — это все бросалось в глаза при операции наших войск против Ставрополя в конце октября месяца 1918 г., окончившейся 2-го ноября освобождением Кубанцами этого города. Во время этой операции Деникин стянул тогда к Ставрополю 7 дивизий и окружил его буквально со всех сторон (см. Врангель. Записки, т. I, стр. 87—88). Известно, что полное окружение на суше какого-либо пункта, занятого неприятельскими войсками, может быть осуществлено только в том случае, когда неприятельский фронт отодвигается на значительное расстояние от окружаемого пункта, или когда войска противника настолько деморализованы и обессилены, что не

могут уже организовать нападение с тыла на осаждающие войска.

После взятия Ставрополя Деникин продолжает осуществлять свой основной план: иметь победы и держать большевиков на границах Кубани. Он разделяет подчиненные ему Кубанские войска на три основных группы:

1. Наиболее сильную группу, под именем III-го армейского корпуса, под командованием генерала Ляхова, он сосредотачивает на правом крыле, в направлении Минеральных Вод. К концу ноября эта группа войск, согласно данных ген. Деникина, насчитывала 10 тысяч штыков и сабель, при 30-ти орудиях и 4-х бронепоездах. Заметим, что эта группа наших войск была и численно и вооружением сильнее Кубано-Добровольческого отряда в начале похода с Дона на Кубань в июне месяце 1918 г. (Тогда было не больше 9 тысяч при 21 орудии, теперь — 10 тысяч при 30-ти орудиях и 4-х бронепоездах). III-й корпус располагался очень удобно на главной магистрали Владикавказской желез. дороги, чем в полной мере обеспечивалось сообщение его с тылом — Кубанью. Правее этой группы войск были освобожденные казаками станицы Баталпашинского отдела, упиравшиеся в Кавказские горы; впереди — территория Войска Терского, которое, не дождавшись своевременной помощи со стороны Кубани, теперь снова подпадало под власть большевиков, но готово было восстать против ненавистной власти в каждый момент и увеличить тысячами новых бойцов ряды освободительной армии.

2. Левее группы войск генерала Ляхова находился 1-ый армейский корпус генерала Казановича, согласно тем же данным, насчитывавший 6.800. штыков и сабель при 21 орудии.

3. Еще левее действовал 1-й конный корпус ген. Врангеля силою до 6200 сабель и штыков при 26-ти орудиях.

4. На самом левом фланге, у Маныча, действовал отряд ген. Станкевича в две-три тысячи человек при

4-х оруд., игравший роль заслона со стороны Астраханских степей и связывавший Кубанские войска с Донскими.

Как свидетельствует ген. Деникин, „после поражения под Ставрополем XI-я советская армия отступала в двух главных направлениях: Таманская группа — на северо-восток, к сел. Петровскому, группа Гудкова — на восток к Бешпагиру“ (Ден. IV, стр. 108).

О распределении сил противника в начале ноября 1918 г. ген. Врангель говорит следующее:

> „Противник, оставив Ставрополь, отходил главной массой сил на Петровское“. (Врангель. Записки, т. I, стр. 91).

Преследование этой (главной) массы большевицких войск генерал Деникин поручил Кубанскому корпусу под командой Врангеля.

Чего достиг этот Кубанский корпус? Проследим работу корпуса по данным Врангеля (см. Записки, т. I, стр. 91—96).

> 6-го ноября I-й Корпус разгромил красных у Михайловки, захвативши до 1000 пленных и огромный обоз, при чем обоз одной из красных дивизий был захвачен в полном составе; 7-го ноября — разбил врага у Дубовки, забрал пленных и обозы; 8-го ноября — разбил противника наголову у Козинки и Тугулука. Неприятель, оставив большое количество пленных и обозы, бежал на Константиновку и Кугульту; 10-го ноября части корпуса овладели Константиновкой и Благодатным. „В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но остановить наше победное шествие не могли“, свидетельствует Врангель (т. I, стр. 92). 11-го ноября „после ожесточенного боя корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железн. дороги. Здесь вновь мы захватили пленных, пулеметы и орудие“ (Вран., I, 92).

Как видим, в течение 6—11-го ноября Кубанский корпус буквально разгромляет наиболее сильную группу большевиков.

Что предпринимают в это время более сильные наши корпуса — центральный — Казановича и правофланговый — ген. Ляхова?

О действиях наиболее сильного Кубанскнго корпуса ген. Ляхова, стоявшего в пределах Кубани, на границах Ставропольской губернии и Терского Войска, ни в писаниях ген. Деникина, ни в повествованиях ген. Врангеля за первые четыре недели ноября месяца никаких сведений не имеется. Только 28-го ноября ген. Ляхов занял станцию Бурсаки, что лежит на самой границе Кубани (Ден., IV, 109). Таким образом, весь ноябрь месяц этот корпус простоял на месте, давая большевикам полную возможность безнаказанно душить Терек, собирать „десятки тысяч красных" и „не давать спокойно жить кавказским и линейским станицам", как говорил ген. Деникин в своей речи 1-го ноября на Кубанской Раде.

И действительно, большевицкая армия „усилилась частями, освободившимися после падения Терского фронта, в том числе Терской дивизией и Кабардинской бригадой", свидетельствует Деникин (Ден., т. IV, стр. 107).

Так, игра Деникина помогала большевикам, давая им возможность заливать кровью многострадальный Терек, мобилизовать его население и гнать его на позиции против Кубанских войск.

Центральный корпус ген. Казановича, имея перед собой, без сомнения, более слабые и более деморализованные силы противника, нежели те силы большевиков, которые оперировали против Кубанского корпуса Врангеля, продвигался „весьма медленно и к 11-му ноября подошел лишь к селу Спицевка, которое противник продолжал прочно удерживать" (Врангель, Записки, т. I, стр. 92). Село Спицевка находится, приблизительно, верстах в 40 к северо-востоку от г. Ставрополя. Врангель в это время находился со своим Кубанским кор-

пусом верстах в 80-ти к северо-востоку от того же г. Ставрополя, несколько раз перед этим буквально разгромив самую сильную группу большевиков, отступавшую от Ставрополя. Таким образом, корпус Казановича, действуя против более слабых сил большевиков, имел весьма незначительные успехи. „Мой корпус оказался значительно выдвинутым вперед“, говорит Врангель (т. I, стр. 93).

Бездействие корпуса Ляхова, весьма слабые действия корпуса Казановича ставили в тяжелое положение корпус Врангеля. Большевики не замедлили воспользоваться весьма выдвинутым вперед положением этого корпуса и, взяв войска с фронта против Казановича, со стороны селения Спицевки напали на тыл корпуса Врангеля в селении Константиновка и наступали с правого фланга и с фронта в районе села Петровского. Об этих боях ген. Деникин говорит следующее:

> „В течение 4-х дней в этом районе происходили тяжелые бои, и село (Петровское) дважды переходило из рук в руки. Корпус понес большие потери, особенно в офицерском составе...“ (Деникин, Очерки, т. IV, 106).

Так Кубанские казаки своею кровью платили за преступную политику ген. Деникина и его кубанских помощников, тайных и явных.

Все же Кубанцы корпуса Врангеля вновь разгромили большевиков и обратили их в паническое бегство (Врангель, т. I, стр. 95).

Упорно преследуя свои единонеделимческие цели, ген. Деникин продолжал оставлять на месте корпус ген. Ляхова. Корпус Казановича продолжал топтаться в районе сел. Бешпагира, что лежит всего верстах в 30-ти к востоку от Ставрополя и на таком же, приблизительно, расстоянии от Кубанской станицы Темнолесской. Такая политика русского командования кубанскими казаками, конечно, давала полную возможность „собираться десяткам тысяч большевиков“ у Ставрополя и Минеральных Вод.

Деникин сознательно и обдуманно вел свою политику на фронте, совершенно понапрасну проливая казачью кровь и затягивая ликвидацию большевиков на Северном Кавказе. А в эго время в тылу происходили следующие события.

10-го ноября в Новороссийск прибыла Союзная французско-английская эскадра и начались торжественные встречи союзников.

11-го ноября Кубанская Краевая Рада приняла так наз. тезисы председателя Кубанского Правительства, говорившие о закреплении государственной самостоятельности Кубани, о необходимости организации федеративного государства из новых Республик — Кубанской, Донской, Украинской, Горской, Грузинской и т. д. После принятия этих пунктов представители Добр. армии оставили заседания Рады. Русская пресса открыла огонь „картечью" по „доморощенному народному представительству" — Кубанской Краевой Раде, русская пресса заливала Кубань удушливыми газами своей ненависти и провокации, неистовствовала и протестовала против постановлений Кубанской Рады.

13 и 14-го ноября происходили в Екатеринодаре совещания представителей Добр. армии, Дона и Кубани. Представители Добр. армии категорически настаивали на полном подчинении Дона генералу Деникину. Донские представители отвергли эти русские претензии, и совещание, окончившись ничем, прекратило свою работу.

В это же время была организована Кубано-Добровольческая Согласительная Комиссия из равного числа представителей Кубани и представителей Добрармии. После многих заседаний, после долгих и утомительных споров и пререканий, эта Комиссия разошлась, не придя ни к какому соглашению между представителями самостийной Кубани и единой неделимой „белой" России. Другая, красная Россия, стотысячными армиями старалась в это время разгромить на фронте Казачьи войска. Белая Россия была еще очень слаба и вела с

казаками, пока что, словесные бои. Только русский генерал Покровский и кубанский ген. Шкуро — „водили козу“ по Екатеринодару и угрожали расправиться с самостийниками.

У русских генералов устанавливались не совсем ясные и понятные взаимоотношения с Союзниками. С одной стороны, они, Союзники России, как будто признали Деникина руководителем всех вооруженных противобольшевицких сил, а с другой стороны, Деникин повествует о следующем:

> „13-го ноября союзный флот появился в Севастополе и приступил к принятию от германцев судов русского Черноморского флота... Все годные к плаванию корабли приказано было отвести в Измит для интернирования... Французские и английские команды... топили и взрывали боевые припасы... Образ действий союзников походил скорее на ликвидацию, чем на начало противобольшевицкой кампании“ (Деникин, IV, 39—40).

В застольных речах на торжественных обедах по случаю приезда представителей Союзных держав говорилось много приятных слов, давались заверения во взаимной дружбе и поддержке, при чем Деникин и его соратники не скупились на заверения союзных представителей в том, что „Россия никогда не забудет помощи Союзников“ и т. д., а в это время, как видим, Союзники уводили военные корабли, уничтожали боевые припасы, ибо приятные слова и торжественные встречи не закрывали, очевидно, перед союзными представителями весьма неприятной для руководителей т. н. русского белого движения действительности: у Деникина не было военных сил, которые он мог бы считать за свои, за русские. Кроме того, Украина пред'являла и свои права на Черноморский флот.

Таким образом, претенциозная деникинская единая неделимая Россия строилась пока что на песке. И хотя русская пресса по случаю приезда представителей Союзных держав и подняла неистовый крик радости,

хотя русские генералы, русские бюрократы, русские помещики, русские общественные и политические деятели (а сколько их тогда собралось за крепкими казачьими спинами!) и хорохорились перед союзниками, хотя Деникин и старался внушить себе и другим, что победы над большевиками на всем Юго-востоке принадлежат русским добровольцам, но от внимательных наблюдателей (кроме тех иностранцев, которые на торжественных встречах говорили приятные слова; были, конечно, и другие, которые наблюдали жизнь тыла и фронта) никак нельзя было скрыть того простого обстоятельства, что весь огромный противобольшевицкий фронт Дона держится исключительно Донскими казаками, что русские люди провалились с организацией так наз. Южно-русской армии, Союзники знали, что противобольшевицкий фронт на Северном Кавказе, от р. Маныча до Кавказских гор, держится Кубанскими и Терскими казаками и горцами...

Еще лучше знал это генерал Деникин и все его военные и штатские помощники и советники. Знали они и другое, не менее важное: на Дону крепко сидел самовластный, себялюбивый Донской Атаман Краснов, который сам добивался у Союзников получения в свои руки иностранной помощи для „спасения Матушки России“ и, как показало совещание представителей Добр. армии, Дона и Кубани, бывшее 13—14 ноября, совсем не собирался подчиняться Деникину, а на Кубани заседала Кубанская Краевая Рада, которая, как показали принятые ею 11-го ноября постановления, не собиралась отдать Кубань на услужение единой неделимой России...

Для претенциозных, но весьма слабых руководителей белого русского движения создавалось довольно тяжелое положение: своих военных сил нет, Дон не подчиняется; Кубань, хотя и передала войска свои в распоряжение русских генералов, но собирается их забрать и свести в самостоятельную Кубанскую армию; Союзные державы уводят за границу Черноморский

флот и собираются его интернировать... Эта до чрезвычайности запутанная политическая и военная ситуация, далеко еще неясная политика Союзников в отношении возрождения неделимой России, наличие на Дону Атамана Краснова, а на Кубани Рады, отсутствие у Деникина сколько-нибудь заметных русских военных сил, нежелание русских людей честно и открыто признать, что вся их акция по созданию противобольшевицкого русского белого движения среди самих русских уже провалилась, способность русских людей на самую неискреннюю политику в отношении Казачества, — все это диктовало руководителям белой Руси определенную линию поведения в тылу и на фронте.

Деникин искал помощников и союзников среди кубанского офицерства, среди кубанских помещиков, среди членов Кубанской Краевой Рады, среди кубанского духовенства. Но по ходу работ Кубанской Рады он видел, что полная победа самостийников не только не исключена, но вполне возможна. Деникин знал, что дела в Раде решаются голосованием, поэтому всеми мерами старался вызывать недоразумения в самой Раде, в Кубанском Правительстве, старался воздействовать на умы самым сильным средством — угрозой нового нашествия большевиков на Кубань.

Поэтому Деникин без движения держал в пределах Кубани, на границах с Ставропольской губ. и Терской областью, сильную группу Кубанских войск ген. Ляхова; Деникин задерживал недалеко от Ставрополя, близко границ Кубани, сильный корпус Казановича и активно действовал только левым флангом наших войск — Кубанским корпусом Врангеля. Поддерживаемый Кубанским Атаманом Филимоновым и некоторыми старшими кубанскими офицерами, Деникин был полным хозяином в деле распоряжения кубанскими войсками. Свою единонеделимческую, противоказачью политику он мог осуществлять эластично и незаметно для глаз рядового казачества. Ведь все так легко можно было об'яснить интересами стратегии и тактики, отсутствием

достаточного количества вооружения и огнестрельных припасов, непредвиденными обстоятельствами и т. д. Во всяком разе, русские генералы (русские из России и русские из казаков) безотчетно и безконтрольно распоряжались кубанскими военными силами и свою политику в отношении Кубани вели так, как хотели.

Не то было с Доном: генерал Краснов не Филимонов. Деникин, умышленно и сознательно задерживая героические Кубанские войска на границах Кубани, вредил этим не только Кубанцам, но и Терцам и Донцам. Терцам тем, что давал полную возможность большевикам и далее заливать Терек кровью, грабить население, мобилизовать его против Кубанцев, а Донцам тем, что принуждал их самих, без помощи Кубанцев и Терцев, выдерживать вооруженный организованный натиск всей Великороссии. Каждый день промедления с высылкою вооруженной помощи на Дон морально подрывал силы Донских казаков и открывал широкие двери для большевицкой пропаганды. А большевицкие войска, продвигаясь на юг по территории Украины, все крепче сжимали в своих кровавых об'ятиях, в братских об'ятиях „Матушки России“, многострадальную, но героическую и доблестную Донскую Землю! В это время Дон дал все для фронта!

Оказывается, что не только задержкой на Северном Кавказе успешных боевых операций Кубанских войск Деникин наносил косвенный удар по казачьему Дону, не только работой своих представителей, изображавших в глазах Союзников Донское Войско полубольшевицким государством (см. Краснов, цит. его статья, стр. 254), Деникин подрывал добрую славу, честь и достоинство Донского казачества, но он, Деникин, поддержанный русскими людьми, не постеснялся нанести и непосредственный удар в спину истекающему кровью в борьбе с русскими армиями, славному седому Дону и его доблестной армии. Быв. Донской Атаман, П. Н. Краснов, в уже цитированной нами его

статье „Всевеликое Войско Донское“, рассказывает о следующем, просто ужасном, факте:

> „С прибытием союзников генерал Деникин нашел возможным дать понять Донскому Атаману, что он во всем зависит от него, и что хочет или не хочет он, но ему придется подчиниться ему и подчинить Донскую армию единому командованию. Донская армия к ноябрю месяцу подошла к Царицыну. Царицын был обложен с трех сторон и сообщение его с тылом прервано. Атаман ожидал прибытия тяжелых орудий, которые были куплены в Севостополе у немцев, и за которыми в Севастополь прибыл донской пароход „Сосьете“. Командированный на этом пароходе за орудиями офицер телеграфировал в Новочеркасск:
>
> > „Адмирал Канин получил приказание Деникина никому покамест ничего не давать“...
>
> Деникин начинал мстить Донскому Атаману и показывать ему, что все находится теперь в его руках. После длительных переговоров и при содействии союзников, эти орудия удалось получить только к февралю месяцу 1919 г., когда Азовское море замерзло, Донская армия находилась в разложении, и не только нельзя было думать о штурме Царицына, но приходилось спешно убирать войска с Царицынского фронта“... (Стр. 262).

Кто из казаков может без глубокого возмущения и негодования читать эти строки, ярко характеризующие роль русского добровольческого командования?! У кого душа не содрогнется при виде такой деятельности русских людей, от выгнавшего их народа укрывшихся на Казачьей Земле?!

Рассказывают, что русский царь Иван IV Грозный находил удовольствие в том, что свой огромный костыль с железным наконечником вбивал в ногу строптивого собеседника, притискивал этим костылем окро-

вавленную ногу живого человека к земле и со спокойным видом продолжал вести беседу... Ударом в висок этим же костылем Иван IV убил своего родного сына.

Так и Деникин. Он вбивал в казачье тело свой единонеделимческий костыль, а сам, с видом непонятого" русского „честного человека", продолжал вести с казаками „мирную беседу об общих интересах борьбы с большевиками, об общем фронте, об общем представительстве перед Союзниками" и т. д.

Казачья кровь ручьем текла перед стенами вооруженного дальнобойными орудиями Царицына; казаки, не имея таких же орудий, не могли взять это крепкое гнездо русского большевизма, а русский единонеделимческий заржавленный костыль все глубже вгонялся в казачье тело и русские люди говорили казакам: „Союзники с нами, с русскими! Что, признаете наше главенство, сдаетесь? Пойдете под нашим водительством добывать для нас „Матушку Москву" и своими трупами устилать и своею кровью поливать широкую Московскую дорогу? Не пойдете, так пусть вновь и вновь ручьями льется ваша кровь, пока вы не подчинитесь человеку, которого мы, русские люди, считаем своим и вашим вождем! Без союзного оружия, поступающего только через Деникина, вы не выдержите напора большевицкой России! Не хотите подчиниться немедленно, — что же, мы еще обождем. Нам не плохо в казачьем тылу"... Так, приблизительно, рассуждали все русские люди, поддерживавшие Деникина.

20-го ноября 1918 г. в столицу Кубани — Екатеринодар прибыла Английская военная миссия во главе с генералом Пулем, бывшим перед этим главнокомандующим союзными войсками на Северном (Архангельском) фронте. Настала полоса заискиваний русских людей перед военным представителем могущественной Англии...

Днем позже, как говорит Деникин, „21-го ноября французская миссия сообщила нам о приходе двух дивизий к Новороссийску"... Но дессант в Новороссийске

не появился, а, взамен того, вскоре начали высаживаться небольшие части союзников в Одессе, Севастополе и Батуме“ (Деникин, IV, 74). Вместо того, чтобы искать поддержки народных масс в борьбе с большевиками, Деникин боролся против этих масс и буквально клянчил помощь у союзников. Он хотел, действуя против воли казачьей массы, опираясь только на предателей Казачества из среды самих казаков, заставить это Казачество идти сражаться с красной Россией за интересы русской белой контр-революции...

Что в это время происходило на Северо-Кавказском фронте?

Наш правый фланг под командой ген. Ляхова, исполняя основную задачу Деникина, продолжал стоять, в общем, на месте. Центральный корпус все еще находился у с. Бешпагир. Он „встретил... серьезное сопротивление“ группы большевиков под командой Гудкова, поясняет Деникин. Этот сильный корпус наших войск „все никак не мог продвинуться вперед“, хотя левее его находившийся корпус Врангеля, как мы видели, много раз в ноябре месяце разбил более сильные отряды большевицкой Таманской армии, взял множество пленных, орудия и пулеметы...

Посмотрим, насколько в действительности были храбры, стойки и непобедимы большевицкие войска, оказавшие так долго и такое серьезное сопротивление корпусу Казановича.

21-го ноября, оставив заслоном на своем фронте одну из дивизий, генерал Врангель другой дивизией и бригадой „на рассвете 22-го ноября атаковал у села Спицевки красных, действовавших против корпуса Казановича, в тыл. Противник был разбит наголову. Мы захватили 2 тысячи пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. I-ый армейский корпус ген. Казановича 22 ноября подошел к реке Калаус“, рассказывает Врангель (Записки, т. I, стр. 95).

Таким образом, достаточно было пустить в дело только часть корпуса Врангеля, чтобы разбить центральную группу войск противника наголову и взять такую огромную военную добычу и 2 тыс. пленных. Деникин, говоря об этом бое, тоже признает, что „группа Гудкова была смята и, теряя пленных (более 3-х тысяч) и орудия, бросилась на восток“ (Ден., IV, 106).

Все хорошо понимают, что значит на военном языке „противник разбит наголову“ (слова Врангеля) или „группа была смята и... бросилась на восток“ (слова Деникина). Как видим, и центральная группа большевиков была разгромлена Кубанскими казаками за один день, хотя это произошло по инициативе ген. Врангеля, который мог и не знать тогда еще о намерении Деникина — подольше держать большевиков на границах Кубани.

Через два дня, 24-го ноября, корпус Врангеля снова разгромил большевиков у села Петровского. При этом захвачено было „1500 пленных, 30 пулеметов и батарея в полной запряжке“, повествует Врангель об этой новой победе Кубанцев (Врангель. Записки, т. I, стр. 95).

О чем свидетельствуют эти блестящие и беспрерывные победы Кубанского корпуса под командой Врангеля? Они говорят не только о доблести Кубанцев, но и о деморализации сил противника.

О сложности кровавой игры, которую в это время вело русское командование казачьими войсками, свидетельствует и следующий факт, о котором говорит Врангель: „Я получил телеграмму от главнокомандующего, горячо благодарившего корпус за блестящие дела и поздравлявшего меня с производством за отличия в генерал-лейтенанты“ (Вранг., I, 96). Что же получилось? Блестящие победы имеются на лицо, русская пресса и русские агенты всюду „трубят славу трубой“ о победах этих славных „русских храбрых добровольцев“. Словом, русский народ просто рвется в бой с „захватчиками власти — большевиками“, и русские доброволь-

цы уже имеют такие блестящие успехи, и этих русских добровольцев так много, и они так храбры, что за 4-ре дня захватили 11 пушек, 70 пулеметов и 3500 пленных!

Все в порядке, казалось. Русские белые акции растут на европейской бирже, Деникин ищет помощи у Союзников, ибо „остается только толкнуть немного большевицкое государство, — и оно распадется в прах".

Но почему против Дона наступает 120-130 тысячные русские армии, не казачьи или украинские, а настоящие русские?!! Но почему, минимально оценивая силы, 10-ти тысячный корпус генерала Ляхова целый месяц стоит на месте? Почему 7-ми тысячный корпус Казановича, как заколдованный, топчется в виду г. Ставрополя? Почему тот же корпус Врангеля буквально размотал и разгромил большие силы Таманской армии, отступившей на северо-восток от г. Ставрополя! Почему тот же корпус Врангеля 22-го ноября разгромил группу большевицких войск Гудкова, против которой будто-бы был бессилен корпус Казановича?

Почему Деникин действует только корпусом Врангеля, хотя впереди этого корпуса безводные и пустынные Астраханские пески тянутся на сотни верст, а впереди корпуса Ляхова находится богатый Терек, где под русской красной пятой мучатся живые казачьи станицы, где находятся богатые Грозненские нефтяные промысла, дающие так необходимое для Дона, для Кубани, для Ставропольской губернии и такое дорогое минеральное топливо? Ведь не сыпучие бесплодные пески надо освобождать поскорее, а кровью истекающие, стрададающие станицы! Ведь песком сыпучим не пополнить боевые ряды наших войск, а только храбрыми Терскими казаками...

Перед Казачеством стояла простая и ясная задача: поскорее освободить Терек. Для этого, не теряя ни одного дня, наступать вперед, на помощь братьям терцам, вперед с Кубанским сильным корпусом генерала Ляхова! Вперед с корпусом Казановича! Поскорее освободить казачьи станицы, поскорее пополнить ряды

за счет новых бойцов издавна храброго Терека и ринуться на север, на помощь Войску Донскому, против которого так ополчилася „вся Русь святая“, против которого она направила жерла 450 орудий, дула 100 тысяч винтовок и ленты 2-тысяч пулеметов...

А вместо всего этого, корпус Ляхова стоит целый месяц в пределах Кубани, корпус Казановича передвигается между р. Калаусом и г. Ставрополем, на Дон Деникин не пускает орудий из Севастополя; и только корпус Врангеля действовал энергично, сам Врангель уже генерал-лейтенант за отличия... Но почему его корпус направляют в сторону песков безводных? Почему льется казачья кровь на самом ненужном для большевиков и не опасном для них направлении? Все одно большевики не могут наступать от Царицына через Маныч на Кубань и в разрез между Доном и Кубанью, ибо 30-ти тысячная большевицкая армия Донской казачьей армией буквально скована в самом Царицыне и не только не может двинуться на Кубань, а готова спасать себя бегством из Царицына на север и на восток.

Если бы в это время кубанская помощь была брошена к Царицыну, этот город, без сомнения, был бы взят и не пришлось бы Донским казакам уходить за Донец и за Маныч, и не пришлось бы потом Кубанцам, Терцам и Донцам проливать понапрасну столько крови при ликвидации весеннего (1919 г.) прорыва X-ой армии большевиков из Царицина через р. Сал, через Маныч вступившей тогда в пределы самой Кубани, не пришлось бы положить столько жертв при взятии Царицына в 1919 году.

В конце ноября корпус Врангеля снова разбил большевиков у Николиной балки, Предтечи и Винодельного и очистил от большевицких войск Приманычские степи. В ноябре, как мы констатировали, этот корпус одержал много блестящих побед над большевицкими войсками, забрал тысячи пленных, большое число обо-

зов, много орудий, пулеметов и очистил от большевицких войск большие просторы Ставропольской губ.

Таманская армия была разгромлена окончательно. Суммируя результаты ноябрских боев своего корпуса, генерал Врангель говорит:

> „Огромная, попавшая в наши руки после разгрома Таманской армии, добыча дала возможность полностью снабдить всем необходимым части, создать полковые, дивизионные и корпусные запасы“ (Вранг., I, 98).

О состоянии своего корпуса Врангель пишет:

> „За последние три месяца части корпуса пополнились. Освобожденная Кубань дала в полки значительные пополнения и, несмотря на большие потери в беспрерывных боях, боевой состав частей стал вполне достаточным“ (там же, стр. 97).

Успехи этого Кубанского корпуса характеризуют доблесть и могучий боевой порыв Кубанцев! Разгром Таманской армии свидетельствует о слабости противника. Значительные пополнения с Кубани говорят о желании самой толщи казачьего населения покончить поскорее с большевицким нашествием на Казачьи Земли. Все это неопровержимые факты.

Та же беззаветная храбрость, вне всякого сомнения, была присуща и другим Кубанским частям, которые входили в состав корпуса ген. Казановича и корпуса ген. Ляхова. И для этих корпусов Кубань дала своих храбрых сынов. Кроме того, в корпусе ген. Ляхова, как мы видели, находились 3-4 тысячи Терских казаков, прорвавшиеся к Кубанцам после захвата Терека большевиками поздней осенью того же года. Терцы буквально рвались к своим станицам, чтобы поскорее выгнать оттуда большевицких палачей и избавить своих отцов и матерей, своих братьев и сестер, своих жен и детей от большевицкого ига...

Но русские люди засели в столице Кубани и старательно опутывали Казачество своими „белыми“ сетями,

опираясь на помощь Союзников и предателей из среды самого Казачества. Вледствие всего этого, корпус ген. Ляхова все-таки продолжал оставаться на месте и в декабре месяце. „На всем фронте изо дня в день шли бои, типичные для „малой войны“, говорит Деникин, при чем „оперативные сводки отмечали перемежающиеся успехи и неудачи — переход из рук в руки станиц Боргустанской (Тер. обл.), Суворовской (Куб. обл.) и Воровсколесской (Куб. обл.)“ (Деникин, IV, 109).

Поставленная Добровольческим командованием цель — давить большевицкой угрозой на Кубанскую Краевую Раду и не давать помощи Тереку и Дону, пока они не склонят покорно головы перед русским белым диктатором, — принесла свои, гибельные для казаков, плоды. Большевицкое командование умело использовало бездействие корпуса Ляхова в течение всего ноября месяца и слабые действия корпуса Казановича.

> „Новые мобилизации и подкрепления, прибывшие из Астрахани и с Терека, усилили XI армию“, говорит Деникин (IV, 108).

Закончив подготовительную работу на Северном Кавказе и сосредоточив огромные силы против Дона (см. выше), главнокомандующий большевицкими армиями, 5 декабря 1918 г., поставил следующую задачу для Северо-Кавказского большевицкого фронта:

> „Базируясь на Пятигорский район, наступать вдоль Владикавказской желез. дороги“. Ближайшей целью здесь было также оказание содействия X-ой армии (занимавшей Царицын) наступлением XI-ой армии в общем направлении на Армавир-Тихорецкая. Одновременно преследовалась цель — сковать Добровольческую (Кубанскую) армию, а затем совокупными усилиями всего Южного фронта и XI-ой армии... поразить сразу обоих противников, т. е. Добр. (Кубанскую) армию и Донское войско, наступлением с северного, севе-

ро-восточного и восточного направлений“ (А. И. Егоров. Разгром Деникина. Москва. 1931. Стр. 75).

И действительно, большевики повели наступление на всем Донском фронте и против наших войск на Северном Кавказе. 5-13-го декабря они наступали против нашего левого фланга наскоро собранною группою войск, силою до 15-ти тысяч человек, но в боях у Кистенского-Дербетовское, у Овощи, в районе Барханчака эта большевицкая группа была скоро разбита Кубанским корпусом Врангеля и отброшена в Астраханские степи. Наш центральный корпус ген. Казановича, отступал перед большевицкими войсками, „неся большие потери“ (Деникин). В направлении Влад. жел. дороги большевики развили небывалый артиллерийский огонь, но наступление их было сдержано Кубанцами и горцами. На нашем самом правом фланге большевики ворвались на территорию Кубани и быстро продвигались к Баталпашинску.

Кубанцы всюду разбили эту новую большевицкую волну, грозно поднявшуюся, чтобы залить Кубань, но при этом понесли значительные потери, особенно в корпусе Казановича. Так снова и снова совершенно излишне, совершенно понапрасну лилася казачья кровь, исключительно благодаря общему руководству нашими войсками со стороны русских генералов, ради своих, русских целей задержавших уже 4-ый месяц окончательную ликвидацию большевицких войск на Северном Кавказе. Такая генеральская политика давала возможность большевицкому командованию снова и снова мобилизовать население при помощи немногочисленных, еще верных большевикам, войск и бросать это вооруженное население против нашего фронта.

События на фронте и в тылу так тесно переплетались, что мы принуждены теперь снова отметить некоторые факты из жизни „тыла“, чтобы для нас были более понятны события на фронте.

5-го декабря 1918 г. Кубанская Краевая Рада, правда, незначительным числом голосов, избрала снова сторонника генерала Деникина, ген. Филимонова, на высокий пост Кубанского Войскового Атамана. Заявления Союзников о том, что они будут оказывать свою поддержку только ген. Деникину, тогда еще непонятная для Рады задержка Деникиным большевицкого фронта на границах самой Кубани, интенсивная работа в самой Раде сторонников единой России, неорганизованность и сравнительная слабость действий самостийников в Кубанской Раде, их совершенно неясная и непонятная линия поведения во время выставления кандидатур на пост Куб. Атамана и другие причины дали весьма печальные результаты для всей будущей кровавой борьбы Кубани и всего Казачества. В эти трагические дни, когда красная Россия атаковывала Казачество своими огромными армиями на фронте, когда белая беженская Россия, опираясь на союзников и своих сторонников из казаков, опутывала Казачество в тылу и предавала его на противобольшевицком фронте борьбы, во главе Кубани уселся ген. Филимонов, прославивший себя низкопоклонным служением русским генералам-беженцам. Деникин и все русские люди в праве были праздновать серьезную победу над Казачеством.

Оставалось сломить упорство Донского Атамана Краснова.

Немедленно после выборов в Атаманы, ген. Филимонов отправился на охоту вместе с представителем Англии генералом Пулем и некоторыми русскими генералами. О чем они там говорили, нам не известно, только по возвращении с этой „охоты“ ген. Филимонов, отвечая в Куб. Раде на тревожные вопросы, почему он не издал немедленно приказа об организации Кубанской армии, туманно ответил, что он много сделал для организации защиты Кубани от большевиков. А 7-го декабря ген. Пуль обратился с письмом к Дон-

скому Атаману Краснову и в этом письме, между прочим, писал следующее:

> „Инструкции от моего правительства указали мне войти в связь с генералом Деникиным, представителем в Британском мнении Русских Армий, действующих против большевиков. Поэтому я сожалею, что для меня невозможно обдумывать признание какого либо другого офицера таковым представителем... надеюсь, что Ваше Превосходительство теперь покажет себя не только великим солдатом, но и великим патриотом... что согласитесь служить под командой Деникина“. (Цит выше статья П. Краснова, стр. 277-78).

Этот документ свидетельствует, во-первых, о том, что представитель Великобритании всецело и открыто поддерживал ген. Деникина, согласно инструкций своего Правительства, во-вторых, о том, что он, ген. Пуль, используя свое, понятное при тех об'ективных условиях, огромное влияние, настаивал на подчинении и Дона генералу Деникину. Появление же этого письма немедленно после избрания ген. Филимонова в Атаманы Кубани и после поездки его с ген. Пулем на охоту, свидетельствует о том, что Кубанский Атаман, сам добровольно фактически подчинившись русскому генералу Деникину, оказывал помощь русским людям, чтобы в такое же положение поставить и Донского Атамана.

Помощник и главный гражданский советник Деникина, проф. К. Н. Соколов, с своей стороны, свидетельствует, что

> „Донскому Атаману было дано понять, что его армия будет получать снаряжение только через ген. Деникина. Прижатый к стене, ген. Краснов капитулировал“. (К. Н. Соколов. Правление Деникина, стр. 65).

Еще недавно (13-14 ноября) Донской Атаман Краснов категорически отказался подчиниться ген. Дени-

кину, а теперь уже менял фронт. Чтобы выяснить позицию Донского Атамана, представитель Кубанского Правительства, П. Макаренко, по поручению Куб. Правительства, обратился с соответствующими вопросами непосредственно к Донскому Атаману П. Краснову. Последний ответил письмом, в котором говорил, что Россия должна быть единой и неделимой, что „остается столковаться Дону с Добровольческой армией и итти вместе по одному пути, потому что цели их одинаковы: — единая неделимая Россия". (П. Н. Краснов. Цит. выше его статья, стр. 263).

Само собою понятно, генерал Краснов никогда не был самостийником, его оппозиция Деникину об'яснялась мотивами личного, а не принципиального характера. Можно ли представить большее несчастие для казачества, как то, что в период напряжения им всех сил в борьбе с Россией, во главе его стояли генералы, преданные только России!

13-го декабря на станции Кущевка (пограничная между Доном и Кубанью) состоялось свидание ген. Пуля с Донским Атаманом Красновым. При этом свидании представитель Англии снова настаивал на подчинении Дон. Атамана генералу Деникину.

16-го декабря в той же Кущевке Донской Атаман встретился с бывшим русским министром иностранных дел С. А. Сазоновым и представил ему ген.-лейт. Свечина, ген.-майора Герасимова, члена Б. В. Круга Г. И. Карева и г. Павлова, назначенных Донским Атаманом как „Донская Совещательная Комиссия при Сазонове, отправляющемся в Париж, как представитель Дона и Добр. армии". (Краснов, цит. статья, стр., 284).

18 декабря вступило в отправление своих обязанностей вновь составленое Кубанское Правительство Ф. С. Сушкова, состоявшее из сторонников ген. Деникина.

Россия явно побеждала Казачество.

Только после этого Кубанские войска перешли в наступление по всему фронту. Произошло чудо какое-то: там, где еще так недавно — в ноябре и декабре месяцах — Кубанские войска, по словам Деникина, „встречали серьезное сопротивление“ (IV, 106), где „упорство большевиков сломлено не было“ (IV, 108), где „измотанные до последней степени многомесячными непрерывными боями кони отказывались уже работать, и кубанцы преследовали противника шагом, атаковывали рысью“ (IV, 106), где „люди и кони работали из последних сил“ (IV, 108), где „Казанович, неся большие потери, стал отходить (17-20 декабря) к Калаусу“, — теперь вдруг, как по мановению волшебного жезла, все зашевелилось, ожило, пришло в движение, появился боевой порыв, храбрость, героизм! Ожил и зашевелился и наш правофланговый корпус ген. Ляхова, который, как в оцепенении, стоял на месте в течение почти двух месяцев, ведя, как говорит Деникин, „малую войну“...

Теперь на фронт повезли представителя Великобритании ген. Пуля. (См. часть I очерков „Трагедия Казачества“). 20-го ноября, как сказано выше, прибыл представитель Англии генерал Пуль в Екатеринодар. Его приезд был ознаменован на фронте выходом Кубанского корпуса Врангеля в тыл большевицкой группе войск, действовавшей против корпула Казановича, и полным разгромом большевиков у села Спицевки. Работа ген. Пуля в течение месяца на Кубани и на Дону; умышленная задержка Деникиным большевицких войск на границах Кубани (даже некоторые Кубанские станицы, как мы отмечали выше, переходили из рук в руки); подлая политика некоторых кубанских и донских прихвостней Деникина; в сравнении с требованиями момента, слабость и вялость самостийников на Дону и на Кубани; легкое занятие большевицкими войсками Украины, огромный вооруженный натиск русского народа на Казачьи Земли со стороны красной Москвы, отсутствие запасов оружия и огнестрельных припасов у казаков — давали, казалось, для русских „белых“ единонеделим-

цев благоприятные результаты: 26-го декабря Донской Атаман подчинился Деникину, и последний стал именовать себя „Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России“,

20-21 декабря ген. Врангель буквально повторил свой маневр, предпринятый 20-23 ноября: и в декабре Врангель со своим корпусом зашел в тыл большевицким войскам, стоявшим против Казановича, разгромил их и взял 1000 пленных, 65 пулеметов и 12 орудий (сравнить: в ноябре месяце при подобном маневре взято 2000 пленных, 40 пулеметов и 7 орудий). После подписания соглашения 26 декабря о признании Деникина главнокомандующим, „число пленных, оружия, обозов, попавших в наши руки, все увеличивалось“, повествует Деникин и делает при этом совсем наивное признание:

> „И 27 декабря штаб имел основание сообщить печати, что Таманская армия противника приведена в полное расстройство, и управление ею потеряно“. (Ден., т. IV, 109).

И это торжественное сообщение „печати“ делается ровно на другой день после подчинения Дона генералу Деникину! Как мы установили выше, *генерал Врангель говорит, что полный разгром Таманской армии был совершен еще в ноябре месяце*; и как бы в подтверждение своего заявления, Врангель указывает на использование его корпусом богатой добычи, доставшейся нам после разгрома именно Таманской армии. Генерал же Деникин этот разгром относит к концу декабря, ибо ему надо же, хотя чем нибудь, оправдать задержку Кубанских войск на границах Кубани.

Ометим и еще один весьма важный факт. В т. IV „Очерков русской смуты“ (стр. 108) Деникин говорит, что

> „24-го *ноября* части Добр. армии получили ближайшую задачу: ген. Врангель, с подчинением ему ген. Станкевича, — разбить группу противника, сосредоточившегося к северу от Пет-

ровского; ген. Казановичу — наступлением на Благодарное обеспечить операцию Врангеля; ген. Ляхову — перейти в наступление на фронт Кисловодск — Минеральные Воды для овладения Минераловодской группой".

Ни ген. Казанович, ни, особенно, ген. Ляхов поставленной им задачи не выполнили, так как Деникин и не хотел, чтобы эти два корпуса продвигались вперед до того момента, пока Кубань и Дон не подчинятся Деникину. Только после 26-го декабря ген. Деникин об'единил под командованием ген. Врангеля Куб. корпус его, Врангеля, и корпус ген. Казановича, и „эта армейская группа должна была докончить поражение центра XI советской армии, наступая на Святой Крест — Георгиевск, в то время, как корпус ген. Ляхова выполнял прежнюю задачу — овладеть линией Кисловодск-Минеральные воды", говорит Деникин (IV, 109-110).

Военная обстановка в сентябре уже требовала постановки той самой задачи Кубанским войскам, которая ставится им только в конце ноября, и только в конце декабря Деникин приступает к ее реальному осуществлению: это взятие нашим правым флангом Минераловодского узла. Особенно тяжелым преступлением русского командования перед Казачеством является задержка на границах Кубани корпуса ген. Ляхова в течение ноября-декабря месяцев. Эти два месяца, когда большевицкая Россия сосредотачивала против Казачества огромные вооруженные силы на фронте Царицын-Поворино-Купянск, были безвозвратно потеряны.

О соотношении наших и большевицких сил в это время свидетельствуют победы нашего, Кубанского, корпуса Врангеля в ноябре-декабре месяцах и, в особенности, бои по всему Северо-Кавказскому фронту, наступившие после 26 декабря 1918 г.

На нашем левом фланге „31 декабря доблестный полковник Бабиев занял села Маштак-Кулак, где и довершил разгром противника. Остатки красных рассеялись в степи" (Врангель, I, 105).

В центре — Кубанцы, пройдя с боями свыше 60-ти верст, 4-го января 1919 г. захватили базу XI армии — Святой Крест; овладели Новоселицами, селом Александровским, Преображенским и 8-го января овладели Георгиевском и отрезали пути отступления Минераловодской группе противника, в течение двух месяцев будто бы заграждавшей путь 10-ти тысячному корпусу ген. Ляхова. О состоянии этой, Минераловодской, группы большевицких войск красноречиво говорят следующие слова ген. Врангеля:

> „Прорвавшиеся из района Минеральных Вод остатки XI-ой красной армии бежали на восток, бросая по пути оружие, пулеметы и обозы". (Врангель, I, 106).

Как видим, переход наших войск в наступление по всей линии фронта просто таки моментально дал удивительные результаты: на левом фланге, как свидетельствует Врангель, „остатки красных рассеялись в степи", на правом фланге — тоже: „остатки XI красной армии бежали", и в центре — Кубанцы заняли Святой Крест и Георгиевск.

О значении захвата Кубанцами Святого Креста ген. Деникин повествует так:

> „Овладение нами Св. Крестом, помимо огромной военной добычи, которую предоставляла эта передовая база всего Северо-Кавказ. советского фронта, окончательно лишало остатки XI армии северо-восточных путей отступления". (Ден., IV, 110).

Как мы видим, на основании свидетельства этих двух руководителей Кубанскими войсками, на самом левом фланге, в центре и на правом фланге около 4-8 января 1919 г. от XI армии оставались только остатки.

Та самая XI советская армия, которая будто-бы была непобедимой и несокрушимой в сентябре-октябре месяцах 1918 г., когда так страшно была необходима Кубанская помощь восставшему казачьему Тереку, та

самая XI красная армия, против которой в ноябре-декабре того же года будто-бы бессильны были могучие корпуса Кубанских орлов под командой Ляхова и ген. Казановича, та самая XI армия, которая за ноябрь-декабрь месяцы пополнилась за счет мобилизованного большевиками населения Терской области, та самая XI армия, на которую общей директивой главнокомандующего всем Южным большевицким противоказачьим фронтом 5-го декабря 1918 г. возлагалось занятие Армавира-Тихорецкой, — теперь эта XI армия под ударами наших войск в течение недели-двух превратилась в жалкие остатки.

Два месяца корпус ген. Ляхова стоял на границах Кубани, Терека и Ставропольской губ. и будто-бы не мог продвинуться вперед, ибо, как говорит Деникин, „гололедица, большие морозы и сильные бураны... до крайности затрудняли операции" (Ден., IV, 109). Еще в конце декабря против этого корпуса Деникин насчитывал около 20—25 тысяч большевицких войск (Ден., IV, 110). А стоило только позволить Кубанским казакам перейти в наступление и на фронте этого корпуса, как совершились просто чудеса: еще 24 декабря большевики громили из орудий Кубанскую отдельскую (окружную) станицу Баталпашинскую, но уже 7-го января Кубанцы занимают, подряд четыре месяца для наших войск будто-бы недоступные, Ессентуки, Кисловодск и Минеральные Воды; 8-го января наши войска берут Пятигорск, 12 января Кубанцы Шкуро, после горячего боя, берут Нальчик, поворачиваются на север и 14-го янв. захватывают Прохладненский железно-дорожный узел, где почти 5-ть месяцев находился политический центр восставшего казачьего Терека.

Таким образом, правофланговые наши войска с 24-го декабря до 14 января прошли с боями линию Баталпашинск - Кисловодск - Нальчик - Прохладная, равную, приблизительно (по воздушной линии), 200-м верстам. Этот факт бесспорно свидетельствует о том, что и наши войска, сосредоточенные под командованием ген.

Ляхова, обладали доблестью, орлиным боевым порывом, беззаветной храбростью. Это русское добровольческое командование казачьими боевыми силами два месяца держало на месте наш сильный правофланговый корпус, этим самым намеренно отдаляя момент освобождения Терека и ликвидацию большевицких войск на Северном Кавказе.

Левофланговый наш Кубанский корпус ген. Врангеля во многих боях в ноябре месяце разгромил главные силы Таманской армии; этот же корпус два раза, 20—23 ноября и 20—21 декабря, разгромил большевицкие войска, заслонявшие дорогу корпусу Казановича. И если бы русское командование казачьими силами захотело только использовать победы нашего левофлангового корпуса и двинуло вперед могучие корпуса ген. Ляхова и ген. Казановича уже в ноябре месяце, вне всякого сомнения, от XI-ой советской армии оставались бы только жалкие остатки, и минимум $^2/_3$ наших кубанских боевых сил уже в ноябре-декабре месяцах были бы двинуты на помощь казачьему Дону.

Перед переходом наших войск в наступление по всему фронту, т. е. около 20-х чисел декабря 1918 г., наши войска занимали, в общем, линию Петровское-Барсуки-Баталпашинск. 14-го января наши войска вышли на линию Нальчик-Прохладная-Эдессия-Правокумское-Арзгир-Дивное (Деникин, IV, 110), т. е., за 2—3 недели весь наш боевой фронт продвинулся вперед на 140—160 верст (считая по воздушной линии). Ген. Деникин об этих победах говорит следующее:

„Это был полный разгром противника — тактический и моральный, — требовавший лишь неотступного преследования... (Ден. IV, 110)... „К середине января Сев.-Кавказского советского фронта уже не существовало, оставались только разрозненные отряды“ (IV, 111).

Для преследования в конец деморализованных большевицких войск в направлении Прохладная-Моздок-Кизляр был послан 1-й Кубанский конный корпус. За 12—

14 дней этот корпус прошел с боями 350 верст, захватил 8 бронепоездов, более 200 орудий, более 300 пулеметов и свыше 31 тысячи пленных и достиг берегов Каспийского моря (Врангель, I, 111).

„Этот беспримерный марш — 350 верст с боями — 2-й конный корпус совершил в 14 дней!“ восклицает ген. Деникин (т. IV, 111).

В то же время Кубанские войска под командой ген. Шатилова 23 января заняли город Грозный — центр нефтяной промышленности на Сев. Кавказе, а Кубанцы под командой ген. Шкуро и ген. Геймана 21—28 янв. взяли Владикавказ. Этими боевыми операциями заканчивается очищение от большевицких войск всей Ставропольской губ. и Терской области.

Если принять во внимание, что в начале общего наступления, около 20-го декабря, 1-й Кубанский конный корпус находился в районе села Петровского Ставр. губ., а в 20-х числах января месяца этот же корпус занимал уже Кизляр и Грозный, станет ясным, что этот корпус всего за месяц и 5—8 дней прошел с боями свыше 500 верст.

Корпус ген. Ляхова, простоявши у границ Кубани ноябрь и декабрь месяцы, с конца декабря до конца января тоже с боями прошел около 300 верст.

> „Стотысячная армия Северо-Кавказского большевицкого фронта перестала существовать. Она оставила в наших руках 50 тысяч пленных, не считая больных и раненых, 150 орудий, 350 пулеметов и огромное количество всякого военного имущества“, говорит ген. Деникин (том IV, 113).

В приказе ген. Врангеля Кавказской Добровольческой армии (так русские генералы в январе месяце назвали Кубанские, Терские и Горские войска) № 2, 10-го января 1919 г., имеется такое утверждение:

> „Доблестью Кубанских орлов освобождена Родная Кубань; враг, пытавшийся укрыться в богатой Ставропольской губернии, настигнут, раз-

бит и бежал в голодную Астраханскую степь" (Врангель, I, 108).

В приказе той же армии, от 20 января 1919 г., тот же ген. Врангель говорит:

„Кубанские орлы — Вам обязана Родная Кубань за избавление от ужаса крови, насилия и разорения. Изгнав врага из родных станиц, Вы отбросили его в безлюдные Астраханские степи, Вы протянули руку помощи родному Тереку, гибнувшему в неравной борьбе... Славные Терцы, храбрые Кабардинцы, Черкесы и Осетины — Вы долго боролись с неравным врагом, ожидая помощи. Она пришла в лице нашей армии, и Вы, как один, стали в ее ряды...

...Герои стрелки, доблестная пехота, славные артиллеристы — Вы, кучка верных сынов России, совершили свой крестный путь..." (Врангель, I, 113—114).

Что подтверждает этот русский генерал, монархист и твердый единонеделимец?

1. Что заслуга освобождения Кубани принадлежит самим Кубанцам.

2. Что Кубанцы освободили Ставропольскую губернию.

3. Что Терские казаки, Кабардинцы и Осетины долго боролись с врагом, ожидая помощи.

4. Что Кубанцы протянули руку помощи братскому Тереку.

5. Что Терские казаки, Кабардинцы и Осетины, как один, стали в ряды армии.

6. Что добровольцев была всего на всего к у ч к а.

Такова правдивая характеристика значения казаков, горцев и к у ч к и русских добровольцев в деле разгрома 100 тысячной большевицкой армии, характеристика, вырвавшаяся даже из уст русского единонеделимца под непосредственным и живым впечатлением происходивших событий. Приписывать победы казаков русским добровольцам Врангель не мог тогда, в январе месяце

1919 г., еще и потому, что его приказы читались перед Кубанскими, Терскими и Горскими полками, на своих плечах вынесшими всю тяжесть кровавой борьбы на Северном Кавказе.

Выступая в начале февраля месяца перед Большим Войсковым Кругом на Дону, и ген. Деникин говорил следующее:

> „Доблестные Кубанские казаки, которым посчастливилось освободить уже свою землю и которые, самоотверженно сражаясь в Терско-Дагестанском Крае, докончили его освобождение, поспешат на помощь Дону" (Ден., IV, 79).

Действительно, об'ективные данные говорят, что Кубанцы освободили свою землю, а также Черноморскую и Ставропольскую губернии, и их доблестные дивизии прошли, как мы видели, всю Терскую землю до самого Каспийского моря и до Дарьяльского ущелья, соединяющего Северный Кавказ с Грузией. Эта жизненная правда, однако, не мешала Деникину и всем русским людям торжественно утверждать, что честь освобождения всего Северного Кавказа от большевиков принадлежит русским добровольцам. Неправдой о победах „русской добровольческой армии" заполнялись столбцы русской прессы, эта неправда распространялась всюду за границей. Даже в том самом IV томе „Очерков рус. смуты", где говорится о блестящих победах казаков, ген. Деникин во многих местах пишет заведомую неправду; например:

> „На Кавказе в начале 1919 года происходила окончательная ликвидация Добровольцами XI и XII советских армий" (стр. 16).

Мы умышленно пользовались данными ген. Деникина и ген. Врангеля при описании боев на Северном Кавказе и при этом не могли найти ни одной добровольческой русской части, которая совершила хотя бы незначительную победу над большевиками в январе месяце 1919 г. Все сделали казаки. Воинские части, состоявшие, главным образом, из мобилизованных хлебо-

робов Ставропольской губ., Кубанской обл. и Черноморской губ., в начале декабря (до 2½ тысяч) и потом в начале января (еще около 2-х тысяч) были переброшены в Донецкий бассейн (см. об этом выше). Где же совесть генерала Деникина, которая ему позволяет писать: „На Кавказе в начале 1919 г. происходила окончательная ликвидация добровольцами XI и XII сов. армий". До какого душевного состояния должен дойти человек, чтобы преподносить читателю такую открытую неправду?! И если глава русского белого движения мог так писать о фактах, свидетелями которых были мы все, что же можно ожидать от этого вождя в других случаях, где его слова трудно проверить? А о Деникине русские люди пишут, что он честный и „кристалльной души человек". Ну, а что же могут делать те русские люди, какие не имеют такой „кристалльной" честности?

Огромные заслуги Кубанского казачества в деле ликвидации большевицких армий на Сев. Кавказе часто замалчиваются не только русскими людьми, но даже и некоторыми казаками. Для примера укажем на книжку полк. Добрынина, бывшего начальника разведывательного и оперативного отделений штаба Донской армии — „Борьба с большевизмом на юге России" (Прага, 1921). В этой книжке, между прочим, утверждается: „На Северном Кавказе Добровольческая армия, усиленная кавказскими казаками и горцами, переживала блестящие победы" (в январе 1919). Даже Врангель в двух приказах просто подчеркивает, что Кубанцы, Терцы и Горцы освободили Северный Кавказ, что русских вообще была только кучка; даже Деникин на Донском Кругу подтвердил, что кубанцам „посчастливилось освободить свою землю", но казак по рождению, быв. завед. оперативного и разведывательного отделений штаба Дон. армии полковник Добрынин, почему-то находит нужным извратить историю борьбы Казачества. Согласно его писаниям, казаки только усиливали Добровольческую армию, — значит, главная честь побед на Кавказе принадлежит этой самой русской Доброволь-

ческой армии. И такую „правду“ донской полковник перевел на французский язык и распространял среди иностранцев, прикрывая ее авторитетом „бывшего заведывающего оперативным и развед. отделениями штаба Донской армии“, словом — человека, через руки которого проходили документы о ходе войны.

Никто не может запретить казачьему полковнику служить единой и неделимой России. Но каждый честный человек должен протестовать всячески против распространения заведомой неправды.

Можно бы и еще привести примеры, как сами казаки явно искажают историю героической борьбы Казачества. Цель таких писаний очевидна: восхваление и песнословие Родины-России и унижение, оттирание на задний план Казачества. Но напрасно стараются хулители Казачества и его беспримерной, героической борьбы именно с Россией: найдутся казаки, которые очистят казачью историю от обволакивающей ее неправды, перекручивания и явной клеветы; раскроют они предательскую роль некоторых „героев“ из среды самих казаков; укажут они, как русские люди об'единенными усилиями, действуя вместе с изменниками среди казаков, губили Казачество, сводя на нет все его героические усилия на фронте и в государственном строительстве. Имена Иуд среди казаков будут вызывать отвращение среди будущих поколений Казачества...

С момента выхода (10-го июня 1918 г.) Кубано-Добровольческого отряда с Дона на Кубань и до момента освобождения всего Северного Кавказа от большевицких войск (приказ ген. Врангеля об окончательном очищении Сев. Кавказа датирован 20 января 1919 г.) прошло почти 7 месяцев. Боевые операции за это время можно разделить на три периода:

1-ый тянулся $2^1/_2$ месяца — от 10-го июня до конца августа, когда были разгромлены главные большевицкие силы у Торговой, Тихорецкой, Кущовской, Коре-

новской, Тимошовской, у Екатеринодара, Новороссийска, Майкопа, у Армавира и Ставрополя, когда было очищено все Задонье, что лежит между нижним течением р. Дона и северной границей Кубани; была очищена почти вся Кубань, вся Черноморская губ. и значительная часть Ставроп. губ. с городом Ставрополем; в то же время Терские казаки освободили почти всю свою землю, также горцы Кабарды и Осетии сами освободили свои края; большевицкие войска понесли неисчислимые потери, были деморализованы и зажаты между войсками Кубани и войсками восставшего Терека.

2-й период тянулся 4 месяца — с конца августа до конца декабря мес. того же года, когда разгромленные в многочисленных предыдущих боях, охваченные внутренними кровавыми смутами большевицкие войска русское командование кубанскими казаками умышленно задерживало на границах Кубани, пока, при помощи сторонников своих из среды самих казаков и при непосредственной помощи со стороны могущественных держав-победительниц в Мировой войне, генерал Деникин не захватил в свои руки распоряжение вооруженными казачьими силами — формально 26 дек. 1918 г.;

и 3-ий период, занявший, в общем, менее месяца, когда кубанцы, при помощи терских казаков и горцев Кавказа, быстро и окончательно разгромили остатки большевицких Северо-Кавказских армий, сумевшие принести столько зла населению Кубани, Терека и Ставрополья и погубившие столько казачьих жизней в боях в сентябре—декабре месяцах, когда большевицкие войска могли оставаться на Северном Кавказе только благодаря „продуманному" руководству кубанскими войсками со стороны русского командования во главе с Деникиным.

Подробное спокойное и об'ективное изучение событий, происходивших как на фронте, так и в тылу, как наших, так и большевицких войск, изучение на основании наших и русских данных (Руси красной и Руси белой), дает нам все данные для следующих выводов:

1. русских добровольцев было чрезвычайно мало участие их в боях не имело большого значения; русские добровольцы не были способны ни на одну сколько-нибудь существенную самостоятельную боевую операцию против большевиков;

2. казаки Кубани и Терека массово восстали против большевиков, без устали дрались на фронте с большою храбростью, смелостью и удалью и буквально громили большевицкие войска, забирая тысячи пленных, орудия, пулеметы и обозы;

3. русское командование казачьими войсками, по своим целям и характеру деятельности чуждое казачьим интересам, занявшее явно враждебную позицию в отношении казаков и целей их борьбы, чрезвычайно осложняло ведение войны тем, что не только не жалело казаков на фронте, но постоянно вносило смуту, взаимное недоверие и борьбу в работу казачьего тыла, тормозило плодотворную работу Кубанской Краевой Рады;

4. русское командование казачьими и горскими силами, ради своих единонеделимческих целей, задерживало большевицкие войска на границах Кубани, давало им возможность оправиться от понесенных тяжелых поражений, пополнить свои ряды новыми мобилизациями и подкреплениями и этим без всякой нужды увеличивало кровавые жертвы наших войск на фронте, понесенные ими, нашими войсками, при ликвидации новых большевицких скопищ; оно, командование, привело к новому порабощению Терека большевицкими войсками в ноябре—декабре месяцах, к новым, совершенно излишним потокам казачьей крови и разорению имущества на Терской земле;

5. своими неправдивыми информациями, подаваемыми державам-победительницам (Донское Войско — полубольшевицкое, кубанские войска — русские добровольцы, борющиеся за единую неделимую Россию и т. д.), русское командование совершенно сознательно старалось вводить великие державы в заблуждение;

6. русское командование, не имея у себя своих, русских боевых сил, спекулируя победами Казачества над большевицкими армиями, прося союзной помощи, уже в 1918 г. сознательно втягивало Казачество в войну с Украиной...

Словом, руководители русского белого движения не принесли казакам сколько-нибудь существенной русской вооруженной помощи и, в тоже время, чрезвычайно мешали успешному ведению казаками войны против русских большевицких войск, помешали получению Казачеством непосредственной помощи Союзных держав и всем этим ставили казаков в ужасно тяжелое положение как на фронте, так и в тылу.

Не имея под руками документальных данных, мы затрудняемся уже теперь дать об'ективную и всестороннюю оценку роли представителя Великобритании генерала Пуля, как и роли представителей держав Антанты вообще. Сейчас только заметим, что представители Союзников, без сомнения, знали, что огромный Донской фронт против большевицкой Москвы держался исключительно храбрыми донскими казаками; они знали, что Северо-Кавказский фронт держался исключительно кубанскими казаками и горцами... Из непосредственного к ним обращения за помощью Донского Атамана Краснова они ясно видели его нежелание подчинить Дон Деникину; из постановлений Кубанской Краевой Рады они видели действительные желания населения Кубани, — и все же они навязали безоружным казакам генерала Деникина в качестве командующего казачьими войсками.

Единоборство Дона с Сов. Россией зимою 1918—1919 г.

Деникинская, Красновская и вообще русская печать, приютившаяся в глубоком казачьем тылу, обманывала казаков печатанием вымышленных сообщений о несуществовавших в Великороссии крестьянских и рабочих

восстаниях против советской власти. Между тем русская действительность была совсем другая. Усилия русской красной власти, направленные к организации постоянной русской армии, давали весьма благоприятные для большевицкой России результаты. Согласно проверенным и опубликованным большевицким русским данным, регулярная красная армия насчитывала:

к 1-му августа 1918 г. . . . . . . 331.000 бойцов
к 5-му сентября 1918 г. . . . . . 550.000 „
к 1-му января 1919 г. . . . . . . 800.000 „
к 1-му февраля 1919 г. . . . . 1.000.000 „

(Гражданская война 1918—1921. Москва. 1928. т. II, стр. 78-79 и 87).

Как видно из тех же данных, пополнение русской большевицкой армии специалистами в 1918 г. шло за счет кадров бывшей русской императорской армии. С 12-го июня 1918 г. по 1-ое января 1919 г., по данным мобилизационного управления Всероссийского Главного Штаба, было мобилизовано и принято в русскую красную армию:

1.	Бывших офицеров	22.315
2.	„ военных чиновников	2.409
3.	„ унтер-офицеров	128.168
4.	„ врачей (медицинских и ветеринар.) .	2.508
5.	„ низшего медиц. и ветеринар. персон.	9.713
	Всего	165.113

В то же время вновь организованными курсами для подготовки красного командного состава в 1918 г. было выпущено только 1.753 красных командира.

Из выше приведенных данных о пополнении красной армии командным составом ясно видно, что армия эта была организована и велась в бой кадрами старой русской армии. (Там же, стр. 93—94).

Пусть русские люди ясно ответят на такой вопрос: кто были эти 165 тысяч офицеров, унтер-офицеров, чиновников, врачей и санитаров, которые являлись

мозгом, костяком и нервной системой большевицкой армии? Кто были этот миллион людей, которые составляли красную армию? Были-ли это проходимцы, случайные захватчики власти над русским народом? Или это были настоящие русские люди?

Мы уже говорили выше, ссылаясь на данные быв. Донского Атамана, ген. Краснова, что всеми русскими армиями, действовавшими против Дона зимою 1918—1919 г., командовал генерального штаба генерал Сытин, 9-ой армией — генер. штаба ген.-майор Егоров, 8-ой армией — генерал Чернавин. Генерал Краснов также отмечает, что начальником штаба в армии Кожевникова был генер. штаба офицер Дуткевич, в Уральской дивизии, в 14-ой дивизии и т. д. начальниками штабов были тоже русские офицеры генеральн. штаба. (Цит. статья П. Краснова, стр. 311).

Так кто же шел на завоевание Казачьих Земель? Жиды или русские люди? Интернационалисты или русские националисты, только прикрывающие свои подлинные намерения идеями всеобщего блага и коммунизма?

Когда Россия красная посылала против Дона целых четыре армии и упорно и последовательно шла на уничтожение измученных Донских войск, когда Россия белая предавала казаков на Воронежском направлении (Южная армия) и на Кавказе (Деникин), Донской казачий Атаман, принимая Союзных представителей, не говорил, а пел о любви Казачества к России, о несуществующем страстном желании Казачества „спасти матушку Россию". Тогда же Донской Атаман в районе ст. Чир показывал представителям Союзников народную Казачью Донскую армию, составлявшуюся из трех поколений — дедов, отцов и внуков, — и думал, что представитель Англии, генерал Пуль, „понимал теперь то, чего упорно не хотели понять на Западе, он понимал то, чего он не мог понять в Екатеринодаре: что это народная, а не классовая война; он (генерал Пуль) видел грубые, мозолистые руки хлебопашцев, сжимавших эфесы шашек, и он понимал, что эти люди дей-

ствительно отставивают свои дома, борятся за право жизни“... (Статья П. Краснова, стр. 296).

Да, прав бывший Донской Атаман: это была народная, оборонительная война Казачества против наступающей ненасытной России. Страшным несчастьем Казачества было то, что не только иностранцы, но и казачьи выборные руководители — Красновы, Филимоновы, Харламовы, Науменки, Сушковы, Богаевские, Скобцовы — не понимали этого простого и ясного обстоятельства и тянули Казачество „на большую Московскую дорогу“. Настоящая Россия уже выставила на фронты миллионную армию, руководимую офицерскими кадрами царской России, наступала на Казачьи Земли, на Украину, на Сибирь, на Прибалтийские народы и на Польшу... Русские люди в незначительном числе шли в Добровольческую армию Деникина, Колчака и других белых вождей, но русская толща населения, русская масса Великороссии старательно пополняла красные русские армии...

В начале декабря месяца 1918 г. русские большевицкие армии, действовавшие против Дона, занимали следующее исходное положение: группа Кожевникова (20 тысяч штыков и сабель) находилась в районе Купянска—Валуйки Харьковской губ., 8-я армия — Лиски—Новохоперск, 9-я армия — Новохоперск—Камышин (8-я и 9-я — 56 тысяч штыков и сабель), 10-я армия занимала район Царицына (38 тысяч штыков и сабель), и к югу от Царицына действовали две группы большевицких войск, общей численностью около 10-ти тысяч штыков и сабель. (См. схема № 1).

В ряде директив главного большевицкого командования и командующего южным фронтом, данных в период конца декабря 1918 г. и в начале января 1919 г. (нов. ст.), было приказано 8-й и 9-й армиям перейти в решительное наступление против Донских войск, имея целью сначала разгром донских армий в районе Павлов-

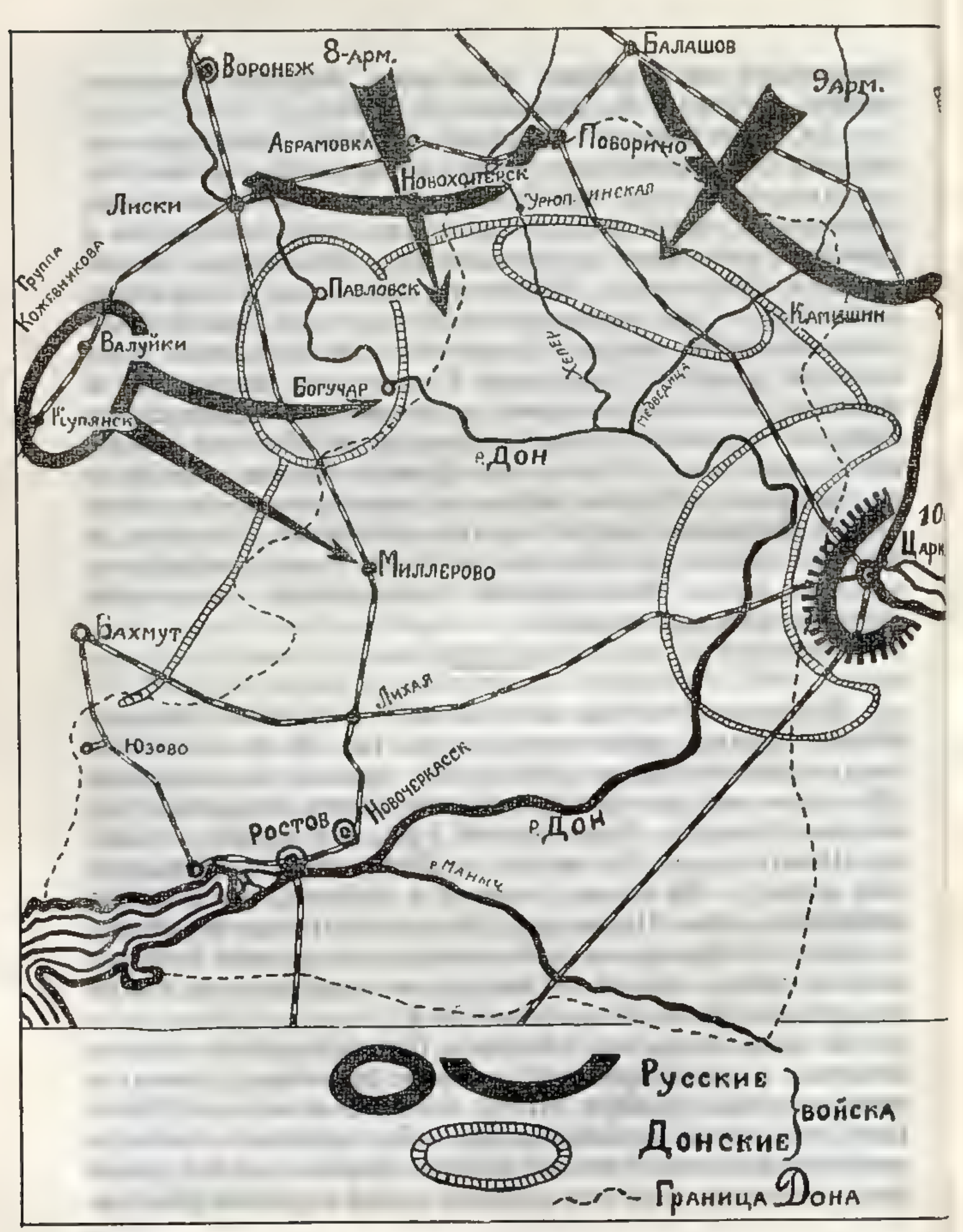

Воронеж
8-арм.
Балашов
9арм.
Абрамовка
Поворино
Новохоперск
Урюпинская
Лиски
Группа Кожевникова
Павловск
Камышин
Валуйки
Хопер
Медведица
Богучар
Купянск
р. Дон
Миллерово
Бахмут
Лихая
Юзово
Новочеркасск
Ростов
р. Дон
р. Маныч
Русские
Донские
войска
Граница Дона

Схема № 1.

ска—Богучара (согласно большевицким данным, здесь было сосредоточено 18—20 тысяч донцов), а потом и разгром донских войск, действовавших против г. Царицына. Группе войск Кожевникова было приказано, охватывая левый фланг донских войск, сосредоточенных в районе Богучара—Павловска, выйти им в тыл в направлении на Миллерово. 10 армия должна была активно оборонять г. Царицын до выхода прочих армий в тыл и на левый фланг Царицынской группы донцов генерала Мамонтова, „после чего всеми армиями предпринимается решительное наступление на Ростовское направление". (Егоров. Разгром Деникина, стр. 72).

Исследователь этих зимних операций красных армий против казачьего Дона, А. И. Егоров, говорит, что Воронежская группа Донских войск должна была быть разбита к 1-му января 1919 г., и в то же время он признает, что эта директива не была выполнена, что левый фланг 8-й армии и 9-я армия испытали целый ряд сильных потрясений и неудач: левофланговая дивизия 8-й армии (Инзенская) понесла крупное поражение у ст. Абрамовка, а 9-я армия вынуждена была отступить от ст. Поворино. Только после тяжелых и упорных боев 9-я армия 8-го января 1919 г. захватила станицу Урюпинскую. (Там же, стр. 76).

В период героических усилий и побед славных донских войск у Абрамовки, Новохоперска и Поворино, вновь и вновь доказавших, что Казачество может разбивать русские армии, большое несчастье произошло на донском казачьем фронте к северу от Богучара, Воронежской губ., — три донских полка Верхне-Донского округа (Казанский, Мигулинский и 28-й Верхне-Донской) самовольно оставили фронт (около 40 верст) и ушли в свои станицы. Этим воспользовалось большевицкое командование и в образовавшийся прорыв фронта направило дивизии 8-ой армии.

„Красная армия шла походным порядком, не разворачиваясь и даже не высылая мер охране-

ния... Прорыв фронта и углубление в Верхне-Донской округ больших сил красной армии тяжело отозвались на соседнем Хоперском округе... У Атамана в это время не было ни одного свободного казака. Все было послано на оборону Западного фронта. Там спешно формировалась ударная группа для защиты Зверево и Лихой. Угроза нависала над Новочеркасском", рассказывает быв. Донской Атаман. (Там же, стр. 293).

В то время, когда большевицкие войска вели наступление со стороны Харьковской и Воронежской губерний, на северном, северо-восточном и, особенно, восточном, Царицынском фронте Донские войска продолжали вести успешные бои. О силе удара Донских войск в это время свидетельствует тот факт, что большевицкая твердыня — Царицын, укрепляемая перед этим в течение 9-ти месяцев и защищаемая 38-ми тысячной армией лучших большевицких войск, именно в январе 1919 г. была накануне падения. Вследствие этого директивой большевицкого главкома 6-го (19-го по нов. стилю) января предписывалось большевицким армиям поспешить с оказанием помощи 10-й советской армии, оборонявшей Царицын.

Медленными и неуспешными действиями 4-х русских армий против казачьего Дона главное русское командование было настолько недовольно, что 8-го (21) января сменило командующего южным фронтом тов. Славена и заменило его тов. Гиттисом.

„Директива главкома от 12 января снова напоминала о тяжелой обстановке 10-й армии... Таким образом попрежнему преобладает забота о Царицине", свидетельствует быв. большевицкий главком Егоров. (Цитир. его работа, стр. 76-78).

Что было-бы с русскими армиями, если бы была оказана во-время помощь Дону со стороны Кубани и Терека!

Дон и Союзники.

26-го декабря 1918 г. Донской Атаман П. Краснов подчинился ген. Деникину, а 28 декабря в столицу Дона прибыли английский начальник военной миссии на Кавказе, известный уже нам (см. выше) ген. Пуль, его начальник штаба полк. Кисс, и с ними три английских офицера, и представитель генерала Франше-д'Эспере — капитан Бертелло и лейтенанты Эглон и Эрлиш. Эти официальные представители Англии и Франции внимательно изучали состояние Дона, побывали на фронте (у ст. Чир на Царицынском фронте и на северо-западном — у ст. Каргинской). Они в самых категорических выражениях заверяли Донского Атамана в самой скорой посылке Союзных войск на Донской фронт (Английской бригады из Батума и французских войск). (Цит. ст. П. Краснова, стр. 293—299).

Однако, прошел еще мучительный месяц, но ни один союзный солдат не прибыл на помощь Донским казакам. Вместо войск, 27-го января к Донскому Атаману снова прибыл начальник Французской миссии капитан Фукэ вместе с представителем Англии капитаном Келзет. Подробно ознакомившись с положением Донского фронта, капитан Фукэ обещал „завтра же послать бригаду французской пехоты через Мариуполь в Донецкий бассейн" (там же, стр. 307). Условием этой помощи представитель Франции ставил подписание следующего документа, составленного капитаном Фукэ:

„Мы, представитель французского главного командования на Черном море, капитан Фукэ с одной стороны, и Донской Атаман, председатель совета министров Донского Войска, представители Донского правительства и Круга с другой, сим удостоверяем, что с сего числа и впредь:

1. „Мы вполне признаем полное и единое командование над собою генерала Деникина и его совета министров.

2. „Как высшую над собой власть в военном, поли-

гическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского главнокомандующего генерала Франше д' Эсперэ.

3. „Согласно с переговорами 9 февраля (28 января ст. стиля) с капитаном Фукэ, все эти вопросы выяснены с ним вместе, и что с сего времени все распоряжения, отдаваемые Войску, будут делаться с ведома капитана Фукэ.

4. „Мы обязываемся всем достоянием Войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе „Донец“ и где бы они ни находились, и происшедших вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы; мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также и семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-ти процентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года, для чего составить особую комиссию из представителей угольных промышленников и французского консула...“ (Архив рус. рев., т. V, стр. 308).

Как видно из этого документа, „Франция, ничего не обещая и ничем не обязываясь, как констатирует быв. Донской Атаман П. Краснов, требовала подчинения всего Донского Войска в политическом, военном, административном и внутреннем отношении“...

В тот же день Донской Атаман написал новое обращение к французскому генералу Франшэ д' Эсперэ, вновь напоминал о ноябрьских и декабрьских обещаниях Союзников помочь войсками противобольшевицким фронтам, говорил о весьма тяжелом положении Дона, об отступлении Донских армий на 300 верст, просил о присылке к Луганску только трех-четырех союзных батальонов для моральной поддержки донцов и т. д.

29-го января капитан Фукэ предупредил Атамана о том, что помощь Дону не будет оказана до тех пор,

пока не будет подписано вышеприведенное обещание.

Однако, Дон не мог подписать и не подписал вышеприведенных условий, предложенных представителем Франции...

Прошло уже три долгих месяца в переговорах с Союзниками (ноябрь-декабрь-январь), Союзники навязали казакам в главнокомандующие русского генерала Деникина, но Союзные войска не появлялись на Казачьей Земле...

Южная армия.

Разбирая наиболее существенные и важные моменты оборонительной войны Казачества против России красной, мы принуждены постоянно останавливаться на об'ективной оценке значения союза Казачества с Россией „белой". И Донской Атаман, и рядовые казаки Дона прекрасно понимали, что в одиночку Дон не справится с Россией. Поэтому Донской Атаман в мае 1918 г. подписал соглашение с Кубанью (см. ч. I очерков „Трагедия Казачества", стр. 106—108), к сожалению, не проведенное в жизнь; строил Доно-Кавказский Союз, беспрерывно и безуспешно звал Деникина на север, входил в соглашение с Украиной, добивался помощи Союзников и, в конце концов, в лице ген. Деникина принужден был признать единое командование противобольшевицкими армиями.

Как известно, в планы ген. П. Краснова входила забота об освобождении всей России от власти большевиков. Для осуществления этой своей мечты ген. Краснов предпринимал самые различные и многообразные меры. Одной из них было принятие Донским Атаманом под свое покровительство и руководство организации т. наз. Южно-Русской армии. На это дело сыпались миллионы рублей. Добровольцы в эту армию набирались на Дону, на Украине и на Кавказе. Нелегальным путем воззвания о целях Южно-Русской армии распространялись и в Великороссии... Однако, к концу августа 1918 г. в кадрах 1-й дивизии на станции Черт-

ково было собрано всего на всего около 200 человек добровольцев, да из жителей Воронежской губернии был организован „Богучарский отряд“, в который входило не более 600 бойцов... Необходимо отметить, что дело организации Южно-Русской армии находилось под покровительством и пользовалось всяческой поддержкой со стороны немецких властей на Украине...

Какие же результаты дали все усилия русских людей, в том числе и Донского Атамана, ген. П. Краснова, чтобы организовать армию для борьбы с красной Россией?

Как свидетельствует бывший начальник штаба этой Армии, ген. П. И. Залесский, к ноябрю 1918 г. в Южной армии на 3.000 штыков, находящихся на фронте, имелось в тылу более 40 (сорока) штабов, управлений и учреждений . . . и числилось около 20.000 (двадцати тысяч) ртов. (П. И. Залесский. Южная армия. Донская Летопись, номер 3, стр. 232—261).

Бывший Донской Атаман П. Краснов дает следующую характеристику Южно-Русской армии:

> . . . „Атаман принял готовый материал для создания Южной Армии, но материал этот оказался гнилым, и армия распалась, ничего для России не давши... В „корпусе“ едва насчитывалось 2.000 человек. Из них не более половины было боеспособных, остальные были священники, сестры милосердия, просто дамы и девицы, офицеры контр-разведчики, полиция (исправники и становые), старые полковники, расписанные на должности несуществующих полков, артиллерийских дивизионов и эскадронов, и, наконец, разные личности, жаждущие должностей губернаторов, вице-губернаторов и градоначальников с более или менее ярким прошлым. Вся эта публика наполнила Кантемировку шумом и скандалами...
>
> ... Семенов (один из руководителей Юж. армии) начал водворять по уездам Воронежской губ., только что очищенным казаками, земскую

полицию старого режима со всеми ее недостатками — взятками и лихоимством... что возбуждало общее недовольство, выливавшееся местами в бунты, усмирять которые приходилось казакам. В боевом отношении армия эта не много стоила. В политическом — она повредила Атаману и создала для врагов его благодарную почву для обвинения Атамана в стремлении вернуть все „к старому режиму“ и способствовала разложению северных округов“... (Цит. статья П. Краснова, стр. 242-245).

Естественно, что б. Донской Атаман П. Краснов, возлагавший столько надежд на организацию Южно-Русской армии, в самых деликатных словах и выражениях характеризует это чисто русское патриотическое предприятие, имевшее такой позорный конец. Навязывание населению старых царских порядков, возвращение помещиков в „дворянские гнезда“, порка крестьян, взяточничество, реквизиции, бесшабашное пьянство и открытый разврат, — вот что характеризует деятельность этих „освободителей России“...

Измученное насилиями проходимцев крестьянство Воронежской губ. открыто бунтовало в тылу казачьих боевых полков, поднявшихся до ст. Лиски. Хлеборобы Воронежской и соседней Харьковской губ. на опыте убеждались в том, какой ужас насилий и грабежа несет им противобольшевицкий русский фронт.

Русская большевицкая Москва весьма ловко пользовалась для целей своей пропаганды фактическими данными из преступной деятельности чинов Южно-Русской армии. Не следует забывать и того обстоятельства, что соседние с Воронежской губ. районы Дона заселены неказачьим хлеборобским населением.

Противонародная, явно черносотенная деятельность Южной армии разложила казачий фронт соседнего Верхне-Донского округа и подготовила широкую дорогу для успешного наступления на Донскую Землю

большевицкой русской армии Кожевникова именно через район действий „белой“ Южно-Русской армии.

В то время, когда красная русская армия Кожевникова наступала на Дон со стороны Валуек-Купянска, в русской „белой“ армии происходили следующие события, о которых повествует б. начальник штаба Южно-Русской армии, генер. П. Залесский:

> „Взаимоотношения между солдатами и офицерами ухудшались с каждым днем... Воронежские крестьяне толпами уходили в свои деревни, иногда же передавались противнику, уводя при этом и своих офицеров. Фронт, до крайности жидкий и прерывчатый, стал быстро подаваться назад... К 11 декабря положение на фронте сильно ухудшилось: фронт на Воронежском направлении оказался почти пустым, части, его прикрывавшие, как бы испарились, растаяли“... (Донская Летопись, кн. 3, стр. 255-256).

Около половины декабря на замену разбежавшихся частей Южно-Русской армии прибыли Донские конные части. Остатки Юж.-Рус. армии собрались в тылу казачьих войск, в Кантемировке, где составили гарнизон. Была сделана попытка подготовить оборону Кантемировки, но, рассказывает выше названный нач. штаба этой армии,

> „Все эти меры, равно, как и меры для улучшения готовности гарнизона, не встретили сочувствия у многих чинов...
>
> Лица эти совершенно определенно навострили лыжи в тыл и потому нервно следили за перепитиями фронта, дабы не опоздать с от’ездом. На всякого мешающего такому их намерению они смотрели как на врага“... (Там же, стр. 258).

Казаки уже 9-й месяц упорно дрались на фронте против русских красных армий, а русские „белые“ казачьи союзники „навострили лыжи в тыл“. Вот оно, храброе русское воинство, эти белые „спасители России“!

К 1-ому января 1919 г. на пути от Кантемировки на Богучар появились раз'езды противника. Это событие произвело следующее впечатление на остатки Юж.-Рус. армии:

„В ночь на 1-ое января, повествует П. Залесский, ушла из 1-го конного полка (считавшегося наиболее надежным) значительная партия солдат, уведя с собой лучших казенных и офицерских лошадей. То же случились и в артиллерии... Командный состав явно растерялся. Днем 2-го января несколько раз возобновлялись тревожные слухи о положении на фронте"... (Там же, стр. 259).

Казачьи части с трудом сдерживали большевицкие войска. И что же, русское воинство, Южно-Русская армия, вышла на фронт, чтобы помочь казакам? Ничего подобного не случилось. Вместо выхода на фронт, остатки Юж.-Рус. армии бросились к вагонам на станции Кантемировка с целью постыдного и позорного бегства перед еще далеким противником.

„На станции началась сутолока и беспорядок. Тщетно комендант станции уговаривал торопившиеся части повременить. Бессильный восстановить порядок, он обратился к начальникам частей, но и те в большинстве случаев сами спешили внедриться в поезда. Штаба Южной армии уже не было... Так перестала существовать Южная армия. Части ее простояли некоторое время близ Миллерово, а затем, в значительно поредевшем виде, были переданы в Добровольческую армию, кажется, всего около 1000 человек", заканчивает свою печальную повесть ген. Залесский. (Там же, стр. 259-260).

Русские люди из Южно-Русской армии своими безрассудными издевательствами над крестьянством Воронежской губ. бросили его в об'ятия большевиков, суливших „мир и благополучие трудовому населению"; русские люди из Юж.-Рус. армии помогли разложить

Верхне-Донской округ, а сами трусливо бежали с фронта борьбы в глубокий казачий тыл. А сколько было между этими людьми кандидатов в командиры полков, кандидатов на должности губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников?! Сколько тут было русских помещиков, фабрикантов и вообще бывших богачей, жаждущих возвращения своего утерянного навсегда привилегированного правового и экономического положения!

Когда весь этот мусор из обломков правивших классов бывшей царской России постыдно летел в казачий тыл, под ударами Донских полков дрожал Царицын на р. Волге, донские казаки били 8-ю и 9-ю красные армии на севере у Абрамовки и Поворино, а кубанцы, поддержанные терцами, добивали на Северном Кавказе 11-ю и 12-ю большевицкие армии.

И если бы в это тяжелое для Казачества время казачьими силами распоряжались казачьи патриоты, можно еще было спасти положение и не допустить захвата Казачьих Земель русскими красными армиями...

Дон и Деникин.

Не добившись помощи со стороны Союзников и потерпев крушение в организации Южной армии, совершенно естественно, Донской Атаман искал помощи на Кубани. Однако, кубанскими войсками распоряжался ген. Деникин.

Выше мы уже говорили о том, что этот генерал, руководствуясь не казачьими, а русскими интересами, в течение сентября-декабря месяцев 1918 г. всячески задерживал окончательный разгром деморализованных большевицких армий на Северном Кавказе. Было также констатировано, что как только ген. Деникин пустил в ход кубанские силы в конце декабря того же 1918 г., большевицкие армии в короткий срок прахом разлетелись по полям Ставропольщины, Астраханщины, Терской обл. и Дагестана. Мы видели, что сам Деникин

признает, что „в середине января Северо-Кавказского советского фронта уже не существовало“. Ликвидируя остатки большевицких армий, Кубанский корпус ген. Покровского в 14 дней прошел с боями 350 верст (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 111).

Положение Донского казачьего фронта было таково, что Донской Атаман просто умолял Союзников о присылке хотя бы 3-4 батальонов для поднятия духа донских казаков, имеющих дело с 4-мя русскими армиями. Уход с фронта в конце 1918 г. Верхне-Донских полков был плохим предзнаменованием. Нужна была самая скорая, самая безотлагательная помощь Дону со стороны кубанцев и терцев. Посылка этой помощи зависела от воли ген. Деникина, т. к. Кубанский Атаман, ген. Филимонов, сам не распоряжался Кубанскими войсками и был послушным и предупредительным исполнителем воли русских генералов, а на Тереке еще не было своего Атамана.

О взаимоотношениях Донского Атамана и Донского противобольшевицкого фронта с одной стороны, и ген. Деникина, с другой, ген. Краснов говорит следующее:

> „После отдания приказа о вступлении ген. Деникина в командование всеми вооруженными силами юга России, Донской фронт подчинился ему, и потому та катастрофа, которая произошла в Верхне-Донском округе, не могла не интересовать Главнокомандующего. Помимо обычных, по прямому проводу передаваемых, точных сведений о всем, что происходит на фронте, Донской Атаман писал об этом неоднократно Главнокомандующему“ (цит. статья П. Краснова, стр. 299).

8-го января 1919 г. Донской Атаман писал Деникину между прочим следующее:

> „На Царицынском фронте я надеюсь обойтись своими силами, но присылка свежих иностранных, а еще лучше доблестных Добровольческих ча-

стей на Западный и Северный фронты должна быть сделана с чрезвычайной поспешностью. Свои соображения по этому поводу я сегодня изложил в телеграмме, посланной Начальником Войскового Штаба генералу Романовскому и Вам, вероятно, уже доложенной, но долгом службы почитаю доложить Вам, что наше положение может стать критическим именно на фронте Старобельск-Луганск-Юзовка-Мариуполь, и сюда необходима спешная посылка свежих частей" (там же, стр. 301).

Потом Донской Атаман 11-го января просил ген. Деникина о помощи, а 20 января снова писал:

„Части ген. Савватеева отходят к рекам Дону, Арчеде и Медведице без всякого сопротивления. Командный состав терроризирован арестами, срыванием погон и насилиями. Утомление десятимесячной борьбой при полном одиночестве на северном фронте, жестокие морозы, стоявшие этот месяц (21°-27°), вьюги, глубокие снега, отсутствие обуви и теплой одежды довершили дело разложения казачьей массы...

... На помощь Союзников рассчитывать нельзя"... (Там же, стр. 305).

Под ударами русских красных армий погнулся измученный долгой и тяжелой борьбой казачий Дон... Большевики захватывали станицу за станицей, но упорно молчал ген. Деникин... Он хотел свергнуть сначала строптивого Донского Атамана и управление казачьей землей передать в руки покорной и услужливой русской партии на Дону...

Не подлежит никакому сомнению то, что ген. Деникин имел полную возможность уже в декабре 1918 г. послать существенную помощь Дону за счет казачьих сил Северного Кавказа; мог он, Деникин, это сделать в начале января 1919 г.. Однако, Деникин так необходимой помощи для Дона не давал, дабы раньше прибрать к рукам Войско Донское, дабы потом, кровью и

головами Кубанских и Терских казаков, приобрести славу освободителя Дона.

Вместо посылки войск на помощь Дону, Деникин всячески поддерживал на Дону председателя Донского Круга В. Харламова, который, как мы неоднократно констатировали выше (см. ч. I очерков Трагедия Казачества, стр. 170-175 и далее), уже осенью 1918 г. усиленно работал с целью укрепления военной и гражданской власти Деникина над казаками. А между тем своевременная посылка помощи Дону, без сомнения, подняла бы боевое настроение утомленных Донских армий, спасла бы Донские войска от того разложения, которое все больше и больше охватывало их ряды, спасла бы Донскую землю от захвата ее красными армиями.

Большевицкое командование еще в январе месяце, как мы видели, делало колоссальные усилия для спасения притиснутой донскими казаками к Волге 10-й большевицкой армии в Царицыне. Больше того, большевики боялись нового наступления со стороны казачьих полков на севере. Об этой боязни большевицкого командования свидетельствуют большевицкие же данные. Так, например, подробно описывая ход операций против Дона зимою 1918-1919 г. и подводя итоги русско-казачьей войне, быв. большевицкий командарм и главком Егоров говорит следующее:

> „Сведения о развале Донской армии до 20-х чисел января месяца (по нов. ст.) 1919 г. были неясные, что также отразилось на решениях командования южным фронтом и на последующих действиях. Командование все еще опасалось возможного прорыва казаков на стыке 8-й и 9-й армий“ (в общем Поворинское направление). (Егоров, цит. выше работа, стр. 75).

В то же время тот же б. главком Егоров отмечает, что около 10-го января 1919 г. 8-я и 9-я большевицкие армии на своем стыке несли поражения, „где с большой энергией действовал казачий отряд Гусельщикова“, говорит Егоров (там же, стр. 78).

Такое признание б. большевицкий главком делает в 1931 г. Хотя русские армии по данным того же Егорова почти в три раза превосходили казачью Донскую армию, хотя Дон не имел помощи ни со стороны Украины, ни со стороны Южно-Русской армии и был окружен русскими красными войсками с трех сторон, хотя три полка Верхне-Донского округа самовольно оставили фронт у Богучара в конце декабря 1918 г., но еще в январе 1919 г. русское большевицкое командование, как свидетельствует Егоров, „все еще опасалось возможного прорыва казаков на стыке 8-й и 9-й армий“.

И не были фантазией, а действительно реальной оценкой военной обстановки следующие слова Донского Атамана в его письме к Деникину 20-го января 1919 г.:

> „Мы еще не потеряли нашего оружия, и самого малого толчка достаточно теперь, чтобы оздоровить казаков и вернуть их к исполнению ими долга. Теперь это возможно, через неделю это, быть может, будет поздно...
>
> ... Если бы можно было при помощи Доб. Армии быстро занять линию Луганск-Старобельск-Валуйки, а присылкою одной или двух Кубанских дивизий под Царицын помочь изнемогающим Донским частям овладеть Царицыным и по овладении им, если бы кубанцы могли отчасти занять гарнизон Царицына, отчасти (одной или полутора дивизиями) продвинуться на Камышин и занять Камышин, я бы мог за счет освободившихся частей генерала Фицхелаурова (у Чертково) и генерала Мамонтова (у Царицына) взять банды Миронова и Сытина с обоих флангов, очистить Хоперский округ и снова занять ст. Лиски и Поворино. Эту операцию можно бы закончить в течение февраля“. (Цит. работа П. Краснова, стр. 306).

В той же работе П. Н. Краснов констатирует, что в январе месяце 1919 г. „для помощи Дону были со-

браны две дивизии Кубанских казаков, но с посылкою их на север генер. Деникин медлил... Деникин выжидал Круга и того, и что на нем будет" (там же, стр. 307).

К концу января 1919 г. русская „Красная армия занимала весь Верхне-Донской округ и местами вошла клином в Донецкий округ, весь Хоперский округ и северную часть Усть-Медведицкого округа. Фронт Красной армии шел от станций Картушино и Колпаково Екатер. ж. д. к станции Первозвановка, станице Луганской, причем Луганск с его патронным заводом был занят большевиками; потом, огибая границу Войска Донского, к Стрельцовке, Великоцкому и пограничной железно-дорожной станции Чертково, за которой круто спускался к югу в Войско Донское и доходил до слободы Макеевки; далее через ст. Краснокутскую, к северу к станице Усть-Хоперской, Усть-Медведицкой, ст. Каменской, ст. Качалинской, к реке Волге у Орловки и огибал Царицын через Гумрак, Воропаново и Сарепту, и далее на Торговое и Ремонтное". (Там же, стр. 311-312).

Не дождавшись ниоткуда помощи, Донская армия падала духом.

Целые Донские части переходили к большевикам. Согласно данным красного командования, „с 22 декабря 1918 г. до 10 янв. 1919 г. сдалось большевикам 3.000 казаков, взято красными 31 орудие, 115 пулеметов, 3 броневика, 3 бронепоезда; 27 января на ст. Арчеда 7 казачьих полков сдались с артиллерией, бронепоездом и самолетами; 27 янв. на ст. Котлубань сдались еще 5 полков и т. д." (Егоров, цит. его работа, стр. 73).

Медленно переворачивалась еще одна кровавая страница книги ужасной трагедии Казачества. „Фронт быстро разлагался, свидетельствует быв. Донской Атаман, 30-го января еще четыре хороших полка на северном фронте перешли на сторону красных. В Новочеркасске служили панихиды по Атамане Каледине, была годовщина его смерти, и хоронили командующего Южной Армией ген. Иванова... Тяжелые это были дни.

дни смятения и сомнения, и в эти дни на свою вторую сессию собирался Большой Войсковой Круг" (цит. работа Краснова, стр. 311).

В целом ряде писем и телеграмм Донской Атаман просил ген. Деникина о помощи Дону. Кроме того, в январе месяце прибыла на Кубань депутация членов Донского Круга во главе с ген. Поповым и тоже просила Деникина о помощи... Но русский генерал, захватив в свои руки Кубанские и Терские войска, был глух к страданиям Донского казачества. В то же время Деникин уже назначил русского генерала Ляхова „главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края" и дал ему многоговорящую директиву: „вновь приобщить край к русской государственности". (Из письма ген. Деникина к ген. Ляхову, Деникин. Очерки, т. IV, стр. 114).

Тому же ген. Ляхову ген. Деникин приказал: „в целях воссоздания Терского казачьего Войска" созвать Терский Круг и поручил эту работу преданному и верному стороннику единой и неделимой России, И. Д. Губареву. (Там же).

На Кубани, после весьма сложной игры, после умышленной задержки большевицких войск на самых границах Кубани в течение сентября-декабря 1918 г., благодаря прямой и открытой поддержке со стороны представителей Англии и Франции, благодаря помощи со стороны некоторых же кубанцев, Деникин добился избрания в Атаманы верного России, хотя безвольного и трусливого, ген. Филимонова и назначения последним Кубанского Правительства, в состав коего входили преданные Деникину генералы Науменко (военный министр) и Успенский (мин. внутр. дел.), далее — кубанские заговорщики (см. ч. I очерков Трагедия Казачества, стр. 169—170) Д. Скобцов (мин. земледелия), П. Каплин (мин. юстиции), Ф. Сушков (председатель Правительства)...

В Черноморской и Ставропольской губерниях уже сидели Деникинские губернаторы...

Очередь была за казачьим Доном... Донской Атаман 26-го декабря 1918 г. формально признал ген. Деникина Главнокомандующим, но и после этого продолжал самостоятельно править военной и гражданской жизнью Донской Республики. Донской Атаман и после 26-го декабря непосредственно сносился с Союзниками, и к нему, как к главе самостоятельного казачьего государства, обращался официальный представитель Франции с предложением подписать за Донскую Землю важные обязательства перед Францией. Чтобы яснее представить себе всю важность этих сношений Дона с Францией, необходимо помнить, что по секретному соглашению между Францией и Англией эти государства разделили „Юг России" на сферы влияния, при чем в сферу влияния Англии вошел весь Кавказ, а в сферу влияния Франции — Украина; разграничительная линия между этими двумя сферами иностранного влияния проходила „от Босфора через Керченский пролив к устью Дона и по Дону на Царицын и дальше на север, не принимая в рассчет единства Южного фронта, отделяя первоначальную базу Деникина — Кубань — от его операционной линии на Харьков и даже разделяя Область Войска Донского" (Егоров, стр. 23). Это соглашение между Францией и Англией было принято еще 10-го декабря 1918 г.. Как мы подчеркнули выше, представитель Англии ген. Пуль приложил много стараний и проявил, нужно признать, большое уменье, чтобы и Дон подчинить Деникину, чего и добился 26-го декабря 1918 г.. С своей стороны, и представитель Франции капитан Фукэ тоже немало поработал, чтобы Донскую Землю поставить в непосредственную зависимость именно и исключительно от Франции (см. выше предложения капитана Фукэ Донскому Атаману, сделанные в конце января мес. 1919 г.). Совершенно понятно, что пребывание ген. П. Н. Краснова, этого весьма серьезного конкурента ген. Деникину, на высоком выборном посту Донского Атамана постоянно угрожало разрушением всех планов Деникина стать „спасителем Матушки России".

Присмотримся внимательно к официальным актам, которыми ген. Деникин и Донской Атаман П. Краснов сообщали всем о важном событии — признании в лице ген. Деникина единого командования вооруженными силами на Юге России.

Приказ Деникина 26 декабря 1918 г., № 1, гласил:

> „По соглашению с атаманами Всевеликого Войска Донского и Кубанского, сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России".

В тот же день Донской Атаман П. Краснов издал следующий приказ:

> „Об'являя этот приказ (приказ Деникина) Донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с главнокомандующим вооруженными силами на Юге России ген.-лейт. Деникиным, конституция Войска Донского, Большим Войсковым Кругом 15 сентября с. г. утвержденная, нарушена не будет. Достояние Донских казаков, их земли и недра земельные, условия быта и службы Донских армий затронуты не будут. Единое командование есть своевременная и необходимая ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками". (Деникин. Очерки рус. смуты, т. IV, стр. 73).

По поводу этих приказов ген. Деникин говорит: „Эти акты не определяли совершенно правовых взаимоотношений между главным командованием и Донской армией. Их должна была установить жизнь". (Там же).

Донская конституция ясно и недвусмысленно устанавливает: Дон есть самостоятельное государство. Раз конституция Дона не нарушается, значит Всевеликое Войско Донское остается самостоятельным и независимым государством. Приказ Донского Атамана ясно говорит, что „единое командование есть своевременная и необходимая мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевизмом". Донской Атаман сегодня издал приказ о признании генерала Деникина

главнокомандующим, но завтра может отменить этот приказ, ибо Дон есть самостоятельное государство.

Но разве этого хотели русские люди, собравшиеся на Казачьей Земле? Разве они хотели укрепления самостоятельности Дона и Кубани?

Соотношение сил.

При оценке положения и сил русского „белого“ движения никогда не следует упускать из виду, прежде всего, того, что это движение а) было расбросано на огромных просторах Архангельской губ. и Мурмана, Урала и Сибири, Казачьих Земель, Украины и Прибалтики, б) оно не имело ни единого политического, ни единого военного руководства, ни единого заграничного дипломатического представительства, в) оно пробовало собирать силы на нерусских землях, среди нерусских народов, стремясь освободительные национальные движения сделать только противобольшевицкими; г) „белое“ русское движение стремилось, опираясь на Союзников России в Мировой войне, заставить казаков, украинцев, кавказские народы, народы Поволжья, Урала и Сибири пополнять ряды „белых“ армий и идти вырывать Москву из вооруженных рук красной России (Великороссии).

В то же время красная Россия а) занимала весьма выгодное центральное положение, б) опиралась на компактную массу действительно русского населения, в) имела единое политическое, военное и гражданское руководство и единую заграничную политику, г) красная Россия шла на завоевание „окраин“ ради добывания хлеба, угля, нефти, железа и т. д., — словом, причины войны были понятны для широких масс населения красной России.

Уже одно сопоставление общего положения и сил „белой и „красной“ России ясно указывало на то, что „белое“ движение находилось в весьма и весьма тяжелом положении. Русские силы Деникина были просто

ничтожны, так как действительно русские люди весьма неохотно и в самом незначительном числе шли под знамена Деникина. Широко задуманная и дорого стоившая организация Южно-Русской армии тоже показала весьма наглядно полное бессилие русских людей организовать „белое" движение. Крестьянство и рабочие не поддержали русскую контр-революцию, а русские дворяне, купцы, фабриканты, бюрократы, чиновники, полковники — были малочисленны и предпочитали „вострить лыжи в тыл", по образному выражению быв. нач. штиба этой армии (см. выше), а не сражаться на фронте...

В Донецком бассейне. Мы уже неоднократно говорили выше о том, что генерал Деникин со своими только русскими добровольцами не был способен на какую-либо самостоятельную серьезную боевую акцию. 6 декабря 1918 г. Деникин перебросил в район станции Юзовки в Донецком каменноугольном бассейне 3-ю Добровольческую дивизию, насчитывавшую всего $2^1/_2$—$3^1/_2$ тысячи бойцов (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 73 и 76).

Целый месяц против этой дивизии не было регулярных большевицких войск, и дивизия играла роль сторожевого охранения. В январе 1919 г. сюда же была послана еще одна смешанная дивизия, и к концу января в Донец. бассейне набралось около $4^1/_2$ тысяч бойцов.

Как видно из подробного описания операций большевицких армий против Дона (армии Кожевникова, 8-й, 9-й и 10), все внимание большевицкого фронтового и главного командования в декабре 1918 г. и в январе 1919 г. было обращено исключительно на уничтожение донских казачьих войск. Правофланговая большевицкая армия Кожевникова, наступая с фронта Купянск-Валуйки, имела общее направление на фронт Богучар-Миллерово. Около 1-го января 1919 г. она заняла своим правым флангом положение: Старобельск — р. Черная Калитва.

Директивой большевицкого командования с дня 6-го января группе Кожевникова была дана задача выйти на линию Талы (Воронежской губ.) — Марковка (Екатеринославской губ.) с одной дивизией на Луганск (Егоров, стр. 76). Около половины января самая правофланговая дивизия всех большевицких войск Южного фронта, направленного против Дона, имела только слабые отряды в Дебальцево и Попасной. С этими незначительными отрядами одной дивизии группы Кожевникова пришлось иметь дело добровольческим войскам Май-Маевского.

Директивой 17-го января большевицкое командование продолжало направлять группу Кожевникова на восток, на фронт Каменская-Лихая (Егоров, стр. 78). Согласно тем же данным, только 1—3 февраля директивой главкома приказывается командующему Южным фронтом обратить внимание на занятие Донецкого бассейна.

Таким образом, из 120—130 тысяч регулярных большевицких войск, действовавших в декабре-январе против казачьего Дона, только правофланговая большевицкая армия Кожевникова, и то только своим правым флангом (4-я дивизия), входила в соприкосновение с добровольческим корпусом в Донецком бассейне. Вследствие этого добровольческая дивизия (позже — корпус) два месяца находилась в стороне от театра главных ударов регулярных русских армий Южного фронта.

Деникин, конечно, своевременно и прекрасно был осведомлен и о количестве большевицких русских войск, направленных против Дона, и о направлении их главных ударов, поэтому он хорошо понимал и ту весьма скромную роль в боевых операциях Юга, которая выпала на долю смешанного корпуса Май-Маевского.

В Крыму. Имея такие слабые силы в Донецком бассейне, Деникин все же пробовал протягивать руки в Крым и даже в далекую Одессу. В Крыму управляло самостоятельное Крымское Правительство, и с ним пришлось вести бесконечные переговоры.

Деникин решил было перенести свою ставку в г. Севастополь „под влиянием слагавшейся в декабре военно-политической обстановки и с целью избавить Ставку и Кубанское Правительство от нервирующей друг друга близости", поясняет Деникин. Известно, что еще осенью 1918 г. представители Союзников решили поддерживать только ген. Деникина. Перенос Ставки ген. Деникина в Крым сулил главному командованию большие преимущества во многих отношениях.

Но, как сообщает Деникин,

> „совершенно неожиданно я получил через Французскую Миссию (в Екатеринодаре) уведомление генерала Франше д' Эсперрэ: ... „Нахожу, что ген. Деникин должен быть при добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует". (Деникин, т. V, стр. 61).

Еще 7-го ноября 1918 г. ген. Деникин писал Крымскому Правительству о том, что он послал в Крым кадры, „которые будут пополняться мобилизацией офицеров и солдат на территории Крыма" (там же, стр. 55). Добившись 26-го декабря 1918 г. распоряжения вооруженными силами Юга России, ген. Деникин решил показать Союзникам и русским людям, что он уже имеет в своем распоряжении не казачью, а настоящую русскую армию. Поэтому он 10 января 1919 г. издал приказ о том, что войска Крыма, Таврии и Донецкого бассейна (дивизия ген. Май-Маевского) об'единяются в Крымско-Азовскую добровольческую армию (там же, стр. 60). Однако, Деникин сам должен признать следующее: „Шли дни за днями... а дело развертывания крымских частей не двигалось". Тогда на усиление войск Крыма ген. Деникин послал Кубанский пластунский батальон. Вскоре Добровольческая армия обратилась к населению Крыма со следующим воззванием:

> „К населению от Добровольческой Армии. Граждане. С вольных степей Кубани пришли мы к вам. Позади остался год кровавой войны. Ста-

ницы и села разграблялись разбойниками; хуторяне уничтожались красногвардейцами; на дорогах убивали проезжающих людей, в городах накладывали контрибуции, захватывали жилища, обирали честно трудящихся людей. Лучших людей, возвышавших свой голос против насильников за честь и достоинство родины, без суда замучивали и убивали. Добровольческая Армия, верная долгу, преданная народу и России, вынула меч из ножен и пошла войной против врагов родины и свободы. Год билась она, точно славный русский витязь, в неравном бою, имея сто человек против одного. Но дело ее было святым и правым, она победила. Сейчас на Дону и Кубани порядок восстановлен; города, села вернулись к мирной и свободной жизни; народ не трепещет больше под игом большевизма и спокоен за свои очаги, честь женщины и жизнь. Добровольческая Армия — Армия Русского Народа. Она всем сердцем принадлежит ему и России. И если по Днепру и Волге, если в степях Новороссии и на Урале, если в сердце России — Москве еще льется невинная кровь страдальцев и не осушены слезы жен и матерей, оплакивающих бесчисленные жертвы большевицкого зверства, мы не могли остаться глухими к стонам и мукам своих братьев. Мы пришли к Вам по дороге в Москву, по пути к Единой России. ... С врагами России мы будем суровы и непреклонны...“ и т. д. („Единая Русь“ за 23 янв. 1919 г.).

Это обращение напечатано было во всех газетах Крыма. Мы приводим его как образец неправды и русского бахвальства, которыми пользовался Деникин, ведя борьбу против своих противников. В самом деле, даже ген. Врангель в своем приказе Кавказской армии 10-го января 1919 г. писал: „Доблестью Кубанских орлов освобождена родная Кубань“. А в приказе той же армии 29-го января он писал: „Кубанские орлы! Вам обязана

родная Кубань за избавление от ужаса крови, насилия и разорения. Изгнав врага из родных станиц, Вы отбросили его в безлюдные Астраханские степи, Вы протянули руку помощи родному Тереку, гибнувшему в неравной борьбе"... Даже ген. Деникин 3-го февраля того же 1919 г. на Донском Кругу заявил, между прочим: „Доблестные кубанские казаки, которым посчастливилось освободить уже всю землю и которые, самоотверженно сражаясь в Терско-Дагестанском крае, докончили его освобождение"... (см. выше).

Но русские люди перед населением Крыма изображали события так, что все дело освобождения Кубани, Терека и Дона принадлежит Добровольческой армии, сравниваемой со славным былинным витязем...

Весьма характерным для Деникинцев является и заявление, имеющееся в обращении к населению Крыма: „Мы пришли к Вам по дороге в Москву"... Как будто русский витязь так себе, прогуливаясь по берегу моря, зашел и в Крым... „по дороге в Москву", а в это время, как свидетельствует Деникин, в Донецком бассейне корпус Май-Маевского „с огромным напряжением и упорством едва отбивался от Махно" и т. д.

Не менее характерным для Деникинщины вообще было приписывание и казачьим войскам намерения „спасать Единую Россию" и бороться с врагами ее „сурово и непреклонно".

Однако, вскоре произошло событие, которое не только опрокинуло все планы и рассчеты Деникина в отношении перенесения Ставки в Крым, но и показало, что казачьей массой русские люди не могут распоряжаться по своему усмотрению.

> „23 января, повествует Деникин, пришедший из Керчи к Перекопу для действий против скопившихся в Северной Таврии большевицких и Махновских банд 9-й пластунский батальон (Кубанский) отказался выполнить приказ, бросил фронт и самовольно двинулся на Кубань. Представители батальона заявили, что этот фронт — против

Украины, и что до получения указания Краевой Рады пластуны драться с петлюровцами не будут. Это был первый случай в Добровольческой армии невыполнения целой частью боевого приказа"... (Деникин, IV, 57).

После этого 9-й батальон самовольно забрал пулеметы на складе в г. Керчи и отправился на Кубань...

С ведома ген. Деникина Кубанский Атаман обратился к Законодательной Раде с просьбой повлиять на батальон в желательном для Деникина направлении. Этот факт открытого нежелания целой Кубанской воинской части воевать против Украины был весьма показательным и характерным для настроений Кубанской казачьей массы и служил грозным предостережением для всех русских людей.

После этого, в конце января была об'явлена в Крыму мобилизация в Добровольческую армию только одного возрастного класса (родившихся в 1897 г.), но призыв не прошел, говорит ген. Деникин и при этом добавляет, что „авторитету Правительства (Крымского), командования (Деникина) и самой идее борьбы с большевизмом — этой демонстрацией нашего бессилия нанесен был непоправимый и окончательный удар" (том V, стр. 61).

Так неудачно и несвоевременно русские люди зашли в Крым „по дороге в Москву", как самоуверенно заявляло Деникинское воззвание к населению Крыма. Ни население Крыма, ни Кубанские казаки не захотели выступить в несвойственной им роли русского витязя, направляющегося в Москву...

В Одессе. При всех этих условиях Деникин протягивал все же свои руки далеко на запад — в Одессу. Даже теперь, через 15-16 лет после описываемых событий, трудно понять, какими реальными данными могли руководствоваться русские люди и особенно руководители т. наз. „белого" движения, чтобы надеяться на успех своей акции в далекой Одессе, когда у них не было сил для самостоятельных боевых операций даже в том рай-

оне, где находился Деникин со своим Особым Совещанием...

К январю месяцу 1919 г. Деникин имел в Одессе всего на всего около 1.600 штыков, 56 сабель при 10 орудиях (Ден. V, стр. 32.).

В начале того же месяца в Одессу прибыл штаб французской дивизии. „Начальник штаба, заранее предубежденный против Добр. армии, принял систему полного игнорирования ее власти и дискредитирования ее представителей“, сообщает Деникин (там же, стр. 33)...

Кубанская Краевая Рада защищала самостоятельность Кубани (принятие Кубанской Конституции, закона о самостоятельной Кубанской армии, земельного закона, избрание заграничной делегации); Донской Атаман, признавая навязанное Союзниками единое командование в лице ген. Деникина, в приказе своем ясно написал, что государственная самостоятельность Дона остается ненарушимой и неприкосновенной; представители Дона, Кубани, Украины и Белоруссии в своих совместных и согласованных выступлениях в Одессе перед Верховным Командованием Держав Антанты и перед Французским командованием солидарно защищали самостоятельность своих государств, охватывающих ту самую территорию, на которой русские „белые“ вожди думали собирать вооруженные силы, при помощи которых собирались вырвать власть из рук красных правителей России; в силу протестов со стороны Правительства Украины, Французское командование запретило Деникину производство мобилизаций в Одессе и ее районе; Деникинские мобилизации в Крыму, произведенные в ноябре 1918 г. и в январе 1919 г., провалились; одна из Кубанских войсковых частей, руководствуясь смыслом и духом постановлений Кубанской Краевой Рады, отказалась выполнить приказ Деникина о выходе через Крым на территорию Украины и со своими офицерами возвратилась на Кубань; Французское ко-

мандование не позволило Деникину перенести Сгавку из Екатеринодара в Севастополь, и в то же время 28 января обратилось непосредственно к главе Донской Республики, правда, с тяжелыми и, вследствие этого, неприемлемыми предложениями Франции; красная Москва уже имела 800 тысячную армию и наступала на всех фронтах...

Что мог делать Деникин, имевший, как правильно констатировал генер. Врангель в приказе Кавказской армии, в своем действительном распоряжении и подчинении только „кучку верных сынов России", да к тому еще мудрой рукой главнокомандующего расбросанных в Донецком бассейне, Таврии, в Крыму и в Одессе?

Ген. Деникин и все его окружение прекрасно понимали, что в начале 1919 г. для вождей и организаторов русского „белого" движения на Юге был только один из двух выходов: 1) честно и открыто признать, что они уже бесповоротно проиграли ставку на белую, противобольшевицкую Россию, и отойти в сторону, как это принужден был сделать Деникин в 1920 г., и не мешать нерусским народам России вести борьбу за свою самостоятельность и государственную независимость; или 2) не останавливаясь ни перед какими мерами и способами действий, еще раз попробовать подчинить себе Казачьи военные силы и, опираясь на них, мобилизовать новые силы на Кавказе, на Украине, в Поволжьи...

Деникин, как известно, пошел этим другим путем.

Политическая и военная обстановка властно диктовала Деникину очевидную необходимость сбросить генерала Краснова с поста Донского Атамана и на его место посадить своего человека. Самостоятельное Донское Казачье Государство явно стояло на пути к „белокаменной Москве". И русские люди решили любой ценой устранить это препятствие... Правильно говорит ген. Деникин об актах 26 декабря 1918 г., возвестивших вступление Деникина в командование „всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге

России“: „Эти акты не определяли совершенно правовых взаимоотношений между главным командованием и Донской армией. Их должна была установить жизнь“. Деникин не говорит о Донской Республике, его интересует Донская армия, ибо только с армией можно „спасти Матушку Россию“. А что представляли бы собою „все сухопутные и морские силы Юга России“, если бы из их состава вынуть казачьи полки и батальоны Дона, Кубани и Терека? С уходом их из подчинения Деникину, что, кроме громкого и не соответствующего реальному содержанию титула, осталось бы у „главнокомандующего всеми вооруженными сухопутными и морскими силами“?

Воодушевленный успехами на Кавказе, Деникин постепенно наступал на казачий Дон.

Казачество не имело своего единого государственного или, хотя бы, политического и военного Центра, почему русские люди, выступая организованно и опираясь на „русских казаков“ и, что особенно важно, на представителей Держав Антанты, могли брать казачьи войска порознь и „приобщать их к русской государственности“.

Донской Войсковой Круг.

1-го февраля 1919 г. в Новочеркасске собрался Большой Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского на вторую сессию. На нем завершилось то, что так долго и упорно подготавливалось: Донской Атаман П. Н. Краснов, командующий Донской армией генер. Денисов и начальник Штаба ген. Поляков были удалены со своих должностей. На пост Донского Атамана был избран генер. Богаевский, который был всецело и безоговорочно предан генералу Деникину. 3-го февраля с особой помпой выступил на Круге ген. Деникин. Речь его была пересыпана фальшивыми словами о любви к Донскому Казачеству, призывами идти под его, Деникина, водительством „спасать Россию от распада

и гибели" и т. д. Весьма знаменательным было признание Деникиным того, что кубанским казакам „посчастливилось освободить всю землю и которые, самоотверженно сражаясь в Терско-Дагестанском Крае, докончили его освобождение"... Не менее важным было и (хотя вскользь брошенное) заявление ген. Деникина о существовании Кубанской армии.

Весьма характерным для обрисовки облика этого вождя было заявление ген. Деникина о том, что он в помощь Дону посылает все, „что можно оттянуть с Кавказского фронта" (Очерки рус. смуты, т. IV, стр. 78-80). В это время уже никакого Кавказского противобольшевицкого фронта фактически не существовало. Факт ликвидации большевицких вооруженных сил на Северном Кавказе был констатирован официальным приказом генер. Врангеля Кавказской Добровольческой армии, № 3, 29 января. Этот приказ начинался такими словами: „Славные войска Кавказской Добровольческой армии! Доблестью Вашей Северный Кавказ очищен от большевиков! Большевицкая армия разбита, остатки ее взяты в плен" и т. д. (Врангель. Записки, т. I, стр. 113). Даже сам ген. Деникин констатировал, что к концу января 1919 г. „Северо-Кавказская операция закончилась. Вся Ставропольская губ. и Терская обл. были освобождены от советской власти... В начале февраля Кавказская добровольческая армия, имея обеспеченный и относительно замиренный тыл, получила, наконец, возможность повернуть на север для выполнения своей основной задачи". (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 112-113),

О каком же Кавказском фронте мог говорить русский правдолюб, „кристальной честности человек", ген. Деникин, выступая публично 3-го февраля на Большом Донском Круге?

Было совершенно очевидно, что и тут, выступая перед казачьими выборными представителями в такие страшные времена для Дона и всего Казачества, Деникин хотел в глазах представителей Дона прикрыть свою политику задержки посылки помощи Донской

Земле, изнемогающей в неравной борьбе против 4-х настоящих русских, хотя и именуемых красными, армий.

Уже через пять лет после описываемых трагических для Казачества событий, в 1924 г., пребывая в эмиграции, Деникин написал в своих „Очерках рус. смуты“ следующее: „Я не считал возможным в эти тяжелые для Дона дни пред'являть Кругу требования, которые обеспечивали бы реальное содержание „договору“ в Торговой (26 дек. 1918 г.) и реальную власть главнокомандующему — требования, которые были бы выполнены несомненно (т. IV, стр. 80). Ну, а какие реальные силы были в распоряжении самого Деникина, которые позволяли бы ему пред'являть требования седому казачьему Дону? Известно, что своей армии, русской армии, Деникин не имел. Ловко играя, он Кубанские, а потом Кубанские и Терские войска выдавал за русскую Добровольческую армию. Когда население Крыма не пошло по мобилизации в Добровольческую армию, у Деникина не было никаких сил, чтобы принудить хотя один город или одно Крымское село дать мобилизованных в Деникинскую армию. Стоило только одному Кубанскому батальону отказаться выполнить боевой приказ Деникина, — и этот „главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Юга России“ не только не мог принудить батальон выполнить свой приказ, но послал в ненавистную ему Кубанскую Законодательную Раду сразу двух кубанских генералов, прося Раду „воздействовать“ на взбунтовавшийся Кубанский батальон...

Ближайший гражданский помощник и советник ген. Деникина, проф. К. Н. Соколов, следующими словами характеризует достижения русских людей на Дону зимою 1919 г.:

> „После же падения генерала Краснова, в связи с военными неудачами, и избрания в Атаманы старого добровольца, ген. Богаевского, донские

власти на некоторое время сделались совсем ручными“ (Соколов. Правление Деникина, стр. 89).

Вне всякого сомнения тот факт, что русская группа среди членов Донского Круга в это время играла первенствующую и руководящую роль в политической жизни Дона вообще и в работе Большого Круга в частности. Она постаралась удалить неугодных для Деникина руководителей Донской армии. Она же применяла довольно сложные меры для укрепления в Донском Войске авторитета ген. Деникина.

Отметим здесь один особенно яркий факт из деятельности этой группы, факт запечатленный даже в Указе Войскового Круга Донской Армии, изданном на другой день после посещения Деникиным Донского Круга — 4-го февраля. В этом Указе между прочим имеется такое место: „... С нами Оренбургские и Уральские казаки, с нами Кубанцы и Терцы, и надежда России — Добровольческая Армия — высылала и высылает свои лучшие дивизии на выручку Дона“. (Донская Летопись, кн. I, стр. 331).

Ген. Деникин в декабре-январе уже выслал в Донецкий бассейн свои две дивизии. Других дивизий на Кавказе у него просто не было, поэтому никаких добровольческих дивизий на помощь Дону в то время, когда издавался выше цитированный Указ, не посылалось, не могло быть послано и фактически не было послано и после издания этого Указа.

Это простое обстоятельство (отсутствие у Деникина русских добровольческих дивизий, кроме тех, которые были уже в Донецком бассейне), хорошо было известно председателю Донского Круга В. Харламову и другим активным членам Круга, бывшим горячим сторонникам ген. Деникина. Для чего же потребовалось в таком серьезном документе, как Указ Большого Круга, допускать такое серьезное расхождение с истиной? Для чего руководители Круга сообщали войскам не соответствующие истине сведения о высылке на помощь Дону несуществующих русских добровольческих дивизий?

Цель была ясна: Дону не мог помочь ген. Деникин, хотя он и носил громкий титул „главнокомандующего сухопутными и морскими вооруженными силами Юга России“; нужно было показать Донскому Войску, что за спиной Деникина не пустое место, а целые дивизии, и число этих дивизий не малое, раз среди них Деникин может выбрать именно лучшие и послать на выручку Дона. Нам могут сказать, что составители Указа по неосведомленности или по другим причинам просто спутали Кубанские или Терские дивизии с добровольческими. Это об'яснение не может иметь места, так как Указ ясно различает добровольческие войска от казачьих, и в нем имеются такие слова, помещенные почти в самом конце Указа: „Зовите малодушных к бодрости и дружно, плечо к плечу, выдерживайте натиск врага до прибытия доблестных Добровольческой и Кубанской армий“. Кроме того, посланный во второй половине января на Кубань член Круга ген. Попов 2-го февраля телеграфировал Кругу, что Кубанские дивизии для переброски на Дон готовы (Деникин. Очерки, IV, стр. 76). И эта телеграмма была зачитана на Кругу. Значит, от своего же члена весь Донской Круг знал, что именно Кубанские дивизии перебрасываются на помощь Дону. Все это не помешало 4-го февраля поместить в текст Указа Круга сообщение о том, что „и надежда России — Добровольческая Армия — выслала и высылает свои лучшие дивизии на выручку Дона“ или что ожидается прибытие на Дон „доблестной Добровольческой армии“... Цель таких информаций была ясна: по заранее обдуманному плану Донскому Казачеству внушалась мысль о том, что будто бы ему помогут выйти из беды русские добровольческие дивизии, что Донскую Землю спасет русский вождь — ген. Деникин...

Необходимо было поднимать упавшее настроение донских полков, но допустимо ли было для честных и серьезных политических вождей, путем распространения среди Казачества явно не соответствующих истине сведений, прославлять того самого Деникина, который вме-

сте с его русскими и казачьими единомышленниками в наибольшей степени нес вину за долгую задержку разгрома большевицких войск на Северном Кавказе, за задержку высылки своевременной и серьезной помощи Дону зимою 1918—1919 г.!

Также не соответствовало действительности и заявление, помещенное в Указе Донского Круга, говорящее о существовании Кубанской армии, ибо таковой тогда не было и к ее организации фактически тоже еще и не приступали. Донские политики, руководившие тогда работой Круга, и в этом отношении вводили в заблуждение Донской Круг, а через него и все Донское Казачество, распространяя заведомо неправдивые сведения о существовании самостоятельной Кубанской армии. В вопросе об организации Кубанской армии некоторые донские политики выявили только свое участие в сложной системе обмана Казачества, дабы удержать его во власти ген. Деникина...

В заключение короткого и самого общего обзора деятельности Большого Донского Круга в феврале 1919 г. отметим факт посылки на Кубань делегации в составе членов Круга „для установления тесной связи с Кубанской Краевой Радой в военных и политических вопросах“, как гласило информационное сообщение, опубликованное в печати (газ. „Южная Русь“ за 4 марта 19 г.).

Пока ген. Деникин при помощи „русских казаков“ прибирал к рукам Донскую армию, силы ее таяли с каждым днем, и она постепенно отступала под давлением подавляющих сил красных русских армий. Численный состав Донской армии за время с начала декабря 1918 г. до 15 февраля 1919 г. был таков:

	Бойцов:	Орудий:	Пулеметов:
1-го декабря 1918 г.	49.500.	153.	581.
1-го февраля 1919 г.	38.000.	168.	491.
15-го февраля 1919 г.	15.000.	108.	441.

(Добрынин. Борьба с большевизмом, стр. 69 и 111).

Как видим, силы Донской армии за $2^1/_2$ месяца упали с 49.500 бойцов до 15.000 бойцов, уменьшившись почти на 35.000 бойцов. Ген. Деникин торжествовал свою победу над казачьим Доном и был уверен, что Донской Войсковой Круг удовлетворит все его, Деникина, требования. Но какою ценой была достигнута эта победа над Казачеством! Огромные территории Донской Земли с казачьими станицами и хуторами оказались в руках красных русских войск... Казачество своими головами и полным разорением платило за политику „братской“ красной и белой России. Линия Донского фронта тянулась от Дебальцево в общем на Луганск, далее на юг по р. Донцу до его впадения в р. Дон и далее на юго-восток. Почти 40 тысячная 10-я армия, еще недавно, в январе, зажатая в железные тиски Донских полков, теперь сама медленно продвигалась на юго-запад от Царицына в общем направлении линии жел. дороги Царицын-Великокняжеская-Торговая-Тихорецкая...

События на Кубани.

Кубанские казаки и горцы, неся огромные потери убитыми, ранеными и от усилившегося до небывалых размеров сыпного тифа, в декабре 1918 г. и в январе 1919 г. одержали блестящие победы над противником и при помощи терских казаков очистили от большевицких армий весь Северный Кавказ.

В это время в казачьем тылу царил полный политический хаос. Победившие на атаманских выборах в декабре 1918 г. (см. ч. I. Траг. Каз.) кубанские „русские казаки“ стремились взять всю власть в свои руки. Действуя в полном контакте с Деникиным, они ввели в состав Кубанского Правительства людей, преданных идее служения Великой России и стоявших за самое тесное военное, политическое и хозяйственное сотрудничество с русскими людьми, возглавлявшимися ген. Деникиным. В составе Кубанского Правительства видим, прежде

всего, тех особ, которые, как авторитетно свидетельствует ближайший сотрудник ген. Деникина, проф. Соколов, еще осенью 1918 г. дали закулисное обещание поддерживать ген. Деникина (Соколов. Правление Деникина, стр. 37-39); это — председатель Куб. Правительства Ф. Сушков, министр юстиции П. Каплин и мин. земледелия Д. Скобцов. Далее, в состав Правительства входили — военный министр ген. Науменко, который был представителем Деникина на Краевой Раде в ноябре 1918 г. (Деникин. Очерки, т. IV, 45), и министр внутренних дел, ген. Н. Успенский, который предлагал выбрать генерала Деникина в атаманы Кубани — „для согласования деятельности Кубани и Добр. армии" (там же, стр. 53). Все эти твердые сторонники России и Деникина в составе Кубанского Правительства, как видим, ведали наиболее важными сторонами жизни Кубанского Края. В составе этого Правительства не было ни одного кубанского самостийника.

При этом необходимо особенно подчеркнуть и то обстоятельство, что кубанские самостийники не только во время выборов Атамана, но и известный промежуток времени после этих выборов проявляли неясность линии поведения и даже некоторую растерянность.

Атаман ген. Филимонов, хорошо зная, что явное большинство Кубанской Краевой Рады и населения Кубани, без сомнения, являются несомненными защитниками самостийности Кубани, видя, что в Кубанские Атаманы он был избран незначительным и случайным большинством голосов, только благодаря растерянности в среде тогдашнего состава вождей самостийников и открытому давлению со стороны представителей Англии и Франции, — предложил некоторым руководителям самостийной группы принять прямое участие в составлении Кубанского Провительства. Однако, быв. председатель Куб. Правительства с ноября 1917 г. и до декабря 1919 г. Л. Быч, председатель Краевой Рады Н. Рябовол и Ив. Макаренко, не посоветовавшись со своей группой, ответили Атаману, что „сторона, получившая

большинство в Раде, должна стать у кормила правления" (Стенограмма засед. Куб. Зак. Рады, 5. II. 1919).

Формально они были правы, но по существу такой ответ был ошибкой, хотя и было известно, что ген. Филимонов делал свое предложение, только продолжая вести сложную русскую игру вокруг кубанских вооруженных сил, что в действительности ген. Филимонов не хотел допустить самостийников к участию на руководящих постах в Кубанском Правительстве.

Отказавшись принять участие в составлении Кубанского Правительства, самостийная группа, естественно, не собиралась прекращать борьбу ради окончательного освобождения Кубани не только от красной, но и от белой России. 15-го декабря 1918 г. в председатели Куб. Зак. Рады был избран самостийник Л. Л. Быч, отправлявшийся за границу во главе Кубанской Делегации, избранной Кубанской Краевой Радой; товарищем председателя Зак. Рады был избран самостийник Султан-Шахим-Гирей и Краевым контролером — самостийник Ив. Макаренко. Таким образом Кубанское русское Правительство Ф. Сушкова должно было работать под непосредственным контролем Куб. Законодательной Рады, имевшей самостийническое большинство.

Вообще на Кубани создалось чрезвычайно запутанное и ничего доброго не предвещавшее положение: насквозь пропитанное самостийническим духом законоподательство Кубанской Краевой Рады — с одной стороны, и на посту Атамана „русский казак" единонеделимец, сторонник Деникина, Филимонов — с другой; блестяще бьющие противника кубанские войска, охваченные вековым духом казачьей самостийности, — с одной стороны, и над ними в роли главнокомандующего — русский телом и духом ген. Деникин с его кубанскими помощниками — Атаманом Филимоновым и военным министром ген. Науменко; больше чем руссофильское Правительство Ф. Сушкова, и над ним — контроль самомостийнической Законодательной Рады; без сомнения, героические кубанские войска, начиная с июня 1918 г.,

разгромили во многих боях большевицкие армии и очистили Кубань, Ставропольскую и Черноморскую губернии, Терскую обл. и часть Дагестана, теперь должны были выходить на север для непосредственной помощи Дону, но их вел туда русский ген. Деникин, всеми силами стремившийся доблестные кубанские полки втянуть в борьбу России белой с Россией красной, а значит, на плечи кубанцев возложить бремя, которое они не в силах были снести, во-первых; и принудить кубанцев делать совершенно ненужное для интересов Кубани дело, во-вторых. Ко всему тому еще кровоточили раны, нанесенные Кубани внутренней вооруженной борьбой между кубанскими иногородними, поддерживавшими советскую власть, и кубанским казачеством... И при этих условиях надо было организовывать оборону от 4-х русских армий, двигавшихся с севера на завоевание Казачьих Земель и для уничтожения Казачьих Республик...

Кубанское Правительство Ф. Сушкова немедленно приступило к углублению и укреплению русского влияния на внутреннюю и внешнюю политику Кубани. Не имея возможности из-за недостатка места обстоятельно останавливаться на деятельности этого Правительства, отметим только некоторые факты.

Правительство Сушкова немедленно „восстановило в правах русские газеты „Россия“, „Утро Юга“ и „Кубанец“, которые были закрыты, и типографии их были опечатаны министром внутренних дел А. И. Кулабуховым во времена правления Правительства Л. Быча.

Правительство Ф. Сушкова наводнило Кубанский казачий фронт русскими газетами и особенно черносотенной и единонеделимческой газетой „Великая Россия“, бывшей официозом Добровольческой армии. До чего доходило в своей деятельности это Правительство, видно из об’яснений председателя его, Ф. Сушкова, данных им по поводу рассылки русских единонеделимческих газет казакам в заседании Куб. Зак. Рады 5-го февраля 1919 г. при обсуждении в Раде декларации этого Пра-

вительства: Правительство, говорил Ф. Сушков, „рекомендовало посылать на фронт в некоторых случаях газету „Великая Россия“, но не за направление ее, а потому, что там помещаются приказы, как в официальном органе Добровольческой армии, потому что помещать длинные приказы в „Вольной Кубани“ (офиц. органе Кубанского Правительства) нельзя было, так как не хватало места“ (стенограмма засед. Зак. Рады 5. II. 1919). Таким образом Кубанская Республика доборолась до того, что официальный орган Добровольческой армии, проповедывавший государственные идеи, отброшенные Куб. Краевой Радой, стал фактически официальным органом и Кубанского Правительства. Согласно об'яснению Ф. Сушкова, богатая Кубань не могла найти места в официальном правительственном органе — „Вольной Кубани“ — для помещения необходимых с точки зрения Правительства материалов и пошла „в прыймы“ к „Великой России“, издаваемой на той же Кубани русскими людьми без своей территории. В то же время Правительство Сушкова (собственно, министр внутр. дел, генер. Успенский) штрафовало единственную на Кубани газету с самостийническим направлением — „Кубанский Край“ (та же стенограмма).

В то же время на территории Кубани продолжала действовать военная и гражданская власть Деникина. Деникинская контр-разведка наводила ужас на мирное население, подрывая авторитет органов власти Куб. Края и сея обоснованные сомнения в демократизме Кубанской Республики. Как мы упоминали выше, эта контр-разведка в январе 1919 г. арестовала в ближайшей к столице Кубани станице Пашковской четырех ни в чем неповинных казаков и по дороге в Екатеринодар застрелила их. Деникин действовал на основании русского „положения о полевом управлении войск“, при чем председатель Правительства пояснил в Зак. Раде, что осуществление власти Деникина в пределах Кубанской Республики „является неизбежным; раз здесь находится штаб Армии, то у штаба Армии дол-

жны быть известные права, и их штаб должен осуществлять“ (стеногр. заседания Зак. Рады 5. II. 1919 г.).

Кубанские казаки и горцы проливали кровь на фронте в борьбе с красной Россией, а под защитой казачьих сабель и штыков в казачьем тылу, при поддержке Кубанского Правительства, широкой рекой лилася проповедь необходимости построения Единой Неделимой России; на Кубани безнаказанно и бесцеремонно действовала власть Деникина, и его контр-разведка убивала невинных кубанских казаков на основании... русского „положения о полевом управлении войск“...

Кубанская Краевая Рада категорически отбросила претензии Деникина на диктатуру, Рада единогласно приняла Кубанскую Конституцию, закон об Армии, выбрала Заграничную делегацию. Тогда „белая“ Россия обошла Кубань с тыла — через дворец Атамана и теплые кабинеты членов Кубанского русского Правительства — и тихой сапой „белая“ Россия подкладывала мины под молодую и еще не окрепшую Кубанскую Республику.

Правительство Сушкова немедленно приняло также меры в том направлении, чтобы и на фронте внешних сношений Кубанской Республики защищались бы интересы России. Мы уже говорили выше о том, что Кубанская Рада избрала Заграничную делегацию во главе с Л. Бычом. Не только глава делегации был кубанским самостийником, но и среди членов делегации были последовательные самостийники и твердые противники „единой неделимой“: покойный А. И. Кулабухов, И. А. Билый, А. А. Намитоков, С. Ф. Манжула, ген. Савицкий. Словом, в Кубанской делегации явно преобладали самостийники. Правительство Сушкова не могло приостановить выезда этой делегации за границу. Тогда русские и кубанские защитники единой и неделимой России решили аннулировать работу этой опасной для них делегации путем посылки за границу параллельной делегации от Правительства Сушкова. В состав этой, другой, делегации Кубанское Правительство вве-

ло известного на Кубани русского эсера, бывшего комиссара Временного Правительства, Н. С. Долгополова, столько зла причинившего кубанскому казачеству в 1917 г. (см. ч. I. очерков Трагедия Казачества, стр. 28-29, 53). Вокруг заграничного представительства Кубани началася острая закулисная борьба. Параллельные выступления двух делегаций Кубани за границей были, конечно, недопустимы. В результате вырос новый компромисс: Кубанский Атаман и Правительство назначили еще и Особую Кубанскую Делегацию в составе: Л. Л. Быча (казак — самостийник), Н. С. Долгополова (русский иногородний — единонеделимец) А. А. Намитокова (черкес — самостийник), и Д. А. Филимонова (казак — единонеделимец, племянник Атамана Филимонова). Наказ, данный этой Особой делегации, свидетельствовал о том, что защитники России снова одержали победу над самостийниками. За границу выехало две делегации: от Краевой Рады и Особая. Обе возглавлял Л. Быч.

Если подвести общие итоги внутренней борьбы, происходившей на Кубани в 1918 г., можно сделать следующие выводы:

1. Весьма серьезная поддержка, которую оказало Советской России иногороднее население Кубани не только морально, но и путем массового вступления в большевицкие войска и даже путем создания отдельной Таманской армии, разделило Кубань на два основных, явно враждовавших между собою лагеря; не более $^2/_3$ населения Кубани вело активную борьбу против советской России. Это внутреннее разделение Кубани до чрезвычайности ослабило ее и в борьбе с другим противником — „белой“ Россией.

2. Противобольшевицкая Кубань, в свою очередь, разделилась на два лагеря: сторонников России, а значит и сторонников живого носителя идеи „единой неделимой“ — ген. Деникина, и — самостийников Кубани. Большинство противобольшевицкого населения Кубани являлось неорганизованной самостийнической

стихией. Сторонники России в своей деятельности опирались: а) на Добровольческий русский центр, б) на Союзников, в) на официальных руководителей политики Дона. Самостийники не имели внешних сил, на которые они могли бы опереться.

3. Самостийники проиграли в вопросе установления на Кубани исполнительной власти (Атамана и Правительства), и Кубань несла все тяжелые последствия этого проигрыша.

4. Сторонники России не могли все же чувствовать себя уверенно на Кубани, ибо а) постановления Краевой Рады по всем основным вопросам были всецело самостийнические, и именно эти постановления исполнительная власть Кубани должна была проводить в жизнь, б) Законодательная Рада, как живая Кубанская совесть, висела над Кубанским Правительством, в) Союзники присылали вооружение, но не давали солдат, и русские единонеделимцы должны были среди населения Казачьих Земель искать живых людей, которые бы воевали не только ради защиты родной земли от нашествия красных армий, но добровольно согласились бы идти вглубь Великоросии, сметая с пути многочисленные русские красные армии и всюду насаждая представителей „белой“ русской власти; г) чрезвычайно слабый приток русских добровольцев в армию Деникина не позволял ему, Деникину, и всем его тайным и явным сторонникам собрать вооруженный русский кулак, которым можно было бы одновременно бить и русские красные армии, и самостийников; вследствие этого русские люди беспощадно ругали и большивиков, и самостийников в русских газетах, кипели ненавистью на всех своих сборищах, но сами не имели сил ни для борьбы против красной России, ни для борьбы против самостийников.

Деникин и весь сонм русских людей, давно проживающих на Казачих Землях или прибывших сюда только во время Мировой войны 1914-1918 г. г. и револю-

ции, при создавшейся обстановке не хотели отказаться от мечтаний об освобождении казачьими руками „Матушки России“ и от одновременной борьбы против казачьей же самостийности. А казачьи самостийники должны были вести войну против России красной и в то же время не хотели и не смели допустить победы над собою и „белой“ единой и неделимой России... Деникин исключал самостийность казачью, украинскую и всякую иную, а самостийники исключали единую неделимую Россию, как красную, так белую и всякую иную. Ни одна из сторон — ни Деникин, ни самостийники — не могла ликвидировать другую силою оружия и всецело в свои руки взять ведение войны против России красной, но в то же время ни одна из сторон не хотела добровольно уйти с поля боя. Вследствие этого обе силы оставались на одной и той же территории, одновременно искали поддержки среди населения, одновременно обращались к внешним силам, каковыми тогда были союзники.

Организация Кубанской армии.

Кубанских казаков в высшей степени тревожил вопрос об организации самостоятельной Кубанской армии. Краевая Рада единодушно отвергла требование Деникина, чтобы Рада отказалсь от организации своей армии и помогла бы организовывать единую русскую армию. Уже через два дня после выборов Атамана члены Рады (7-го декабря) с тревогой спрашивали Атамана Филимонова, почему не издан приказ о немедленном проведении в жизнь утвержденного Краевой Радой закона о Кубанской Армии (см. ч. I Очерков Траг. Казачества).

Все единонеделимцы прекрасно понимали, что Краевая Рада потребует по этому поводу ясного ответа. Ни Кубанский Атаман, ни Кубанское Правительство никак не могли обойти молчанием этот жгучий вопрос. Нелегкое положение создавалось и для русских людей:

допустить организацию отдельной Кубанской армии значит — укреплять самостийность Кубанского Края, а не допустить, значит — рисковать, что Краевая Рада прогонит Атамана Филимонова, и этим самым будет разрушена с таким трудом поставленная русская власть над Кубанью. Русские люди, в целях и дальнейшего удержания Кубанских вооруженных сил в своих руках, нашли временный выход из весьма тяжелого положения. Этот выход заключался в следующем.

В декларации Кубанского Правительства Ф. Сушкова, зачитанной на публичном заседании Кубанской Законодательной Рады 29 января 1919 г., говорилось, между прочим, следующее:

> „Ряды доблестных бойцов, которых Правительство приветствует со всей благодарностью и восхищением, справедливо ждут от нас полного внимания к их интересам и нуждам фронта. И правительство заявляет, что эти интересы и нужды для правительства являются первыми и важнейшими. Вопрос о военной реформе не только поставлен на очередь, — он почти разрешен. Через несколько дней мы будем иметь возможность и счастье приветствовать особую Кубанскую Армию, об'единенную общим командованием со всеми армиями юга России. Продвижение частей Кубанской Армии с Кавказского на другие фронты не будет производиться без согласия Войскового Атамана. Казаки будут служить только в своих частях и выделение казаков из неказачьих частей будет закончено в ближайшие дни. Вообще в военных вопросах Правительство с первых дней своей деятельности приняло все меры к осуществлению положений, которые были приняты в военной программе Краевой Рады. Многое уже сделано, остальное подлежит осуществлению в ближайшем будущем.“ (Взято из печатного экземпляра декларации Кубанского Правительства Ф. Сушкова, 29. I. 1919.).

Как видим, эта декларация Правительства возвещала населению Кубани, что наиболее больной и жгучий вопрос об организации самостоятельной Кубанской армии Кубанским Правительством уже разрешен и, как говорила совершенно ясно декларация, — „через несколько дней мы будем иметь возможность и счастье приветствовать особую Кубанскую армию". Эта декларация читалась публично с трибуны Законодательной Рады и в печатном виде долетела до самых отдаленных уголков Кубани. Эту декларацию подписали: председатель Правительства Ф. Сушков, члены Правительства генерал-майор Успенский, генерал-майор Науменко, Д. Скобцов, П. Каплин, А. Трусковский, И. Подольский, Р. Натырбов, Я. Верещака, В. Скидан и и. д. секретаря Правительства П. Шрамм.

И самые принципиальные и упорные противники Кубанского Правительства Сушкова были обезоружены. Всем хорошо известно, что это Правительство действует в полном контакте и согласии с Деникиным и его Особым Совещанием. Поэтому не было никакого сомнения в том, что военная программа деятельности правительства была об'явлена в Раде с ведома Деникина, и многим хотелось верить, что и руководители русского движения на Казачьих Землях поняли, наконец, что без укрепления государственной самостоятельности Казачьих и иных Земель невозможно ликвидировать большевизм. Известно было, что еще 27 декабря 1917 г. руководители зарождавшейся тогда еще только Добровольческой армии выпустили воззвание, в котором между прочим было провозглашено: „Рука об руку с доблестным Казачеством, по первому призыву его Круга, его Правительства и Войскового Атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевицкого ига, — все русские люди, собравшиеся на юге со всех концов нашей родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность Областей, давших им приют" (см. ч. I. Траг. Казачества, стр. 92—93). Можно было думать, что год

тяжелых неудач и разочарований, понесенных мечтателями о единой и неделимой России, в конце концов, заставил их здраво взглянуть на реальную действительность: тот народ, русский народ, который носители добровольческой идеи думали спасать от большевицкого порабощения, сам стал в рядах многочисленных русских большевицких полков и под руководством унтерофицеров, офицеров и почти всего генерального штаба старой царской русской армии, не только отбивал все белые армии на всех фронтах, но сам со своей территории, из Великороссии, с мечом и огнем ринулся на территории соседних народов... Ставка белых на дивизии Союзных войск также была проиграна... И многие казаки поверили, что декларация Кубанского Правительства Ф. Сушкова в вопросе об Армии была действительно тем словом, которого так долго ждала Кубань от представителей русского политического течения среди Кубанского казачества. Это — защита и укрепление кубанской самостийности, это мобилизация и железное единение всех кубанских сил перед лицом надвигающихся беспощадных русских красных армий, несших Кубани кровь, разорение и всеобщее страшное порабощение. Ведь для блага Кубани надо было только честно и твердо провести в жизнь постановления Кубанской Краевой Рады...

Наконец, совершилось событие, которое могло окончательно рассеять все сомнения в вопросе об организации Кубанской армии: 1-го февраля 1919 г. открывались заседания Кубанской Краевой Чрезвычайной Рады, и в самый этот день появился приказ № 172 Кубанского Войскового Атамана, ген. Филимонова, подписанный также тогдашним военным министром Кубани, ген. В. Г. Науменко, гласящий:

„... Ныне настало время и является возможность выполнить постановление Чрезвычайной Краевой Рады — образовать свою Кубанскую Армию...

С этого дня все вооруженные силы, выстав-

ляемые Кубанским Краем, об'единяются в Кубанскую Армию, под начальством походного атамана (ген. Науменко), подчиненного непосредственно мне...

... Для дальнейшей борьбы с большевиками Кубанская армия будет выделять части войск, сведенные в Кубанский корпус... а остальные части армии будут заканчивать очищение, обеспечение и умиротворение Края"... (Деникин. Очерки т. IV, стр. 58).

Приказ Атамана абсолютно ясно говорил: „С этого дня все вооруженные силы, выставляемые Кубанским Краем, об'единяются в Кубанскую армию"... Наконец-то разрешен положительно самый кардинальный вопрос!

Подтверждение этому Казачество услышало из уст ген. Деникина 3-го февраля на Донском Кругу в Новочеркасске, где главнокомандующий, еще недавно отрицавший даже самую возможность организации отдельной Кубанской армии, в своей публичной речи перед казачьими депутатами вдруг заговорил о существовании Кубанской армии, как о бесспорном жизненном факте: „И в героической борьбе Дона, вместе с Добровольческой и Кубанской армиями"... (Деникин, т. IV, 79). Уже за границей ген. Деникин, безуспешно стараясь выпутаться из опутывающего его со всех сторон клубка неправды, по поводу приказа Кубанского Атамана 1-го февраля 1919 г. об организации Кубанской армии, говорит, что будто бы этот приказ Атаман Филимонов издал — „без соглашения со мною" (с Деникиным) (Очерки, т. IV, стр. 58). Но тогда почему сам Деникин через два дня после издания этого приказа говорил на Донском Кругу о существовании Кубанской армии?

Почему в Указе Войскового Круга Донской армии, изданном 4-го февраля (значит, на четвертый день после издания Кубанским Атаманом приказа об организации Кубанской армии и на другой день после выступления ген. Деникина на этом Донском Кругу), тоже говорилось о существовании Кубанской армии?

И декларация Кубанского Правительства Сушкова, и приказ Куб. Атамана, и речь Деникина на Донском Кругу, и Указ Донского Круга Донской армии были полностью, широко и своевременно распубликованы в газетах и стали достоянием общественности. При этих условиях, кто мог сомневаться в том, что Кубанская армия существует уже в действительности, что эти публичные торжественные выступления ответственных руководителей казачьей и русской политики являются действиями честных людей, а не очередным обманом в нехорошей игре, которую вели русские люди на Казачьих Землях... Ведь факт существования Кубанской армии был распубликован перед казачьими представителями на Кубани и на Дону...

И Кубанская Кваевая Рада, собравшись в столице Кубани 1-го февраля, и население Кубани облегченно вздохнули, ибо все видели теперь, что, наконец, положительно разрешен тот больной вопрос, вокруг которого до сих пор были самые острые и чрезвычайно болезненные трения (см. ч. I. очерков Трагедия Казачества, стр. 163—168, 219—220, 236, 250). Наконец то проводится в жизнь п. 3 соглашения между Кубанской властью и командованием Добровольческой армии, подписанного в ст. Ново-Дмитриевской 17 марта 1918 г., гласящий:

> „Командующий войсками Кубанского Края с его начальником штаба отзываются в состав Правительства для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии“ (Трагедия Казачества ч. I, стр. 100).

Известно, что это соглашение было добровольно подписано русскими генералами: Алексеевым, Корниловым, Деникиным, Эрдели и Романовским и, следовательно, было обязательно для них.

Создание самостоятельной Кубанской армии, без сомнения, обезоружило самостийников — противников

ген. Филимонова и Правительства Сушкова, так как и Атаман, и Правительство открыто пошли на так необходимое укрепление самостийности Кубани. Русские люди за короткий промежуток времени, с 29 января до 4-го февраля, пять раз публично и торжественно заявили о существовании Кубанской армии: в декларации Правительства Сушкова, в приказе Кубанского Атамана, в его же речи на Раде, в речи Деникина на Донском Кругу и в Указе Круга. Несмотря на это, все эти выступления русских людей были самым смелым и самым недопустимым и открытым обманом Казачества, так как фактически к организации Кубанской армии не было приступлено ни 1-го февраля, ни позже. И в этом неслыханном обмане приняли участие седовласые выборные правители Казачества... Мы уж не говорим о русских генералах — Деникине, его начальнике штаба Романовском и многих других, славных и незабвенных „птенцах гнезда Деникина"... Выборными представителями Казачества, принявшими непосредственное и сознательное участие в этом очередном обмане рядового Казачества и рядового казачьего офицерства, несших на своих плечах всю тяжесть борьбы с русским большевизмом, этими выборными правителями забыты были совесть, честь достоинство человека, наконец, забыты были торжественная присяга, собственные слова и клятвенные обещания... Казачество было обмануто в минуты тягчайших испытаний, грозивших его существованию.

А ради чего было обмануто, ради каких земных или небесных благ? Ценою неслыханного обмана было достигнуто оставление у власти на Кубани ген. Филимонова и Правительства Сушкова, и этим дана была возможность Деникину продолжать и далее работу опутывания Казачества ради вывода его вооруженных сил на кровавую и проклятую московскую дорогу, откуда представители бывших правящих классов России беспрерывно слышали такой приятный, манящий и много обещающий малиновый звон.

Русская и казачья точка зрения на борьбу с большевизмом.

В противобольшевицком лагере шла весьма серьезная борьба вокруг двух основных точек зрения на организацию противобольшевицких сил и на конечные цели самой борьбы.

Одни боролись за то, чтобы на место единой и неделимой большевицкой России поставить единую и неделимую белую Россию. Эту точку зрения в общем поддерживали все русские политические партии и политические группировки: Совет Государственного Об'единения, Национальный Центр и Союз Возрождения России. Между русскими партиями, политическими группами, различными профессиональными и экономическими организациями были известные трения, даже политические распри, но все они сходились на одном — единая Россия. В своей деятельности носители этой идеи опирались на традиции несколько веков существовавшего русского государства с единой русской армией, русской церковью, русской школой, русскими законами и судами, русской администрацией и т. д. Защитники этой идеи шли „восстанавливать", „возрождать", „воскрешать" и т. д. поруганную Матушку Россию или „Великую Свободную Россию" или „Великую Свободную Демократическую Россию", а некоторые добавляли к этому последнему титулу еще и „Федеративную".

„Белая" Россия пробовала действовать на территории нерусских народов, где только среди городского населения русские составляли иногда значительный процент; сельское же население являлось казаками, украинцами, горцами... Правда, в освобожденных от большевицкой власти районах скоро поднимались на поверхность общественной и политической жизни обломки старых русских классов и сословий — помещиков, фабрикантов, купцов и т. д. — русской администрации, судебных деятелей, офицерства, земских и городских деятелей, учи-

тельства, журналистов и т. д. Они издавали газеты, составляли партии и их об'единения, устраивали конференции, с'езды, собрания, митинги, выносили протесты, пожелания, требования и т. д. Но... неистовую войну они поднимали только на словах, в армию же не шли... Если только отступала Казачья или Украинская, или какая либо другая национальная армия, эти на словах храбрые русские люди с криком и шумом, с визгом и слезами первыми бросались убегать в глубокий тыл, к берегам Черного и Азовского морей, в Крым, забивая станции железных дорог, портовые города, пароходы и вообще все средства передвижения... В русскую армию Деникина русские люди не шли, и поэтому эта армия никогда, собственно, не была армией, никогда она не собирала такого количества добровольцев, которыми можно было бы укомплектовать хотя бы одну дивизию нормального боевого состава (15-16 тысяч штыков).

Сила Деникина заключалась в том, что его активно поддерживала часть казачьих верхов и помогала ему обманывать и опутывать рядовую казачью массу... При чем, только за границей, на основании распубликованных самими русскими, конечно, далеко неполных, данных, на основании данных, распубликованных большевиками, и документов, которые доступны нам, можно шаг за шагом проследить и раскрыть весьма сложную и закулисную, и публичную работу предательства, которым был опутан казачий тыл и казачий фронт... Если бы все то, что известно хотя бы нам теперь, заграницей, было известно тогда, дома, в период самой тяжелой борьбы, можно было бы сравнительно легкой операцией удалить гнойник на казачьем теле, можно было бы изолировать вредные элементы и, без сомнения, Казачество с неменьшим успехом, нежели эстонцы, или финны, или латыши, могло бы освободить свою землю и не допустить всего того, что теперь творится на казачьих землях...

Руководители русского „белого“ движения хорошо

понимали, что ни казаки, ни украинцы за ними не пойдут; поэтому они искали, и весьма настойчиво, иностранной помощи войсками. По этому вопросу мы уже приводили раньше достаточно документальных данных. Теперь же пополним их некоторыми новыми:

5-го января 1919 г. Деникин телеграммой просил французского генер. Бертелло о „возможно скорой присылке Союзных войск на Украину“.

Ответа на эту телеграмму не последевало.

19 января ген. Деникин телеграммой на имя того же генер. Бертелло просил „срочно занять, хотя бы маленькими Союзными гарнизонами, Мелитополь, станции Сиваш, Перекоп, Джанкой, Евпаторию, Симферополь, Феодосию и Керчь“.

4-го февраля ген. Бертелло ответил, что исполнить просьбу эту он не может.

15-го января Деникин обратился непосредственно к главнокомандующему Союзными армиями, маршалу Фошу, с такой телеграммой: „Пока на еле живом теле России идут споры и дебаты дипломатов, рушатся постепенно наши надежды. В грозной опасности Дон, пал Оренбург и Уральск, накануне анархии Малороссия, а Центральная Россия умирает. Я обращаюсь к Вашему солдатскому сердцу. Скажите Союзным Правительствам, что время разговоров миновало, что мы истекаем кровью, что необходима реальная помощь, которой мы не видим“.

На эту телеграмму ответа не последовало.

29-го января Деникин вновь телеграфировал французскому генер. Франшэ д'Эсперрэ: „Целым рядом телеграмм я просил оказать содействие Союзными войсками на Донском фронте. Значение этого фронта в борьбе с большевиками громадно, как прикрывающего Донецкий каменноугольный район и пути к богатому Северному Кавказу и портам Азовского и Черного морей“...

2-го февраля Деникин снова просил о помощи ген. Франшэ д'Эсперрэ и ген. Бертелло.

19-го февраля Деникин телеграфировал маршалу Фошу: „28-го января нов. ст. (15-го старого стиля) я обратился к Вашему Превосходительству с просьбой немедленной помощи. До сих пор таковая прибывала только на второстепенные театры. На главном направлении на Дону мы не получили ни одного солдата. Истощение продолжительной двенадцатимесячной борьбой надломило силы Донских казаков, они бессильны удержать напор врага, занявшего уже часть Донской области и приближающегося к столице Новочеркасску. Создается крайне тяжелое положение и для Добровольческой Армии, занимающей Донецкий бассейн.

Если мы не будем в состоянии удержать угольный район в своих руках, то скоро весь Юг России и флот останутся без топлива. Посему вновь обращаюсь к Вам с просьбой ускорить присылку войск для Дона. Если помощь запоздает, то скоро мы окажемся в том положении, в каком были год тому назад, и все героические усилия, ознаменовавшие эту титаническую борьбу за право и цивилизацию, пропадут даром. Промедление в подаче помощи отразится прежде всего на интересах Союзных войск, которым придется начинать свои операции с расширения района будущей базы, отвоевывая территории от большевиков, вместо того, чтобы закрепить за собой территорию, добытую нами ценою беспримерных двенадцатимесячных усилий. 19 февр. (4 марта) № 275/II“.

И на это обращение ответа не последовало.

(Все выше приведенные данные взяты из статьи: „Очерк взаимоотношений вооруженных сил Юга России и представителей Французского командования“. (Архив русской революции. Берлин. 1925. т. XVI).

В этих мольбах русских людей об иноземной помощи войсками бросается в глаза, прежде всего, присвоение русскими людьми себе тех побед над большевиками, которые были достигнуты почти исключительно казачьим оружием, а не русскими добровольцами.

Если сравнить тон и аргументы выше приведенных (и многих других) обращений Деникина к Союзникам с просьбами об иностранной помощи войсками, с тоном и аргументами его выступлений перед Казачьим Парламентом — Кубанской Радой и Донским Кругом, — бросится в глаза маленькая и бессильная, хотя и претенциозная, фигурка русского генерала-беженца, вождя „белой России“, в первом случае, и победоносная, всемогущая, надменная и грозящая самостийникам всеми „видимымы и невидимыми силами Матушки России“, во втором случае...

Еще более удручающая картина получается, если сравнить публичное обращение Деникина к населению Крыма („Мы пришли к Вам по дороге в Москву“...) с закулисными многократными мольбами Деникина о занятии того же Крыма Союзными войсками. Следует отметить и тот многоговорящий факт, что в обращениях к маршалу Фошу ген. Деникин называл Добровольческой Армией 4½ тычячи войск дивизии-корпуса ген. Май-Маевского, с трудом собранных в Донецком бассейне, а на Донском Кругу, где более рискованно было смелое уклонение от истины, те же войска Май-Маевского Деникин называл несколько скромнее — „самым крепким корпусом Добровольцев“...

Все выше приведенные данные говорят ясно о тех силах, на которые хотели опереться русские люди, поставившие перед собою двойную задачу: 1. разбить стотысячные армии новой большевицкой России и уничтожить советскую власть и 2. построить единую и неделимую Россию, покорив „под нози ее всякого врага и супостата“ — поднявшиеся за свою свободу и самостоятельность народы. Русские люди делали ставку на чужеземные войска.

Видя, что Союзники войск не дают, а казачий Дон игрой Деникина и его несчастных, хотя и занимавших иногда высокие посты, приспешников из казаков поставлен на краю пропасти, видя, что при сложившихся условиях, в первую очередь, только Кубань может спа-

сти положение, русские люди зазвонили во все колокола на Кубани и на Дону, благовествуя Кубанцам и вообще казакам радостную весть — немедленную организацию самостоятельной Кубанской армии. Случай с 9-м батальоном в Крыму не на шутку перепугал единонеделимческую братию. Сразу нашлись и подходящие слова для приказа: „Ныне настало время и является возможность выполнить постановление Чрезвычайной Краевой Рады — образовать свою Кубанскую армию“, писали в приказе 1-го февраля генералы...

Другую точку зрения на борьбу с большевизмом выявляла рядовая казачья масса и большинство казачьей интеллигенции, вышедшей из казачьей толщи народной и не оторвавшейся от нее (офицеры, учителя, кооператоры, выборная станичная администрация и т. д.): это — возрождение былой казачьей государственной независимости, оборонительная война против большевицкой России, невмешательство в русские дела, союз с другими государствами, вырастающими на национальной базе и стремящимися освободиться от власти той же России. Практически это вылилось в появлении казачьих государств со своими конституциями, своими флагами, со своей законодательной и исполнительной властью; в попытке организации в 1917 г. Юго-Восточного Союза Дона, Кубани и Терека, Горцев Кавказа и Вольных народов степей; в кровавой борьбе против большевицких армий; в заключении целого ряда соглашений с Украиной в 1918 г., в посылке делегаций за границу и т. д.

Деникин умолял союзных генералов о помощи войсками, а сам растягивал свои руки от р. Аракса и до р. Днестра. Если сравнить претензии „белых“ русских людей в то время с их фактическими возможностями, станет ясным, насколько просто смешны были эти русские Дон-Кихоты с их каррикатурой на общерусскую власть — Особым Совещанием, с их до чрезвычайности мало-

численной Добровольческой армией, с их многочисленными всевозможнейшими тыловыми учреждениями, служащими для легализации укрывательства от фронта...

Русские политики уже обманули Кубанскую Краевую Раду и успокоили ее атаманским приказом, декларацией Правительства, в Указе Круга и в официальных публичных заявлениях перед законными представителями Казачества, заявив о существовании самостоятельной Кубанской армии. Теперь все ожидали, разгадает ли Краевая Рада всю фальшь и обман, которыми опутывали Раду и все Казачество высоко стоящие некоторые казачьи возглавители, дирижируемые генералом Деникиным, но Рада поверила и успокоилась.

Но что скажет Краевая Рада по второму кардинальному вопросу: о путях организации противобольшевицкого фронта, об отношении Казачества к соседним, в муках революции и тяжелой войны нарождающимся государствам; что скажет Рада, как законный представитель Кубани, вообще по вопросам внешней политики, по основным вопросам государственного строительства?

Положение было грозное: с Украины не только не было прямой помощи в деле защиты северных границ, но через территорию Украины наступали на Дон Московские войска; Союзники, как казалось, были всецело на стороне Деникина (выше цитированные документы о сношениях Деникина с Союзниками тогда не были известны казакам; напротив, Деникинская печать беспрерывно возвещала сведения о самом хорошем отношении держав Антанты именно к Деникину и его идее необходимости возрождения Единой и Неделимой России)...

Кроме, казалось, благополучно разрешенного вопроса о Кубанской Армии, все прочие основные вопросы государственного строительства были внесены вновь на обсуждение и решение Кубанской Краевой Рады.

После всестороннего и обстоятельного обсуждения внутреннего и внешнего положения Кубани и Юго-

Восточного Казачества вообще, учтя все главные обстоятельства войны по обеим сторонам фронта, 13-го февраля 1919 г. Кубанская Краевая Рада вынесла следующее постановление:

„Заслушав доклад г. Войскового Атамана, Председателя Кубанского Правительства, Походного Атамана и делегации Краевой Рады на Донской Большой Войсковой Круг и обсудив вопрос о текущем политическом моменте, Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада

Постановила:

В целях наиболее успешной борьбы с большевизмом и анархией необходимо

1. Принять все меры к проведению в жизнь постановления Рады по вопросу об об'единении южных государственных образований на федеративных началах, для чего Краевая Рада поручает Правительству срочно, и, во всяком случае, не позже марта месяца сего года, созвать в гор. Екатеринодаре конференцию представителей Дона, Кубани, Терека, Дагестана, Крыма, Грузии, Армении, Азербейджана и др. на предмет составления и принятия союзного договора и конституции.

2. Во всех местностях государства Российского, по мере освобождения их от большевиков, проводить в жизнь принципы широкого народоправства.

3. В интересах наиболее целесообразного и правильного урегулирования жизни Кубанского Края, а также поддержания авторитета Краевой Власти среди населения, Государственная власть Кубанского Края в области гражданского административного управления действует вполне самостоятельно и независимо, лишь согласуя свои действия в области военного дела с Главным Командованием вооруженными силами Юга России.

4. Проповедь устную и печатную как большевизма, так и монархизма, в условиях настоящей напряженной гражданской войны, признать преступной и подлежащей решительному прекращению путем принятия самых строгих мер и издания соответствующего закона, карающего за пропаганду и агитацию в пользу большевизма и монархизма.

5. Подвергнуть решительному преследованию дезертирство, а также агитацию против Армии.“

Как видим, законные представители Кубани снова отбросили русскую точку зрения на задачи и пути борьбы с большевизмом.

Если внимательно проследить, как развивалась в среде Казачества идея государственного строительства с марта 1917 до марта 1919 г., мы увидим, что сначала (весна и лето 1917 г.) Казачество думало устраивать свои казачьи Республики как автономные части великой российской республики, и деятельность отдельных Войск координировалась и согласовалась через Общеказачий Союз с его Правлением в Петрограде... С осени 1917 г. Казачество приступило к организации краевого государственного об'единения — Юго-Восточного Союза, не выдержавшего, к сожалению, внутренних и внешних ударов. Потом, в постановлении Кубанской Законодательной Рады от 2-го мая 1918 г., в договоре Дона и Кубани 24-го мая того же года, в попытке организации Доно-Кавказского Союза мы видим попытки организации более самостоятельного государственного об'единения... Среди Кубанцев все рельефнее и выразительнее вырисовывается стремление организовать многочленный Союз государств от реки Припети до реки Аракса (постановление Куб. Краевой Рады 11 ноября 1918 г.). Среди Донцов эта точка зрения поддержки не встречала. Донцы, да и кубанская Линия, ориентировались только на казачьи силы Юго-Востока. В грамоте Кубанского Атамана и Правительства Гетману Украины, переданной Чрезвычайной Кубанской миссией

в октябре 1918 г., говорилось о желательности организации тесного братского Союза Украины и Кубани. А меморандум представителей Дона, Кубани, Украины и Белоруссии, поданный в Одессе Верховному Командованию Держав Антанты 23 января 1919 г., защищал необходимость „укрепления в ближайшее время начал государственности и порядка в каждом из этих новообразований“, при чем в этом меморандуме говорилось только о желательности установления единого командования и ничего не говорилось ни относительно союза, ни относительно федеративной связи между этими государствами. В выше приведенном постановлении Рады 13 февраля 1919 г. перечислялся целый ряд государств, которые по мысли Рады надо было пригласить к участию в организации Союза, но среди этих государств мы не видим ни Украины, ни Белоруссии.

Во всех этих проектах красной нитью проходит твердая защита права молодых государств на самостоятельное и независимое государственное существование, и категорически подчеркивается та мысль, что эти государства только по их доброй воле могут приступать к участию в каких-либо высших государственных об'единениях (союзы, федерации и т. д.). Сама Кубанская Краевая Рада в своем постановлении, принятом 13 февраля, подчеркнула чрезвычайную спешность положительного разрешения вопроса о Союзе.

При этом надо подчеркнуть то колоссальное противоречие, которое заключалось в самом постановлении Краевой Рады: проектируемый Краевой Радой Союз имел включить в себя и те территории, на которых фактически действовало добровольческое командование, категорически отрицавшее право на государственную независимость молодых республик, последовательно и открыто ведшее упорную борьбу за восстановление единой и неделимой России; но тем же постановлением Краевой Рады это командование признавалось и, больше того, Кубанскому Правительству вменялось в обязанность „согласовать свои действия в области военно-

го дела с главным командованием вооруженных сил Юга России.

Тут, конечно, политическая мысль творцов этого постановления Рады не только не отличалась необходимой ясностью и последовательностью, но выдвигала такие положения, одновременное проведение которых в жизнь было просто невозможно, неосуществимо. Признание самостоятельности перечисленных в постановлении государств отрицало и исключало всю ту идеологию, которой служил Деникин, и отрицало самого Деникина в роли командующего, а оставление в руках Деникина казачьих армий исключало Союз, отрицавший единую неделимую Россию, как обладательницу и тех земель, на которых выросли молодые государства. Или союз государств с новым союзным главнокомандующим, назначаемым общесоюзной властью, и война против захватнических стремлений красной или белой России; или оставление Деникина в роли главнокомандующего и тем самым отрицание своих же решений...

Если Деникин и вообще „белые" вожди допускали основную ошибку, стремясь силами нерусских народов строить единую неделимую, то несравненно большей ошибкой Казачества было оставление казачьих вооруженных сил в руках русского единонеделимца. Необходимо признать, что первородным грехом казачьих руководителей за весь долгий период борьбы против большевицкой России был союз Казачества с русским единонеделимчеством: делал непоправимую ошибку Атаман Каледин, вступив с генералами Корниловым и Алексеевым в Триумвират; сделали большой грех Кубанцы, назначив чужого человека, Покровского, командовать Кубанскими войсками, а потом, 17 марта 1918 г., заключив в ст. Ново-Дмитриевской военное соглашение с генералами Доброармии; делали они ошибку 2-го мая того же года, когда в постановлении Законодательной Рады говорили о желательности сотрудничества Кубанского Правительства с Добр. армией; совершили они непоправимую ошибку, избрав на Краевой Раде в 1918 г.

ген. Филимонова в Атаманы Кубани; повторили они свою основную ошибку и в феврале 1919 г.

Эту же ужасную путаницу мы видим и в постановлениях Донского Круга: с одной стороны, Дон — самостоятельное и независимое государство, имеющее свою территорию, свое население, свою власть и свою армию, вступающее в соглашения с близкими и дальними государствами, а с другой, на посту Донского Атамана и на посту председателя Круга мы видим русских единонеделимцев, почти ничем по существу не отличающихся от Деникина в русском вопросе, и Указы Круга от 20 сентября 1918 г. и 4 февраля 1919 г., проявлявшие заботу о России.

Нет ничего удивительного в том, что казачьи самостийники, зовя Казачество на борьбу за полное и независимое государственное существование Казачества, в постановлениях Круга и Рады находят неопровержимое доказательство своей правоты; но в то же время в тех же постановлениях находят пищу для себя и казачьи защитники России. Разница между ними только та, что первые берут суть постановлений, а вторые продолжают ту работу опутывания Казачества русскими сетями, которой они занимались и во времена вынесения постановлений Круга и Рады, в результате чего и получалось вавилонское столпотворение, приведшее Казачество к поражению...

Грешили вожди, грешило рядовое казачество, а в результате — новое и наиболее грозное порабощение. Задачей нашей и является нелегкая работа: внимательно разобраться в прошлом, об'ективно вскрыть положительные и отрицательные стороны казачьей политики и вооруженной борьбы.

В самом Казачестве мы видим, таким образом, постоянную борьбу двух течений: одно меньшее и более слабое, мобилизовавшее свои силы, главным образом, среди руссифицированной казачьей цивильной и военной интеллигенции, среди казачьих помещиков, купцов, духовенства; и другое, представлявшее большинство и

состоявшее из толщи казачьей и вышедшей из него казачьей интеллигенции.

Эта борьба приняла особенно ясные формы на Кубани. Совершенно было очевидным, что Кубанский Атаман Филимонов и Правительство Сушкова своей политикой не соответствовали настроениям безусловного большинства населения Края. Атаман и Правительство активно поддерживали Деникина в его стремлении возродить неделимую Россию, а Куб. Кр. Рада вменяла в обязанность этому Правительству приступить немедленно и активно к построению Союза государств, значит, — к разрушению возводимого русскими людьми здания неделимой России.

На тактику кубанских самостийников, без сомнения, повлияло торжественное и публичное провозглашение существования самостоятельной Кубанской Армии. В эти заявления самостийники не верили (см. стенограммы заседаний Зак. Рады в том же феврале мес.), но в то же время не могли выступить перед казачьей массой в Раде или вне ее с заявлениями, что и Кубанский Атаман, и Кубанское Правительство Сушкова официально распубликовывали явную неправду и открытый обман относительно организации Кубанской Армии...

Кроме того, Правительство Сушкова в прочитанной им в Зак. Раде 29 января 1919 г. декларации говорило, что

> „Об'единение в настоящее время существующих ныне государственных образований мы мыслим лишь на основах федерального Союза“,

что Правительство заботится об удовлетворении национальных нужд всех национальностей, живущих на Кубани и т. д. (см. печатную декларацию).

Кубанский Атаман Филимонов, желая укрепить положение Правительства Сушкова, попробовал поставить перед Краевой Радой вопрос о доверии этому Правительству, но Краевая Рада уклонилась от решения этого вопроса. Поэтому борьба между Правительством

Сушкова, с одной стороны, и самостийническим большинством Законодательной Рады, с другой, приняла затяжной характер.

Таким обаазом, на казачьем Дону к власти пришла в феврале 1919 г. русская партия сторонников Деникина во главе с вновь избранным Атаманом, ген. Богаевским, и председателем Круга, В. Харламовым. Казачий Терек был подчинен „главноначальствующему“ ген. Ляхову... А на Кубани Деникин имел свою крепкую опору в лице Атамана А. Филимонова и Кубанского Правительства Ф. Сушкова, тормозивших укрепление Кубанской самостоятельной и независимой государственности и всячески стремившихся включить Кубань в общерусскую работу построения единой и неделимой (на словах федеративной) России.

В то время, когда на Казачество наступала русская красная армия, Казачество было раз'единено, политически дезорганизовано, обессилено внутренней борьбой...

Февральское восстание в Ставропольской губернии.

В то время, когда сторонники России среди некоторой части руководителей казаков делали все для того, чтобы Казачество подчинить генер. Деникину, политика последнего, проводимая им не только в отношении казачьих вооруженных сил на фронте в сентябре 1918 г. — январе 1919 г., но и в отношении населения районов, непосредственно подчиненных управлению этого генерала, в корне губила дело борьбы с большевизмом вообще. Выше мы уже отмечали тот печальный факт, что даже ген. Врангель принужден был в г. Ставрополе, в начале ноября 1918 г., арестовать Деникинских правителей за безобразное поведение.

Политика Деникинской администрации была направлена к защите помещиков, к возрождению старого дореволюционного административного и полицейского

управления. Хлеборобское население Ставропольской губ. прекрасно знало, что в соседнем Кубенском Крае и в Донской области заведено демократическое управление, что там отбирается земля у помещеков для наделения ею малоземельных и безземельных хлеборобов... В то же время в Ставропольской губ. помещики возвращались в свои имения, всюду процветали произвол и насилия. Население роптало на Деникинские порядки. Оно не хотело возвращения старого политического и экономического строя, оно не хотело возвращения к власти тех классов населения, которые господствовали перед революцией.

1-го февраля 1919 г. в г. Екатеринодаре собиралась Кубанская Краевая Рада, а в Новочеркасске Донской Войсковой Круг. Слухи об этом разнеслись по Ставропольским степям. Ставропольское население еще яснее, еще отчетливее увидело и в острой степени осознало свое бесправное положение. И несмотря на суровый Деникинский режим, установленный в Ставропольской губ., несмотря на еще более суровую зиму 1919 г., недовольство населения скоро вылилось в открытый мятеж против Деникина. Начальник штаба вооруженных сил Юга России, генер. Романовский, 15-го февраля 1919 г. обратился к Донскому Атаману со следующей телеграммой:

> „В Ставропольской губ. в районе сел Медвежье и Летницкое (соседние с Кубанским Краем и Донской обл.) на почве большевицкой пропаганды началось брожение, грозящее перейти в открытый мятеж“... Далее ген. Романовский просил донские власти послать донцов для подавления беспорядков.

Как видим, политика русских правителей скоро довела население Ставропольской губ. до открытого восстания. И русское командование казачьими силами приказывало казакам усмирить это восстание. Политика Деникина и вообще русских людей и здесь выявилась во всей своей „красе“: пусть население целой губернии

ненавидит казаков, пусть называет их нагаечниками, царскими слугами, защитниками помещиков и т. д. Эта глубоко возмутительная политика ген. Деникина в отношении крестьянства и казачества выявилась и в следующей телеграмме его начальника штаба, ген. Романовского:

> „18 февраля 1919 г. Ставропольскому военному губернатору, генералу Науменко (Кубанский военный министр) и т. д. Главком (Деникин) приказал соединенными силами направленных отрядов и гарнизонов Кубанских и Задонских станиц самым энергичным образом привести в повиновение восставшие села“... Екатеринодар. 17 февр. 1919 г. Романовский.“

Какой цели достигал ген. Деникин, посылая гарнизоны казачьих станиц для „приведения в повиновение восставших сел“ Ставропольской губ? Среди населения этих сел он поселял ненависть к Казачеству Донскому и Кубанскому,что, без сомнения, до чрезвычайности ослабляло противобольшевицкий фронт и морально поддерживало ряды большевицких русских армий, ибо сообщения московских газет о восстаниях крестьянского населения в тылу у „белых“, во-первых, в глазах населения Великороссии давали моральное оправдание политике большевицкой власти, будто-бы стремящейся „освободить крестьян и рабочих“ от власти помещиков и капиталистов“; во вторых, среди крестьянских масс Великороссии укрепляли мысль о необходимости уничтожения „белых“ армий, дабы в самой Великороссии не допустить тех порядков, против установления которых восставало сельское население Ставропольской губ.

Так русская политика Деникина ставила измученные казачьи полки между двух огней: с одной стороны были молодые красные русские армии, наступающие на Казачьи Земли, а с другой, — отрытые восстания неказачьего населения Северного Кавказа. Когда казачий Дон и письмами, и телеграммами, и посылкой делегаций просил о крайне необходимой помощи, гарнизоны

казачьих Донских и Кубанских станиц генерал Деникин посылал на усмирение хлеборобских сел соседней Ставропольской губ.

Могло ли при таких условиях Казачество надеяться на поддержку со стороны неказачьего хлеборобского населения в борьбе с большевицкими армиями?

Февральское восстание в Таганрогском округе.

Добровольческая дивизия ген. Май-Маевского появилась в Донецком бассейне в декабре 1918 г. В январе 1919 г. в распоряжение ген. Май-Маевского прибыла еще одна дивизия. Корпус ген. Май-Маевского действовал по линиям железных дорог. И здесь население Таганрогского округа на практических уроках поведения войск ген. Май-Маевского скоро поняло, к чему и какими путями идут Деникинцы. Ненависть к „освободителям России" и здесь охватила сельское население, когда оно наглядно убедилось в том, что Деникин стремится возродить старую Россию. Когда же среди населения пронесся слух о возможной мобилизации его в Добровольческую армию, ропот усилился, а в момент об'явления самой мобилизации в феврале месяце 1919 г. поднялось открытое восстание.

Ради об'ективной характеристики событий сошлемся на некоторые документы:

> „Телеграмма. Генералу Май-Маевскому, ст. Криничная. Копия. Наштаглав — Екатеринодар. 18 февраля 1919 г. По донесению станичного атамана ст. Ново-Николаевской, Таганрогского округа, в окружающих станицу волостях произошло восстание. Командарм просит распоряжения о посылке в указанный район соответствующей команды для подавления восстания и о последующем уведомлении. № 1070. Наштарм Кельчевский."

20 февраля 1919 г. окружной атаман Жученков телеграфировал о том, что восстание разрастается, что оно охватило уже 13 волостей, что восставшие имеют

пулеметы. Тогда же, 20 февраля, ген. Май-Маевский сообщил о том, что на усмирение восстания хлеборобов Таганрогского округа послан 2-й Кубанский Лабинский полк.

25 февраля окружной атаман полк. Жученков сообщал в Новочеркасск следующее:

> „Отряд, высланный из гарнизона станции Кутейниково, соединился с польским эскадроном. Соединенным отрядом 23 февраля с боем взята деревня Кузнецово-Михайловка. Противник бежал на Александрово... По донесению от 23 февраля начальник пешего отряда, командированный из Амвросиевки, прошел до поселка Греково-Тимофеевского, где получил сведения, что в слободе Федоровское сконцентрированы большие силы до 2-х тысяч бунтовщиков. По донесению Лабинского полка, прибывшего вчера в селение Покровское при станции Никлиновка, 25 с боем занято селение Николаевка...“

Как видно из приведенных документов, восстание это охватило обширный район 13 волостей Таганрогского округа. И здесь проявилась характерная политика ген. Деникина: на усмирение восставших хлеборобов Таганрогского округа, отказавшихся стать под знамена „освободителей России“, посланы были кубанские казаки и поляки. Как мы констатировали выше, на усмирение восставших крестьян Ставропольской губ. ген. Деникин послал донских и кубанских казаков.

Если коротко подвести итоги политики руководителей „белого“ движения в освобожденных от советской власти районах, попавших под непосредственное управление Деникина, можно констатировать следующее: в конце января 1919 г. Деникин мобилизовал в Крыму только один призывной возраст (родившихся в 1897 г.), но эта мобилизация провалилась (Деникин. Очерки рус. смуты, V, 61); в феврале того же года Деникин при-

ступил к мобилизации населения Ставропольской губ. и в Таганрогском округе Донской области, но на эту мобилизацию население ответило восстаниями. А незадолго перед этими восстаниями Кубанский казачий 9-й пластунский батальон в полном составе отказался выйти из Крыма на территорию Украины.

Так само население реагировало на политику ген. Деникина, возглавлявшего русское белое движение. А в это время (4-го февраля) мудрые казачьи политики в Указе Донского Войскового Круга Донской армии называли Добровольческую армию, а значит и ее главнокомандующего, ген. Деникина, „надеждой России". Не следует думать, что составители этого Указа под Россией подразумевали мертвую землю, леса, горы России и т. д.. Очевидно, они имели в виду живое население России. Рабочее и хлеборобское население не только не хотело поддерживать „белых" вождей, не только не хотело подчиниться генералам Деникину, Колчаку и другим „белым" вождям, но в количестве сотен тысяч заполняло русские большевицкие армии на всех фронтах. В тех же районах, которые были освобождены силою казачьего оружия от большевицких властей, население поднимало восстания против Деникина при первых попытках проведения мобилизаций в русскую Добровольческую армию.

Для какой же живой России, о которой говорилось в Указе Круга, ген. Деникин был надеждой? Ведь Великороссия — эта настоящая Россия — своими 4-мя армиями (Кожевникова, 8-я, 9-я и 10-я) уничтожала казачьи силы на Дону. Ведь хлеборобы и рабочие Северного Кавказа, Крыма и Таганрогского округа были явно настроены против Деникина.

Где же та Россия, для которой Деникин был надеждой? Разве для вдумчивых, серьезных и об'ективных людей не было ясно, что в истории с организацией Деникинских сил повторяется уже пройденная история с организацией Южно-Русской армии, против которой,

как мы говорили выше, восставало хлеборобское население Воронежской губ.

Куда же и ради чего вели донских казаков казачьи политики, называя Деникина надеждой России, когда было ясно, что именно Деникин и все возглавляемое им движение было отвергнуто русским народом?

Приходится глубоко сожалеть и о том, что и Кубанская Краевая Рада, вынося 14 февраля 1919 г. постановление о безотлагательной необходимости организации Союза народов и земель, оставляла кубанские войска в распоряжении русских людей, которые были упорными и последовательными противниками постановлений Кубанской Краевой Рады и Донского Круга.

Эта в корне ошибочная казачья политика была одной из основных причин страшной трагедии Казачества... Все последующие события, затянувшиеся более чем на целый год, были только чрезвычайно дорогим и гибельным для Казачества кровавым опытом проведения в жизнь этого неестественного и недопустимого союза Казачества с „белой“ Россией. Как будто для руководителей казачьей политики недостаточно было весьма поучительного опыта сотрудничества Казачества с „белой“ Россией в течение предшествующего периода борьбы 1918 г. Еще во времена Атамана Каледина многие казаки требовали удаления русских добровольцев с территории Дона; еще в ноябре 1917 г. Кубанское Правительство запретило было русским генералам набирать добровольцев на Кубани. Но потом кубанцы в марте 1918 г. заключили военное соглашение с теми же русскими силами.

Нельзя сказать, что все казачьи политики не понимали колоссального вреда союза Казачества с „белой“ Россией, вреда именно для дела успешной защиты от русского большевизма. И не только понимали, но и открыто указывали Казачеству на то, к каким ужасным последствиям приводит этот союз Казачества с русскими людьми. В том же феврале 1919 г. председатель

Кубанской Краевой Рады, Н. С. Рябовол, следующими словами характеризовал правительство ген. Деникина:

> ... „Вместо Правительства, которое стало бы во главе всех образований и опиралось бы на поддержку народов их, в Екатеринодаре создалось Особое Совещание — компания самозванцев из кадетов и черносотенцев, которое и сумело об'явить себя всероссийской властью. Эту компанию от политики, от коммерции и от монархизма мы не признаем...“ (Стеногр. засед. Зак. Рады).

Однако, из такой правильной и ясной оценки не было сделано практических, последовательных, твердых и решительных выводов. Все обстоятельства борьбы властно диктовали необходимость полного разрыва Казачества с „белой“ Россией. Надо было ведение всей казачьей борьбы-обороны против наступавшей красной России взять в твердые казачьи руки. Этого не было сделано. Казачья политика хромала на все ноги и вела Казачество к пропасти. И до сих пор Казачество платит страшною ценою за допущенную основную ошибку.

Зимняя кампания.

Как мы уже говорили, главной целью зимней кампании на Юге в 1919 г. Московское командование ставило уничтожение живой силы Дона. Красное русское командование решило сначала разбить Воронежскую группу Донских войск на левом, северном берегу р. Дона, а потом раздавить и группу, действовавшую против Царицына.

Как свидетельствует исследователь военных действий красных русских армий против Дона, генер. штаба полк. А. И. Егоров, „наибольшие усилия требовались от правофланговой группы Кожевникова, которая должна была охватить левый фланг“ донцов (Воронежской группы). К 1-ому января 1919 г. группа Кожевникова (20.000 бойцов), наступая со стороны Валуек-Ку-

пянска, „должна была сосредоточиться в районе станций Митрофановка-Кантемировка". 9-ая красная армия, в свою очередь, должна была, заслонившись от возможных действий донской Царицынской группы, действовать главными силами в направлении на Урюпинскую, охватывая правый фланг Воронежской донской группы войск. Центральная 8-я армия получила задачу небольшого фронтального наступления. 10-я армия сохраняла задачу активной обороны Царицына (Егоров, цитир. работа его, стр. 75-76).

Самовольное оставление части фронта (у Богучара) казаками Верхне-Донского округа чрезвычайно облегчало задачи красных русских армий. Но, несмотря на это, на других фронтах, особенно у Абрамовки и ст. Поворино, казачьи полки нанесли сильные удары по левому флангу 8-й армии и правому флангу и центру 9-й армии (обе эти армии насчитывали свыше 55-ти тысяч солдат), чем расстроили планы и намерения красного командования. Вследствие этого героического сопротивления донских казаков, три русские армии, насчитывавшие свыше 75.000 бойцов, не смогли во время выполнить поставленных этим армиям задач.

Если бы в самом начале 1919 г. была оказана помощь Дону со стороны казаков Кубани и Терека, не подлежит никакому сомнению, что красные армии были бы разгромлены, город Царицын уже тогда перешел бы в казачьи руки, казачьи армии Дона, Кубани и Терека получили бы возможность соединения с Уральским и Оренбургским казачьими войсками, с народами Поволжья, Урала, Сибири и Туркестана, боровшимися за свое освобождение от Московского владычества. Что именно этого соединения противобольшевицких сил в то время больше всего боялась Москва, видно как из распоряжений главного русского командования, за всякую цену стремившегося удержать в своих руках Царицын, так и из основных политических директив Ленина.

Известно, что русские люди после ликвидации противобольшевицких фронтов занялись усиленным собира-

нием документов, характеризующих войну 1917-1920 г. г., и всесторонним изучением этих материалов. В результате этой многолетней работы собрано и распубликовано в России много весьма ценных данных. Среди множества трудов разной научной ценности, появившихся в России в период 1921-1931 г. г., заслуживает особого внимания уже цитированная нами выше трехтомная коллективная работа — „Гражданская война 1918-1921“, составленная под общей редекцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и Р. П. Эйдельмана. В этой работе по разбираемому нами вопросу читаем между прочим следующее:

„В. И. Ленин придавал громадное значение возможно скорой и решительной ликвидации Краснова (Донского казачьего фронта). Еще 21 декабря 1918 г. он телеграфировал Троцкому: „Я очень обеспокоен, не увлеклись ли Вы Украиной в ущерб общестратегической задаче, на которой настаивает Вацетис (большевицкий главнокомандующий) и которая состоит в быстром, решительном и общем наступлении на Краснова, боюсь чрезвычайно, что мы запаздываем с этим“...

Ленин предлагал налечь „на ускорение и доведение до... до конца общего наступления на Краснова“ (т. III, стр. 136). Эту военно-политическую директиву Ленин давал в день взятия Харькова московскими войсками. Он требовал сосредоточения всех большевицких русских сил именно против казачьего Дона. Если при этом принять во внимание, что русского народа (Великороссов) тогда было около 80-ти миллионов, а донских казаков около 1.600.000, если вдуматься в выше приведенные мысли Ленина, можно себе представить ясно, как русские люди боялись в то время армий Донского Войска.

Ленин строил красную единую и неделимую Россию и требовал „быстрого, решительного и общего наступления“ на Казачий Дон, а Деникин строил белую единую и неделимую Россию и, как мы установили вы-

ше, всячески мешал об'единению Казачества и всеми мерами задерживал подачу помощи Дону со стороны казаков Кубани и Терека.

Как признают выше названные исследователи войны России против Казачества,

> „... Прозорливый стратегический гений Ленина, как никто, сознавал все значение Донского фронта и предвидел те трудности, какие должны были встать перед красной армией и советской стратегией... в случае несвоевременной ликвидации Краснова (донского казачьего фронта)". (Там же, т. III; стр. 136).

Противоказачья в своей основе политика русских людей во главе с ген. Деникиным, слепая, неразумная и временами прямо изменническая политика его казачьих помощников в значительной степени облегчали и упрощали противоказачью политику большевицкой России В. Ленина. А политика Союзников в отношении Казачества (отказ казакам в непосредственной выдаче оружия, навязывание казакам Деникина в вожди и т. д.), ставила казаков между двух огней — Россией красной и Россией черной.

Распоряжениями главного московского командования от 4-го и 8-го января было приказано:

> „... Разбить (Донскую) Царицынскую группу. Для этого: группе Кожевникова, недостигшей еще по предыдущей директиве намеченного рубежа, продолжать выполнение поставленной задачи (выйти на линию Марковка-Талы с одной дивизией на Луганск); 8-й армии окончательно изменить свое направление на восточное и выйти на рубеж Журавлевка-Казанская; 9-й армии рубеж Бурацкая-Павловская-р. Бузулук с дальнейшим движением вдоль железной дороги Поворино-Царицын, т. е. уже в юго-восточном направлении" (Егоров, стр. 76).

Это сосредоточение красных армий в общем на Царицынском направлении, как говорит Егоров, „сов-

пало с тем временем, когда уже окончательно определился развал Донской армии, что выразилось в количестве пленных и трофеев, попадавших в руки советских войск, и массовой сдаче в плен или самовольном уходе по домам целых казачьих полков... Таким образом, перед командованием Южным фронтом по существу оставалась задача преследования остатков Донской армии, и 19 января оно отдало соответствующую директиву, направляя центральные армии (8-ю и 9-ю) прямо на юг; группа Кожевникова из района Кантемировки должна была выйти в район Каменская-Миллерово, а 10-я армия двигалась на Калач вдоль железной дороги" (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 140-141).

Из приведенных данных видно, что и в конце января 1919 г. главной задачей Московских войск было нанесение удара по Донской армии, с каковой целью в это время на Донской территории одновременно действовало 3 русских армии (Кожевникова, 8-я и 9-я), а 10-я армия должна была наступать со стороны Царицына. Как видно из тех же данных, только одной дивизии группы Кожевникова было приказано 9-го января продвинуться в Донецкий бассейн, где она и вошла в боевое соприкосновение с дивизией-корпусом ген. Май-Маевского.

9-го же января главное большевицкое командование удалило командующего Южным фронтом Славена и на его место назначило Гиттиса. Накануне смены командования была получена директива Главкома с указанием, что „противник (Донские казаки) напрягает все силы, дабы взять Царицын, и необходимо его отстоять" (Егоров, стр. 77). Директива большевицкого главкома 12 января снова напоминала командующему противодонскими русскими войсками о тяжелой обстановке 10-й армии под Царицыном.

Поэтому новый командующий Южным фронтом, Гиттис, 17 января приказал трем армиям ускорить движение на Царицын: группе Кожевникова и 8-й армии

— на восток, 9-й армии — на юг по линии железной дороги Поворино-Царицин (там же, стр. 78).

„Наконец", говорит быв. большевицкий рукодитель 10-й армии, а потом и командующий Южным фронтом, Егоров, „главное командование, учитывая низкое морально-политическое состояние войск противника (донских), а может быть и начиная сознавать опасность нависания на правом фланге сил белых, меняет направление армий фронта на более южное и 19-го января (по стар. стилю) ставит новый об'ект действий Южфронта: Новочеркасск-Ростов... и выход на рубеж Донбасс, Ростов, Великокняжеская" (там же, стр. 78).

Поэтому „Командюж директивой № 1038 от 19 января указывает: группе Кожевникова — занять Лихая-Каменская (1-я и 3-я дивизии были направлены на Миллерово, 4-я на Лихая, Донбасс все еще не привлекал к себе внимания командюжа, замечает Егоров), 8-й и 9-й армиям — к 24 января выйти на фронт Кошары-Усть-Медведицкая, 10-й наступать вдоль железной дороги" Царицын—Лихая и Царицын—Великокняжеская. Главной целью всех четырех армий ставилось охват между р. Доном и р. Донцом Донской казачьей армии и уничтожение ее (Егоров, стр. 78-79).

Таким образом, весь декабрь 1918 г. и до конца января 1919 г. все внимание большевицкого командования было сосредоточено на желании скорейшего и полного уничтожения Донской казачьей армии. Сами русские люди признают, что для осуществления этой чрезвычайно важной задачи красное командование со второй половины декабря 1918 г. било по Донским войскам четырьмя армиями, насчитывавшими в боевой линии 124.500 штыков и сабель при 2230 пулеметах и 485 орудиях (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 138).

Что в это время происходило на противобольшевицком фронте?

Обратимся к документальным данным.

1-го января 1919 г. 2-я Донская дивизия занимала: 7-й полк г. Луганск, 8-й полк Ровеньки-Штеровку, 5-й и 6-й полки Дебальцево и дивизион Атаманского полка Юзовку, штаб дивизиона в Макеевке. (См. схема 5).

Стоит только взглянуть на карту, найти там выше упомянутые пункты, чтобы стало ясным то важное обстоятельство, что и в начале января 1919 г. Донские войска не только вели тяжелую и изнурительную борьбу против целых 4-х русских армий, даже по большевицким данным насчитывавшим около 125-ти тысяч штыков и сабель, но своими войсками Донцы прикрывали Донецкий бассейн на большом фронте от г. Луганска до ст. Юзовки.

8-го января 1919 г. Начальник Штаба Донской армии телеграммой просил Начальника Штаба Деникина, ген. Романовского, о занятии станции Дебальцево частями дивизии Май-Маевского ввиду боевой необходимости сосредоточить всю 2-ю Донскую дивизию в районе г. Луганска. Именно в это время правофланговая красная армия Кожевникова, наступая в общем направлении на Миллерово, свою правофланговую дивизию (4-ю) послала в сторону Попасной-Луганска.

В ответ на просьбу командования Донской армии 10-го января Штаб Деникина ответил, что Дебальцево добровольцами занято быть не может, и тогда же, 8-10 января, ген. Деникин сообщал ген. Май-Маевскому, что в его распоряжение перевозятся 1-й офицерский ген. Маркова полк, Корниловский ударный полк и 1-й артиллерийский дивизион.

14-го января, как видно из документов, Донской Штаб сообщил главнокомандующему Деникину о том, что в районе Луганской станицы-Первозвановка и в районе к северу от ст. Дебальцево Донские части ведут упорные бои с противником, и Донской штаб просил срочно оказать помощь добровольцами на ст. Дебальцево. В тот же день Донское командование получило из Симферополя, в Крыму, от командующего Крымско-Азовской армией, ген. Боровского, сообщение,

что Дебальцево входит в район действий Донской армии.

15-го января Донской Атаман Краснов телеграфно просил главнокомандующего ген. Деникина срочно перебросить Кубанский отряд ген. Станкевича из района селения Дивного на помощь Донцам к г. Царицыну, который был почти окружен Донскими войсками и находился накануне падения. Как мы уже отмечали выше, главное русское большевицкое командование 9-го и 12-го января указывало командующему 4-мя большевицкими армиями, действовавшими против Дона, на крайне тяжелое положение Царицына и требовало срочной помощи осажденному Донскими казаками городу. Вследствие этого приказания три русские армии — Кожевникова, 8-я и 9-я — наступали в сторону г. Царицына в тыл и левый фланг Донским войскам ген. Мамонтова, беспощадно бившим 36-ти тысячную 10-ю большевицкую армию в Царицыне. Русские армии, таким образом, в полной мере использовали все преимущества и выгоды единства командования. Так было у русских „красных".

„Белые" русские люди всюду проповедывали крайнюю необходимость об'единения вооруженных противобольшевицких сил Юга. В конце концов, генерал Деникин 26 декабря 1918 г. добился этого об'единения. Сам быв. главнокомандующий, ген. Деникин, свидетельствует, что

> „в январе (1919 г.) намечена была переброска армии на Царицынское направление, с одновременным наступлением против Астрахани, для захвата стратегически важного пункта Царицына и нижнего плеса Волги и для установления связи с армиями адм. Колчака. Это движение в тесной связи с наступлением на Харьковском и Воронежском направлениях должно было вылиться впоследствии в общее наступление к центру России" (Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, 72).

Известно также, что и генералы Врангель и Юзе-

фович категорически настаивали на движении армий на г. Царицын „на соединение с сибирскими армиями адмир. Колчака, победоносное продвижение которого задерживалось угрозой со стороны красных его левому флангу", как свидетельствует ген. Врангель (Записки, т. I, стр. 110).

К этому времени кубанцами уже взяты были Георгиевск, Минер. Воды, Св. Крест, Нальчик, Прохладная... Сам ген. Деникин признает, что „к середине января Северо-Кавказский советский фронт уже не существовал, оставались только разрозненные отряды".

17-го января Штаб Донской армии сообщил ген. Деникину, что Донские войска из Хоперского и Усть-Медведицкого округов „отводятся на линию р. Дона, где будет оказано упорное сопротивление".

И при всех этих условиях и обстоятельствах ген. Деникин в ответ на просьбу Дона послать Кубанцев на помощь под г. Царицын 17-го января телеграфировал Донскому Атаману, что кубанцы ген. Станкевича не будут посланы под Царицын, что „возможное будет сделано, отдаю распоряжения соответствующих перегруппировок для вывода некоторых частей, но полагаю, что осуществить это удастся лишь по овладении Владикавказом и Моздоком".

Тогда же:

> „17.I.1919 Главнокомандующий приказал Дебальцево передать Крымско-Азовской армии, но что обеспечение от Дебальцево на Зверево (линия железной дороги) возлагается всецело на Донскую армию. Романовский".

Дон просил ген. Деникина, как главнокомандующего Кубанскими и Терскими войсками, о помощи на Царицынском и Воронежском направлениях, но ген. Деникин оставлял исключительно на плечах Донского Войска всю тяжесть защиты именно этих важнейших направлений в то время, хотя и имел полную фактическую возможность оказать северо-кавказскими казачьими полками поддержку Дону, а значит и всему

Казачеству. И в результате всего этого, потрясенная натиском 120—130-ти тысячной вооруженной массы русских людей, организованных в большевицкие армии, придавленная тяжелым сознанием своего одиночества, надломленная неразумной политикой своих политических верхов, Донская армия с каждым днем уменьшалась в своей моральной и физической силе. В то же время с каждым месяцем возрастали силы русской красной армии. Исследователи роста русской красной армии утверждают, что

> „рост численности (красной) армии шел вперед бурным темпом. Если к началу 1919 г. численность армии достигла 800 тысяч, то в течение 1919 г. армия возрастала почти каждый месяц на 200 тысяч человек" (Гражд. война, III, 86).

Большевицкая Россия весьма умело пользовалась разрозненностью казачьих сил, отсутствием единого руководящего казачьего политического и военного центра и гибельным для Казачества сотрудничеством его с русской контр-революцией — „белой" Россией.

Деникин не имел в своем распоряжении русских войск, которыми бы мог оказать действительную и существенную помощь Дону, а кубанские и Терские войска задерживал на Северном Кавказе. В то же время растянул фронт далеко на запад — до самой Одессы. В это время большевицкие войска наступали на Украину с севера. Главные силы красной Москвы 7-го янкаря 1919 г. занимали фронт: Круты—Полтава—Синельниково. Харьковская группа большевиков взяла Кременчуг—Екатеринослав—Чаплино—Гришино, „обеспечивая свой фланг со стороны Донецкого бассейна" (Гражд. война, т. III, стр. 146).

Что дала казакам растяжка фронта Вооруженных сил Юга России от Донецкого бассейна до Днепра в начале 1919 г.?

Командующий Крымско-Азовской армией, ген. Бо-

ровский, 14-го января т. г. послал Деникину следующую телеграму:

„Екатеринодар. Главкоюг, копия Новочеркасск Генкварм Дон, Юзовка ген. Май-Маевскому. Симферополь. 2819, 338, 21/I. Сосредоточение районе Славянск — станция Попасная большевицких сил, обнаружено здесь присутствие латышских, китайских частей и советских полков, чрезвычайная активность, проявляемая в этом районе, а также захват советскими войсками Харькова и станции Лозовая, указывают нам возможность крупной операции противника с целью овладения Каменноугольным районом и разобщения Донской и Добровольческой армий. В настоящее время по политическим причинам особенно важно удержание за собой района, богатого каменным углем, между тем ввиду большой разброски войск ген. Май-Маевского, вызываемой упорством банд, защищающих подступы с юга и востока к станции Чаплино и восстанием населения в тылу его района, а также усложнением боевой задачи производством мобилизации — я не считаю свой правый фланг достаточно сильным, чтобы противостоять серьезному натиску. Остальные части находятся в периоде организации, почему я не имею возможности сократить задачу 3-ей дивизии с целью усиления правого ее фланга. Ввиду изложенного считаю настоятельно необходимым срочное направление с Кубани в район станции Харцызск-Криничная одной дивизии пехоты в мое распоряжение. О Ваших распоряжениях прошу уведомить. № 031. Ген. Боровский.“

Этот документ отмечает, что войска ген. Май-Маевского расбросаны, что в тылу добровольческих частей происходят восстания, что правый фланг — дивизия Май-Маевского, усиленная Марковским и Корниловским полками — не является достаточно сильным, чтобы противостоять серьезному натиску противника

и что настоятельно необходимо направить с Кубани в распоряжение ген. Боровского дивизию пехоты.

Прошел уже месяц, как Дон признал единое командование в лице Деникина, а помощи Дону все еще оказано не было. Дон в одиночестве вел неравную борьбу с более чем стотысячными русскими красными армиями. Главное красное командование 1-3 февраля потребовало от командующего южным русским фронтом, Гиттиса, — „чтобы весь главный удар был произведен в Луганском няправлении“, что необходимо красные войска собрать в три сильных кулака для сосредоточения их на трех важнейших направлениях: Кантемировка-Ростов, Царицын-Лихая и Царицын-Великокняжеская (Егоров, стр. 79-80).

Исполняя эту общую директиву, Гиттис 1-го февраля приказал: группе Кожевникова и 8-й армии совместно разбить Донцов в районе Миллерово; 9-я армия должна была образовать на своем правом фланге в районе ст. Морозовской ударную группу для поддержки 8-й армии. Начав свое наступление 1-го февраля, красные войска к 4-ому февраля овладели районом станций Красновка-Миллерово-Ольховая.

1-го февраля командующий Крымско-Азовской армией приказал ген. Май-Маевскому помочь Донцам очистить от большевиков район Дебальцево-Ровеньки-Луганск-Яма. Однако, во время проведения в жизнь этой операции с противо-украинского большевицкого фронта на помощь Кожевникову подошла партизанская украинская дивизия Онищенко и захватила станцию Константиновку. Нависание этой дивизии на левом фланге ген. Май-Маевского принудило последнего к оступлению. После этого Кожевников захватил к 10-му февраля Дебальцево-Первозвановку (Гражд. война, т. III, стр. 231).

О состоянии сил Донской казачьей республики в

это время красноречиво говорит нижеследующий документ:

„В. Срочно. Оперативная. Екатеринодар. Ген. Деникину.

В упорных встречных боях с 5-го февраля на Миллеровском направлении не только не удалось разбить группу красных не менее трех дивизий, но наоборот, после ночного тяжелого боя с 9-го на 10-е февраля наши части, бывшие до сего времени крепкие духом, потеряли устойчивость. Выдвинутый последний резерв — группа генерала Постовского — под давлением превосходных сил противника от наступления переходит к обороне и постепенно осаживает. Семилетовский отряд брошен к 9-ому февраля для подкрепления потерявших боеспособность частей Северного фронта и прикрытия станции Лихая с востока. Больше резервов нет и нечем подкрепить нашу группу, прикрывающую Зверево-Лихая с севера. Таким образом создается уже непосредственная угроза этому узлу, с потерей которого совершенно нарушается управление и питание остатков Донской армии, а следовательно, обнажается Новочеркасск. Нужны экстренные меры для подачи резервов в район Зверево-Лихая и закрепления этого узла за нами. О последующем прошу уведомить.

Командарм Сидорин. 10 февраля, № 849/к.“

В тот же день ген. Деникин на имя Донского Атамана ответил телеграммой, в которой говорил, что 1) Кавказская армия перебрасывается на Воронежском направлении, 2) дивизия первая (Шкуро) сосредотачивается в районе Дебальцево-Алексеево-Леоново не ранее 14 февраля, 3) посадка второй дивизии начинается 12 февраля и сосредоточение ее где либо на линии Новочеркасск-Миллерово может быть закончено не ранее 22 февраля, 4) на следующие две дивизии надо класть еще 10-12 дней, 5) что мы можем действовать только

маневром и б) что временно Дон сам должен защищаться.

В начале февраля на Царицинский фронт был переброшен 2-й Кубанский конный полк. 11-12 февраля этот полк с большой доблестью вступил в бой с войсками 10-й русской армии у хуторов Чаусова и Подстепного (на левом берегу р. Дона против станицы Есауловской и верстах в 80-90 к юго-западу от Царицына). По этому поводу отмечаем следующую телеграмму Донского атамана ген. Богаевского, посланную Кубанскому атаману ген. Филимонову и в копии ген. Деникину:

> „Первые ласточки о братской помощи на ратном поле Кубанцев Донцам принесли радостные вести. Обнаглевший враг, двигавшийся почти безудержно, был встречен 11 и 12 февраля в районе Есауловской могучим ударом славных Кубанцев и отпрянул вспять.
>
> Верю, что кровь братьев Кубанцев, пролитая на Донской земле за общее дело свободы Казачества, явится нерушимым и верным залогом нашего дальнейшего успеха и не забудется никогда Доном. 13 февраля № 925/К. Донской Атаман ген.-лейт. Богаевский".

13 февраля Донское командование предложило ген. Май-Маевскому совместно, общими силами взять г. Луганск. В это время Донцы занимали Штеровку—Колпаково—Луганчик—Суходол—Кондрашовку — Ново-Митякинский. У Май-Маевского уже были собраны Корниловский, Марковский, Дроздовский и Самурский пешие и 1 и 2 конные полки (Деникин, т. V, стр. 72). К 12-му февраля к нему же подошли полки 1-й Кубанской дивизии — 2 Хоперский, 2 Лабинский, 2 Партизанский, 2-ая Куб. батарея и 1 гауб. батарея. Однако, того же 13 февраля ген. Май-Маевский телеграммой ответил, что у него нет сил для действий против г. Луганска.

15 февраля ген. Деникин приказал установить между Донской и Крымско-Азовской армиями следующую

разграничительную линию: Колпаково—Дмитриевка—Б. Крепкая-Аксайская. Все, что к востоку от этой линии, донцы продолжали защищать исключительно своими силами. Вследствие этого все четыре большевицкие армии — Кожевникова, 8-я, 9-я и 10-я — и во второй половине февраля 1919 г. всею силою давили исключительно на казачьи войска.

Дон, как мы знаем, признал единое командование еще 26 декабря 1918 г., Донской Круг удалил непокорного атамана ген. Краснова и избрал на пост Атамана старого добровольца, ген. Богаевского, 4-го февраля Донской Круг в приказе Донской армии утверждал, что на помощь Донцам спешит русская Добровольческая армия. А фактически что было?

15-18 февраля вспыхнули восстания в 13 волостях Таганрогского округа и в Ставропольской губернии. Красные войска начали подходить уже с востока к р. Донец и 17 февраля поспешили перейти эту реку у ст. Екатерининской, а 24 февраля — у Усть-Белокалитвенской, угрожая захватом столицы Войска Донского.

16-го февраля начальник штаба Деникина, ген, Романовский, сообщил штабу Донской армии, что Кавказская Добровольческая армия, состоявшая из Кубанских и Терских казаков, будет переброшена в район Дебальцево—Чистяково—Александро-Грушевск, но „главнокомандующий (Деникин) категорически запретил до окончания сосредоточения всей Кавказской армии вводить в бой дивизии по частям“. 18-21 февраля срочно перебрасывают Кавказскую дивизию из района Дебальцево в район Шахтная—Александро-Грушевск, „в резерв главнокомандующего“. 21 февраля приказано было разместить 1) в районе Персиановки: 1-ю и 2-ю бригады 1-й Кубанской дивизии (2 и 3 сводно-кубанские полки, 2-й Уманский полк и 2-й Запорожский полк) 1 и 4 Куб. батареи; 2) в районе станицы Кривянской: 3-ю бригаду 1-й Кубанской дивизии (2-й Лабинский и 2-й Черноморский полки) с артиллерией, 3) в г. Новочеркасске: Штакор, Гвардейский дивизион, гаубичную

батарею 1-й Куб. дивизии и т. д., 4) Авиационный отряд (8 аэропланов) в Персияновке.

26-го февраля ген. Романовский телеграфировал нач. штаба Донской армии, что Кубанский корпус сосредотачивается в районе Александро-Грушевска не для прикрытия фронта, а для крупной стратегической операции, и что Донцы должны прикрыть фронт своими силами, иначе никакого толку не будет.

Вследствие такой политики ген. Деникина Донское Войско только своими силами должно было вести весьма упорные бои против наседающего с трех сторон противника на фронте Колпаково—Луганск (исключительно)—Красновка—Глубокая—Калитвенская и далее вниз по реке Донцу. На этом фронте, как известно, наступало три русских армии — 13-я, 8-я и 9-я. И надо признать, что донские полки с честью вышли из весьма и весьма тяжелого положения. 18-19 февраля Донские войска вели успешные бои у ст. Усть-Быстрянской, потом у ст. Екатерининской и снова в районе Усть-Быстрянской. В этих исторических боях принимали участие даже глубокие старики-казаки и дети. У одной только ст. Усть-Быстрянской была разгромлена 16-я русская стрелковая дивизия, направлявшаяся уже прямо на Новочеркасск, и отброшена за р. Донец. Этот неуспех своей дивизии большевицкое командование об'ясняет тем, что 16-я дивизия не была поддержана соседними дивизиями и что она испытывала острый недостаток в патронах (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 230). Поражения, нанесенные Донцами большевицким войскам на переправах через р. Донец, имели очень большое значение в ходе боевых операций на всем южном фронте — большевицкое наступление было остановлено, и красные войска не смогли налетом взять столицу Дона.

Выше мы отметили, что Донское командование предлагало корпусу ген. Май-Маевского общими силами ликвидировать Луганскую группу большевиков (левый фланг армии Кожевникова, потом переименованной в 13-ю армию). Ген. Май-Маевский отказался осуще-

ствить эту так необходимую боевую операцию. Поэтому большевицкое командование получило полную возможность постоянно давить во фланг и тыл Донским войскам, занимавшим еще левый берег р. Донца в сторону Миллерово.

В это время главное красное командование категорически требовало от командующего южным противоказачьим фронтом увеличить красные силы в Донецком бассейне и нанести решительный удар противнику. Вследствие этого командующий южним фронтом, Гиттис, „19—23 февраля, усилив группу Кожевникова всей 13-й стрелковой дивизией, сотредоточенной на ее левом фланге (из района г. Беловодска), решил нанести удар левым флангом группы Кожевникова и главной массой сил 8-й армии по частям противника (по Донским), расположенным на левом берегу р. Донца — в углу, образуемом этой рекой и железной дорогой Воронеж-Ростов-на Дону. Удар увенчался успехом“ (Гражд. война 1918—1921, т. III, стр. 230).

24 февраля начальник штаба Донской армии послал начальнику штаба ген. Деникина, ген. Романовскому, следующую телеграмму:

„Части Донской армии, особенно северного фронта, вследствие огромной убыли убитыми, ранеными и больными, ослаблены до крайности. Малейший нажим со стороны противника даже небольшим кулачком на фронте от ст. Усть-Быстрянской до ст. Калитвенская может привести к созданию такого положения, которое вынудит нас отдать приказ об отходе к югу от р. Донец и бросить Зверевский узел, дабы уберечь войска западного фронта. Резерва, которым можно было бы парировать удар противника на участке Северного фронта, нет. Кризис может назреть настолько быстро, что всякое сношение с Вами окажется запоздалым. Ввиду изложенного и по приказанию Командарма, прошу с доклада главнокомандующему уведомить срочно, разрешает ли Главнокомандующий в случае крайности использовать для боя его резерв, сосредотачиваемый

ныне в окрестностях и к северу от Новочеркасска. № 1225/К. Кельчевский."

Несмотря на такую явно грозную ситуацию на фронте, ген. Деникин не позволил отправить на фронт Кубанские полки, собранные в районе Новочеркасск-Александро-Грушевск. Почему?

Большевицкие исследователи действий русских красных армий против Дона зимою 1918—1919 г. приходят к следующим выводам:

1. Действия (большевицких) войск имели своим результатом ухудшение положения фронта, несмотря на занятие обширной территории Донской области.

2. Сама по себе эта территория не давала существенных выгод красному командованию, ибо настроение казачества никоим образом не было сочувственным по отношению к советской власти. Кажущиеся здесь противоречия (бунты в пользу советской власти в некоторых районах, переход частей Донской армии на сторону совласти и т. д) об'ясняются нежеланием казаков продолжать борьбу против большевиков до полного уничтожения советской власти и затем возобновлять войну с Германией...

3. Царицынская группа донцов и часть Воронежской вышли из окружения и отошли за р. Дон, хотя разложение армии было несомненным... Таким образом, сильно потрепав части Донской армии, красное командование не достигло полного ее уничтожения.

4. Значение Донбасса было сознано Южфронтом только к середине и даже к концу февраля. Но и тут мы не видим крутой перемены в развертывании армий, и фронт постепенно, нерешительно переносит свое внимание к западу от Царицына. Эта нерешительность сыграла крупную отрицательную роль и существенно отразилась на всем дальнейшем ходе кампании" (А. И. Егоров. Разгром Деникина. 1919. Страница 80).

Что дало Казачеству об'единение командования над казачьими вооруженными силами в руках русского генерала Деникина?

Получив главное руководство боевыми операциями в свои руки, ген. Деникин и весь его штаб своими действиями в течение января-февраля 1919 г. показали, что они не имели не только продуманного и ясного плана боевых действий, но просто не имели никакого плана и плелись в хвосте событий на фронте. Деникин говорит, что „в январе намечена была переброска армии на Царицынское направление“ (т. V, стр. 72), а почему-то фактически войска перебрасывались в западную часть Донецкого бассейна, хотя, без сомнения, Деникин прекрасно был осведомлен о том, что в январе большевицкие армии главные свои усилия направляли в сторону г. Царицына, дабы не допустить падения этой красной твердыни и не дать возможности об'единиться Южному и Восточному противобольшевицким фронтам. Как мы видели, Донской Атаман Краснов просто умолял Деникина помочь донским войскам ген. Мамонтова взять Царицын именно в январе месяце, но Деникин, как бы помогая красному командованию в осуществлении его главной задачи — удержания г. Царицына в своих руках, — направляет войска в совершенно другую сторону — в Донецкий бассейн. Почему же Деникин не осуществил своего же решения двинуть главную массу войск с Северного Кавказа в сторону Царицына? Почему Деникин не послушал своих же помощников — ген. Врангеля и ген. Юзефовича, которые категорически настаивали тогда именно на выходе на Волгу? Почему Деникин не послушал Донского Атамана, настаивавшего на посылке кубанцев под Царицын?

Почему ген. Май-Маевский, имея в своем распоряжении совершенно достаточные силы, отказался помочь Донцам ликвидировать Луганскую группу большевиков в феврале месяце? Кавказская дивизия ген. Шкуро была переброшена в район Дебальцево. Не успела она там ввязаться в развязку боевых событий на фронте, как ее снова начали перебрасывать в новый район Новочеркасск-Александро-Грушевск. Когда дорог был не только каждый день, а каждый час, когда командующий

Донской армией и ее начальник штаба посылали Деникину телеграмму за телеграммой, прося о помощи, когда большевицкие армии с таким большим трудом и весьма медленно поворачивались на Донской Земле с юго-восточного направления (Царицынского) на южное, а потом и на юго-западное и даже на западное (9-я армия), кубанские войска бесцельно мотались по железным и грунтовым дорогам, не принимая участия в боях на фронте, где решалась доля Казачества. Враг как нельзя лучше воспользовался одиночеством донцов и успел сосредоточить на дуге Юзовка-Луганск-р. Донец до ее впадения в р. Дон три армии (13-ю, 8-ю и 9-ю), а 10-я русская большевицкая армия за это время прошла по направлению железн. дороги Царицын-Великокняжеская-Торговая-Тихорецкая более 200 верст и начала нависать над р. Манычем, угрожая разорвать пути сообщения Северного Кавказа с Доном. К тому же, пребывание Деникинцев на Украине — в Таврии и в Екатеринославской губ. — зимою 1919 г. вызвало в населении такое раздражение и ненависть, такое желание ликвидировать Деникинцев, что большевики смогли использовать такое отношение населения к Добрармии и к марту месяцу бросили на фронт Юзовка-Мариуполь более чем 10 тысяч бойцов под руководством известного Махна (Деникин эту группу войск определяет в 20—25 тысяч, см. т. V, стр. 74).

Говорят, что чувство чести, сознание своего долга, уменье держать данное слово и исполнять принятые на себя обязательства воспитываются в офицерах и им присущи в наибольшей степени. Насколько эти весьма ценные качества офицера были свойственны главнокомандующему вооруженными силами Юга России и его штабу, а также Кубанскому Атаману ген. Филимонову и кубанскому военному министру ген. В. Науменко, видно из явного обмана населения Кубани и Казачества вообще, допущенного этими русскими офицерами в

вопросе об организации Кубанской армии. Как мы уже говорили, 29 января 1919 г. Кубанское правительство Ф. Сушкова об'явило, что через несколько дней Кубань увидит свою армию; 1-го февраля Атаман Филимонов и военный министр ген. Науменко издали приказ: „С этого дня все вооруженные силы, выставляемые Кубанским Краем, об'единяются в Кубанскую армию"; ген. Деникин 3-го февраля говорил на Донском Кругу о существовании Кубанской армии, а в результате: прошел месяц тяжелых испытаний для Казачества, Кубанские полки перебрасывались на север, но Кубанская армия не организовывалась, и о ее существовании уже и не упоминалось.

Главнокомандующий ген. Деникин, Атаман ген. Филимонов, военный министр ген. Науменко и все их русские единомышленники обманули многострадальную Кубань в момент наивысшего напряжения всех сил кубанских казаков в борьбе против русского большевизма.

Казачество переживало страшные времена: огромная территория Донской земли была уже в руках красных, на фронте Донецкого бассейна, р. Донца и между реками Салом и Манычем скопилось несколько русских красных армий, решивших добить Казачество, а в это время на Казачьей Земле казачьими военными силами руководили русские генералы, обманывавшие казачью массу и губившие казачье освободительное движение (см. схемы: 2—5).

Весенняя кампания.

Начавшаяся в феврале 1919 г. перевозка Кубанских и Терских дивизий на Дон вызвала в Москве большое волнение. 20-го февраля за № 1038/Н главнокомандующий вооруженными силами Сов. России, Вацетис, телеграфировал командующему противоукраинским фронтом, Антонову-Овсеенко, между прочим следующее:

„После разгрома нашей Кавказской XI армии враг имеет возможность перевезти в Донецкий бассейн значительные силы, упорством которых задерживается наша успешная операция против Дона.

... На южном фронте имеется возможность в самое короткое время добиться решительных успехов на флангах фронта (Донецкий бассейн и р. Маныч). Прежде всего надо за всякую цену в ближайшее время победить врага в Донецком бассейне. Необходимые силы приказано там сосредоточить командующему южным фронтом, но для большей уверенности в решительной победе прошу вас выделить из состава украинского фронта все свободные силы и перевести их в Донецкий бассейн. Операцию в Донецком бассейне предполагается осуществить в ближайшие дни под непосредственным руководством команд. фронтом Гиттиса"... („Летопись Революции", 1931 № 1-2, стр. 112-113).

Как видим, для усиления 4-х красных армий, действовавших против Казачества, требовалась переброска большевицких войск, воевавших против Украины.

Командующий противо-украинским большевицким фронтом, Антонов-Овсеенко, наступал в это время одной бригадой Заднепровской дивизии в направлении на Крым, другая бригада (Махна) наступала на Бердянск и группа войск Григорьева — на Херсон и Николаев. Войска Григорьева 26 февраля взяли Херсон, 3 марта — Николаев и, наконец, 24 марта — Одессу.

На Крымском направлении 1-го марта большевики заняли Мелитополь, 14-го уже вступили в Крым, 27 марта взяли станцию Джанкой, а 5 апреля пал Севастополь.

На третьем направлении — 2 марта взяли Бердянск, 4 — Волноваху, 16 — Мариуполь и направились далее на Таганрог (там же, стр. 114-148).

Только самая узкая часть Крымского полуострова у Керченского пролива в начале апреля осталась в руках Деникина. Свою повесть о полном провале акции русских людей в сторону Украины Деникин заканчивает такими словами:

„Там, на Акманайских позициях, устроенные и переформированные в дивизию части бывшей Крымско-Азовской армии, поддержанные с Черного и Азовского морей огнем орудий русского и союзного флотов, главным образом, английских, в течение двух месяцев отстаивали упорно последний клочок Таврического полуострова“... (Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, стр. 66).

Ставка Деникина на союзников была проиграна. Еще недавно Деникин провозглашал населению Крыма: „... Мы пришли к Вам по дороге в Москву“ (см. „К населению Крыма от Добровольческой армии“ 23 января 1919 г.), еще недавно Деникин собирался перенести в г. Севастополь свою ставку, еще недавно он торжественно провозгласил существование Крымско-Азовской армии и в ее состав, а не в Донскую армию, включил дивизию Май-Маевского; еще недавно Деникин хвастался перед союзниками, что мобилизация населения в северной части Таврической губ. прошла успешно, а теперь белые русские вожди временно притихли на Казачьих Землях и за спиной казачьих полков продолжали делать свое дело.

Бои 1-й половины марта месяца.

Что делал в это время русский народ, от имени которого русские эмигранты продолжали лепетать во всех столицах государств Европы несвязные речи о его страшной ненависти к большевикам, о скорой победе белого движения и т. д.? Что делало красное русское Правительство, сидевшее в Москве?

28 февраля 1919 г. красный русский главнокомандующий приказал:

„Обстоятельства внешней и внутренней политики, а также стратегические обстоятельства на юге требуют в ближайшее время решительной победы над врагом в районе Донецкого бассейна и Северного Кавказа. Прежде всего ставлю категорическое требование разбить врага в районе Донецкого бассейна. Это есть задача общих усилий южного и украинского фронтов. Потому приказываю сосредоточить против Донецкого бассейна максимум войск для того, чтобы создать благоприятные условия для настоящего решительного боя для нас в отношении количественного превосходства над врагом. Действия должны иметь категорический и решительный характер... Непосредственное руководство операцией против Донецкого бассейна возложено на командующего Южным фрон. Гиттиса. №822/Ш."
(„Летопись Революции", 1931, кн. 1-2, стр. 114).

Подобные приказы красное командование повторяло и потом. Осуществляя эти требования, Гиттис приказал: 8-й армии сосредоточиться на участке Веселогородск—Луганск, Луганская—Митякинская для наступления на Новочеркасск, 9-й и 13-й в целях обеспечения наступления занять более широкие фронты, а именно: 9-й от устья р. Донца до Митякинской, а 13-й до Гундоровской включительно. (Егоров. Разгром Деникина, стр. 82). Вследствие этой директивы 8-я армия должна была с левого берега р. Донца переправиться на правый берег этой реки и вместе с левым флангом 13-й армии ударить в направлении Новочеркасск—Ростов.

В свою очередь, ген. Деникин 2-го марта дал армиям следующие основные задачи:

1) Продолжать переброску войск с Кавказа в Донецкий бассейн,

2) активно обороняясь на западном фронте Донецкого бассейна (ген. Май-Маевский), а также по р. Донцу и Дону (Донская армия), правым флангом Кавказской армии (кубанцы и терцы) и

левым флангом Донской нанести удар главной массе противника, направляя его на фронт Дебальцево—Луганск;

3) группе генерала Кутепова, по соредоточении, совместно с правым флангом Донской армии наступать в Царицынском направлении, имея ближайшей целью отбросить большевиков за р. Сал. (Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, стр. 75-76).

В состав ударной группы Деникин ввел корпуса генер. Коновалова (донцы), ген. Покровского (кубанцы и донцы) и ген. Шкуро (кубанцы и терцы). Как видим, ударная группа составлялась исключительно из казачьих частей трех Войск: Кубанского, Донского и Терского.

„Таким образом, говорит большевицкий исследователь военных действий Егоров, обе стороны имели одну и ту же цель, что определяло весьма упорный характер борьбы на Донецком театре военных действий в продолжение всей весны 1919 г.“ (цит. работа Егорова, стр. 82).

На фронте Дебальцево—Луганск началось состязание сил России с силами Казачества. Для решительного удара на сравнительно коротком фронте красная Россия сосредоточила в то время весьма большие силы, а белое командование для нанесения контр-удара поставило не добровольцев русских, героизм которых Деникин и прочие русские пропагандисты превозносят до небес, а стальные казачьи полки.

Уже в конце февраля части войск большевицкой ударной группы повели наступление со стороны г. Луганска по правому берегу р. Донца, ведя фронтальные атаки на донскую группу войск ген. Коновалова. При чем 8-я большевицкая армия начала переправляться в районе ст. Калитвенской на правый берег р. Донца с целью захватить железно-дорожные узлы Зверево—Лихая, находившиеся в тылу войск ген. Коновалова. Несмотря на все огромные усилия красного командова-

ния провести намеченную операцию и захватить Новочеркасск, большевицкие полки встречают героический отпор со стороны воспрянувших духом донских полков. 28 февраля донские войска разгромили и отбросили за р. Донец большую группу большевицких войск, переправившихся в районе ст. Калитвенской на правый берег р. Донца. 28 февраля — 6-го марта донские части вели весьма упорные бои с наступающими русскими большевицкими полками в районе Дуванной, Таловой, Липовки. 6-го марта у Большого и Малого Суходола донцы разгромили 6 лучших большевицких полков, обратили их в бегство и преследовали до темноты. О тяжести этих боев свидетельствуют сводки, говорящие о многократных штыковых атаках. 8-го марта на этом фронте большевицкие атаки замерли. Большевицкий прорыв в этом районе не удался. Станции Зверево — Лихая надежно были прикрыты донскими частями. Еще 4-го марта донские части группы ген. Коновалова и отряда Тусевича занимали большой район от станицы Каменской до станции Колпаково.

В первых числах марта в районе Ровеньки—Должанская сосредоточились полки под командованием ген. Покровского. Одновременно с упорным наступлением в Луганском районе, советское командование начало подготовлять операцию по прорыву между группой, обороняющей каменноугольный район, и Донской группой, прикрывавшей узел Зверево — Лихая. План этот, в случае успеха, сулил советскому командованию большие результаты, так как дал бы ему свободу маневрирования против флангов обеих наших групп, что могло бы принудить нас к очищению каменноугольного района и района, прикрывающего узел Зверево—Лихая. Слабой стороной этого плана было то, что, продвигаясь на юг, красные подставляли свой левый фланг под удары Донских частей из Луганского района. Советское командование учитывало эту опасность и, не добившись оттеснения Донских частей на восток, прикрылось с этой стороны сильным заслоном.

К 6-ому марта, сосредоточив огромные силы и технические средства, красные начинают наступление на шестидесятиверстном фронте от ст. Фащевки до сл. Павловки (оба пункта по жел. дороге Дебальцево — Зверево).

Наступление это на участке сл. Картушино — Павловка — хут. Курячий (к северу от. жел. дор. участка Щетово — Ровеньки) разбивается в пятидневных боях, с 7-го по 12-ое марта, о железную стойкость Кубанских частей, и 12 марта натиск красных в этом районе ослабевает. (Данные взяты из военного обзора, помещенного в № 9, за 20 марта 1919 г., в газете „Кубанское Слово").

Как видим, большевицкая ударная группа, состоявшая из лучших московских войск центра и левого фланга 13-й большевицкой армии и всей 8-и армии, разбилась о стальные казачьи полки. Только на фронте ген. Май-Маевского большевики имели успех: 4-го марта партизаны „батька" Махна взяли узловую станцию Волноваха и направились далее в обход левого фланга корпуса ген. Май-Маевского в общем направлении на ст. Иловайскую и на г. Таганрог. В центре корпуса ген. Май-Маевского большевики взяли станцию Гришино, и 4-го марта уже шли бои за обладание станцией Юзово. В этот же день было приказано подготовить к эвакуации и г. Дмитриевск, находящийся к востоку от ст. Юзовка. Серьезное поражение понес корпус ген. Май-Маевского и на правом фланге, где большевики успели захватить линию Дебальцево-Чистяково и направлялись уже на станцию Иловайская с северо-востока.

Как видим, корпус ген. Май-Маевского за весьма короткий промежуток времени успел понести весьма серьезное поражение на обоих флангах и в центре, при чем противник уже охватывал оба фланга этого корпуса.

Ген. Деникин, восхваляя боевую деятельность этого корпуса в описываемый период боев, говорит:

„На западном фронте в совершенно исклю-

чительной обстановке корпус ген. Май-Маевского (на крайнем левом фланге его в районе Мариуполя был сводный отряд ген. Виноградова из сводно-гвард. полка и частей бывшей на Дону расформированной „Южной армии") вел „железно-дорожную" войну.. Пользуясь густою сетью жел. дор. Донецкого бассейна, он занимал небольшими отрядами важнейшие пункты по линии фронта и держал в тылу на узловых станциях бронепоезда и в вагонах подвижные резервы, которые бросались в угрожаемом направлении, с тем, чтобы на другой день, иногда в тот же, переброситься в противоположный конец фронта. У противника создавалось впечатление нашей силы... Недели, месяцы — по всему фронту гремели выстрелы, станции переходили из рук в руки, лилась кровь, Добровольческие части таяли, но продолжали бороться.

Волна советских войск, захлестнувшая уже северную Таврию, заливавшая Донецкий бассейн, спадала опять — разбитая и распыленная". (Деникин. Очерки русской смуты, т. V, стр. 76).

Если поверить этому повествованию, получится впечатление, что добровольческие части сами успешно защищали обширный Донецкий бассейн, что „волна советских войск, захлестнувшая уже северную Таврию, заливавшая Донецкий бассейн, спадала опять — разбитая и распыленная" именно доблестью войск ген. Май-Маевского.

Как было дело в действительности, а не в изложении ген. Деникина?

Мы уже отметили выше, основываясь исключительно на распубликованных и еще не распубликованных документальных данных, что в первых числах марта 1919 г. именно корпус ген. Май-Маевского понес весьма серьезные поражения, в результате которых он тогда уже был охвачен большевиками с обоих флангов и далеко отступил в центре. Станцию Юзовку, что лежит

на самой границе Донской Области и Екатеринославской губ., ген. Май-Маевский занимал с декабря 1918 г. Штаб ген. Май-Маевского находился на узловой станции Криничная. Как видно из оперативной сводки за 4 марта, Юзовка в этот день переходила из рук в руки и город Дмитриевск, находившийся, примерно, в 15 верстах к югу от ст. Криничная и в стольких же верстах к востоку от ст. Юзовка, готовился к эвакуации. Эти факты свидетельствуют о том, в каком критическом положении находились войска ген. Май-Маевского.

Из выше приведенных слов Деникина видно, что из этого весьма тяжелого положения корпус ген. Май-Маевского вышел собственными усилиями.

Правду ли пишет ген. Деникин?

За ответом обратимся к документальным данным. 9-го марта 1919 г. временно командующий Кавказской армией, русский ген. Юзефович, издал следющий приказ:

„Генералу Покровскому — Должанская. Генералу Шкуро — Ровеньки. Ввиду продвижения противника в обход правого фланга 2-го армейского корпуса (ген. Май-Маевского) и создающейся угрозы линии Иловайская, приказываю группе ген. Покровского в составе: 2-я Донская, 1-я Кубанская, 1-я Кавказская и 1-я Терская дивизии и отряда полковника Тусевича отбросить противника, занимающего Суходол — Щетово, левым флангом нанести решительный удар противнику, прорвавшемуся за правый фланг 2-го армейского корпуса в направлении на Софьино — Бродскую и окончательно разгромить его, после чего выполнять основную задачу согласно директивы № 04069 по овладению фронтом Луганск — Алчевская. 9 марта 5 ч. 45 м. станция Ровеньки. № 04101/Б. Ген.-лейт. Юзефович".

Кубанские, Донские и Терские казачьи полки блестяще выполнили этот приказ. Уже 10-го марта Кубанцы и Терцы повели энергичное наступление и в тот

же день с боем вышли на линию Фомичевка — Есауловский, а к вечеру 11-го марта после упорных боев заняли Приют — Софьинобродскую — Снежинский и т. д.; 12-го Кубанцы и Донцы разгромили 41 большевицкую дивизию и захватили дивизионный лазарет и канцелярии 2-го, 4-го и 10-го полков.

Русское командование казачьими боевыми силами, видя чрезвычайную слабость корпуса ген. Май-Маевского, 14 марта издало следующий приказ:

> „Ввиду серьезности сложившейся на фронте 2-го армейского корпуса обстановки, командарм приказал: 1) с получением сего передать в подчинение генерала Май-Маевского группу генерала Шкуро в составе 1-й Кавказской и 1-й Терской дивизий, 2) генералу Май-Маевскому в меру возможности удерживать ныне занимаемый фронт, чтобы дать возможность сказаться результатам ударов, наносимых генералами Коноваловым и Покровским. Ростов. 14 марта 1919 г.“.

Как видим, 1) на Донские и Кубанские полки Коновалова и Покровского и далее возлагалась наиболее ответственная при той боевой обстановке задача — разбить ударную большевицкую группу в составе большей половины 13-й и всей 8-й армий (овладеть фронтом Луганск — Алчевская), 2) в то же время эта казачья ударная группа теперь значительно ослаблялась путем передачи 1-й Кавказской Кубанской и 1-й Терской дивизий в распоряжение ген. Май-Маевского и 3) ген. Май-Маевский должен был только „в меру возможности удерживать ныне занимаемый фронт, чтобы дать возможность сказаться результатам ударов, наносимых генералами Коноваловым и Покровским“.

Если мы припомним, что главнокомандующий вооруженными силами красной России, Вацетис, еще 20 февраля приказывал:

> „За всякую цену в ближайшее время победить врага в Донецком бассейне“,

что 28 февраля он же приказывал:

„... Прежде всего ставлю категорическое требование разбить врага в Донецком бассейне“, что командующий Южным большевицким фронтом, Гиттис, собрал ударный кулак в районе г. Луганска и приказал наступать на Новочеркасск — Ростов, если к тому же добавим, что красное командование категорически требовало от командующего Южным фронтом занять Новочеркасск — Ростов обязательно к 12 марта (см. Гражданская война 1918-1921), если эти задачи сопоставим с тем, что в действительности происходило на поле русско-казачьей брани в первой половине марта, мы можем констатировать, что все усилия красных армий Южного фронта разбились о доблесть и героизм казачьих полков. Там, где большевики наносили главный удар — линия г. Луганск — Новочеркасск, — они не достигли цели. Больше того, видя плачевные результаты больших усилий своих армий, Москва явно заколебалась в своих намерениях, и главное командование телеграммой № 155 14 марта приказывает южным армиям перейти... к обороне (Егоров. Разгром Деникина, стр. 83).

Таковы были первые результаты столкновения русских сил с об'единенными казачьими силами трех Войск.

Бои 2-й половины марта 1919 г.

Однако, совершенно неожиданные для советского командования успехи красных украинских партизан на фронте корпуса ген. Май-Маевского и особого отряда ген. Виноградова, достигнутые в феврале-марте месяцах, настолько ободрили командующего Южным фронтом Гиттиса, что он решил не выполнять приказание Москвы о переходе к обороне и наметил новый план боевых действий на подчиненном ему фронте: он решил обрушиться двойным охватом через Рутченково (южнее Юзовки) и Колпаково на более слабый корпус ген. Май-Маевского, выставив заслон со стороны казачьих войск Покровского. 15 марта Гиттис прика-

зал 13-й армии перейти в наступление с рассветом 16 марта (Егоров. Разгром Деникина, стр. 83).

По поводу этой операции ген. Деникин говорит: „В середине марта, после переброски новых крупных советских сил, наступление на этом фронте возобновилось с особенной силой в направлении Дебальцева, Гришина и Мариуполя... Мы оставили Юзово, Долю, Волноваху, Мариуполь“ (Деникин. Очерки, V, 76). Словом, на всем протяжении фронта от Дебальцево до Азовского моря войска Май-Маевского и Виноградова отступали. Приказ Гиттиса о переходе в новое наступление с 16-го марта сулил большевикам, видимо, успехи.

Однако, радужные надежды большевицкого командования вскоре рассеялись.

В то время, когда Май-Маевский и Виноградов отступали на фронте Мариуполь — Дебальцево, казачьи дивизии на фронте Дебальцево — р. Донец совершенно неожиданно для большевицкого командования перешли в самое решительное наступление на фронте около 100 верст и скоро расстроили планы большевицкого командующего Южным фронтом Гиттиса. По поводу действий казачьих частей в это время в большевицкой военной литературе читаем, например, следующее:

> „... Этот контр-маневр противника (казаков) срывает намеченную операцию. Части 8-й армии (две дивизии) вынуждены изменить свое направление, и вместо действий против Май-Маевского с севера они бросаются командованием Южного фронта на Луганское направление против Покровского.
>
> В свою очередь изменение плана намеченной операции поставило 13 армию и группу Махна в тяжелое положение“ (Егоров, стр. 84).

После ряда весьма упорных и тяжелых боев Донцы 18 марта ворвались в г. Луганск, а Кубанцы заняли Штеровку, Петровеньки, Поповку и Красный Кут.

19-го марта „в связи с развивающимися успехами Донцов и Кубанцев ген. Май-Маевский не приводит в в исполнение своего решения об отводе войск западного участка". В тот же день Май-Маевский приказал дивизии Шкуро взять Дебальцево. На помощь Май-Маевскому передается 2-й Донской пластунский батальон, отправленный из Ростова.

20 марта большевики перебросили в район г. Луганска значительные силы и оказывали упорное сопротивление, ведя ожесточенные контр-атаки. В этом районе действовали 1-я, 2-я и 8-я Донские дивизии. Ударная группа Коновалова, атакованная 20 марта превосходными силами противника, после упорнейших боев и контр-атак принуждена была отступить на линию Николаевка — Глафировка — М. Николаевка — Орехов. Части понесли большие потери.

Кубанцы Покровского заняли Фащевку — Городище. Противник старался охватить правый фланг Покровского, и требовалась срочная помощь Донцов из Николаевки.

В районе ст. Горловка — с. Государев Буерак Кубанцы и Терцы 20 марта лихими конными атаками опрокинули и рассеяли до 6 полков пехоты красных.

21 марта противник силою до 3-х дивизий перешел в наступление на фронте Анновка — Селезневка — Адрианополь — Чернухино, развивая его особенно интенсивно на участке Уткин — Городище — Фащевка. Вынужденные оставить Городище, Кубанцы сами перешли в наступление, выбили противника из Городища и гнали его до Адрианополя.

22 марта отмечены весьма тяжелые бои на фронте 1-й Кубанской дивизии с большевицкими полками, наступавшими на Колпаково.

После ряда упорнейших встречных боев сопротивление большевицких армий снова было сломлено, и 26 марта Донцы энергично наступали в общем направлении Шмиттовка — Родаково, а Кубанцы на Алчевскую — Алмазную.

Казачий рейд.

Обратимся теперь к западному фронту Донецкого бассейна. Под ударами партизан „батька“ Махна и 7-й красной дивизии ген. Май-Маевский и ген. Виноградов оставили железно-дорож. линию Юзовка — Мандрыкино — Доля — Волноваха — Мариуполь. Несмотря на блестящие победы казачьих дивизий на стоверстном фронте от Дебальцево до Луганска, части ген. Май-Маевского не были в силах оказывать необходимое сопротивление красным партизанам, хотя здесь и была сосредоточена „надежда России — Добровольческая армия“ (слова из Указа Донского Круга 4 февраля 1919 г.). Эта „надежда России“ представляла из себя остатки Крымско-Азовской и Южной армий, как-то незаметно прекратившихи свое существование. Махно тем временем занял ст. Ново-Николаевскую, что лежит между Мариуполем и Таганрогом, захватил Безымяновку, Бешево и уже находился в 7 верстах от Кутейниково. Единственная железная дорога, идущая на север от г. Таганрога, оказалась, таким образом, под непосредственной угрозой захвата противником. Для охраны жел. дороги Таганрог — Иловайская пришлось срочно перебросить Донской батальон.

Что мог сделать ген. Деникин в это время для оказания помощи добровольческим полкам? — Деникин дал „задачу коннице Шкуро ударить по тылам западного фронта“ и тем, собственно, спасти полки ген. Май-Маевского. (Деникин, V, 76). Только 17 марта Кубанцы и Терцы корпуса Шкуро взяли ст. Дебальцево и выручили из беды правый фланг Май-Маевского, а 20 марта „лихими конными атаками, как говорит сообщение Кавказской армии, опрокинули и рассеяли до 6-ти полков пехоты красных“ в районе станции Горловка. Далее сводка штаба Кавказской армии сообщает о том, что 22 марта „доблестные Терцы и Кубанцы лихими атаками выбили противника из Скотоватой и Новобахмутов-

ской, после чего добровольцы окончательно закрепили эти пункты за нами".

Просто замечательное сотрудничество двух сил — русской и казачьей: казаки лихими конными атаками выбивают пехоту противника, а добровольцы „окончательно закрепили эти пункты за нами". Если бы казаки выбили противника из самой Москвы, то, очевидно, добровольцы не отказались бы и Москву „закрепить окончательно".

23 марта Кубанцы и Терцы заняли Никольское и в тот же день — Очеретино. Офиц. сообщение штаба главнокомандующего Вооруж. Силами Юга России от 26 марта 1919 г. сообщало:

> „В Юзовском районе с утра 24 марта Терские и Кубанские части, перейдя в наступление от с. Никольская, вышли в глубокий тыл красным, расположенным на линии ст. Юзово—Юзовка — ст. Караванная, и заняли села Красная Горка, Старо-Михайловка, Марьевка, ст. Доля и с. Еленовка"; 25 марта заняли Владимировку и Благодатное..."

Потом казаки заняли г. Мариуполь, дошли до реки Берды и заняли Стародубовку и Николаевку на этой реке.

Сообщение штаба Кавказской армии говорит:

> „В связи с блестящими действиями Кубанцев и Терцев добровольческие части к вечеру 25 марта выдвинулись на линию: станция Юзовка-селение Красная горка-станции Мандрыкино и Доля, вновь овладев таким образом Юзовским районом".

Словом, из Скотоватой казаки выбили противника, а русские добровольцы „закрепили" этот пункт; казаки взяли у противника Мандрыкино и Долю, а после этого этими же станциями добровольцы „овладели". Даже ген. Деникин принужден признать большое значение этого казачьего рейда по тылам противника:

> „В течение двух недель — с 17 марта по 2 апреля — он (Шкуро) прошел от Горлова до

Азовского моря, наводя страх на большевиков, разогнав, порубив и взяв в плен несколько тысяч человек, бронепоезда и другую военную добычу... По мере продвижения конницы и одновременно с нею переходили в наступление войска генералов Май-Маевского и Виноградова, вновь занимая утерянную временно линию" (Деникин, V, 76—77).

Почему казачьи конные полки в короткое время могли ликвидировать целый большевицкий фронт от Горловки до самого Азовского моря, могли брать бронепоезда, пушки, пулеметы, тысячи пленных и т. д. именно у тех войск, перед которыми отступила Крымско-Азовская армия, перед которыми отступала часть этой армии — войска Май-Маевского?

Казачий удар по тылам большевицких войск вызвал небывалый переполох среди большевицких верхов. Беспрерывно стучал телеграф. Сам Ленин требовал от командующего противоукраинским фронтом Антонова-Овсеенко немедленной посылки против казаков двух новых дивизий (около 30-ти тысяч человек). Но у Антонова-Овсеенко не было резервов. Велись усиленные переговоры о том, что можно послать против казаков с Крымского, Румынского и западного фронтов. Командующий 2-й украинской большевицкой армией Скачко так характеризовал конницу Шкуро:

„На Волновахівському напрямку ворога діє корпус Шкуро. 5000 чудової дисциплінованої кінноти з кубанців і горців, що не піддаються полігичному розкладові. За літньої години та в нашому степу сама піхота навіть в четверній кількости упоратися з такою кіннотою не може"... („Літопис Революції", 1931, № 4, ст. 85).

И далее читаем:

„... Ворог узяв Маріуполь... фронт від Гришина до Бердянського відкритий і ворогові тут шлях вільний аж до Перекопа та Олександрівського.

> Дибенко — командуючий Кримським фронтом — називає стан катастрофальним. Я повторюю теж... Я попереджаю, якщо за три дні мені не дадуть 4 піших полки, два кінних та двох артилерійських дивізіонів, то Бердянськ—Пологи, а може й Олександрівськ ворог візьме"... (Там же, стр. 87—88).

Москва приказала всю 2-ю армию со штабом в Екатеринославе на Днепре подчинить командующему Южным фронтом Гиттису. Одновременно с этим с противоукраинского фронта у Житомира была взята большевицкая бригада Покуса, из района Одессы взяли наскоро Вознесенский полк, из Николаева — две батареи, из Знаменки — 5-й конный полк и т. д., и все это спешно направлялось на усиление противоказачьего фронта.

Командующий 2-й армией 5-го апреля сообщал:

> Фронт від Маріуполя до Оленівки (Еленовка) зовсім оголений, бо бригади Махна майже немає и т. д. (там же, стр. 92).

8-го апреля на категорическое требование Главкома Вацетиса послать войска в Донецкий бассейн командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко ответил следующей телеграммой:

> ... „Из оперативных сообщений понятно было положение: бригада Махна своим наступлением оттянула на себя корпус Шкура и теперь разбита, как и 9-я дивизия. Все, что можно, снимается с Киевского и Одесского направлений; но это делу не поможет, если не разовьется наступление 8-й армии"...

В тот же день, 9-го апреля, теперь уже сам Ленин снова требовал подачи немедленной помощи на фронт Донбасс-Мариуполь и снова требовал организации похода на Таганрог и Ростов. (Там же, стр. 99. Нужно сказать, что только распубликованная переписка между большевицкими главарями по поводу прорыва большевицкого фронта казаками занимает около 30 страниц печати в „Літописі Революції" за 1931 г.)

Как видим, Кубанцы и Терцы корпуса Шкуро 17 марта взяли Дебальцево, 20 марта разбили и рассеяли до 6-ти полков пехоты красных в районе Горловки-Государева Буерака (верстах в 25 к западу от Дебальцево) и далее прошли по тылам большевицких войск до г. Мариуполя, до р. Берды.

Кто же спас добровольческие полки Май-Маевского во второй половине марта 1919 г.? О чью доблесть разбились 8-я и 13 армии и группа войск Махна, в общем 40-50 тысяч штыков и сабель, на длинном фронте Луганск-Дебальцево-Горловка-Доля - Волноваха-Мариуполь? Ответ совершенно ясен: о грудь Казачества разбился новый бешеный натиск русских армий, бросаемых в бой Лениным, Вацетисом, Троцким, Гиттисом и многими другими тогдашними красными вождями русского народа.

И не только удары доблестных казачьих полков на длинном фронте от р. Донца до р. Берды спасли положение. Много помогло и восстание донских казаков в Верхне-Донском округе. По поводу этого восстания находим следующие суждения у русских исследователей противоказачьей борьбы:

> „...Неудача этого наступления весьма тяжело отразилась на положении Южного красного фронта, так как во время она совпала с началом казачьего восстания в тылу, в районе станиц Вешенской и Казанской. Это восстание было поднято тем казачеством, которое в конце 1918 г. выразило покорность советской власти... Восстание подобно масляному пятну ширилось во все стороны от этих станиц. Оно сильно ограничило оперативные возможности Южно-русского фронта. Для борьбы с повстаньем пришлось последовательно выделить из состава 8-й и 9-й армий до 14.000 штыков и сабель“ (Гражданская война 1918—1921, т. III, стр. 234).

Как видно из этой большевицкой оценки значения восстания в Верхне-Донском округе, оценки, кстати ска-

зать, сделанной более чем через 10 лет после описываемых событий, это восстание скоро приняло грозные для большевиков размеры и принудило большевицкое командование снимать с фронта 8-й и 9-й армий большие силы. Было бы совершенно естественным, целесообразным и разумным немедленно использовать успехи этого казачьего восстания, как в интересах скорейшего освобождения Дона от русских оккупационных войск, так и в интересах борьбы против красной России вообще. И снова и снова мы принуждены отметить, каким великим несчастьем для Казачества, какой глубокой трагедией его была передача в русские руки руководства военными силами Казачьих республик. Разве даже теперь, через много-много лет после героической борьбы Казачества против красной России, разве можно без содрогания душевного вспоминать о несчастных временах союза Казачества с белой Россией!

Север Дона снова воспрянул духом и восстал против красных. Верхне-Донской округ пылал восстанием, в котором приняло участие поголовно все казачье население. Люди умирали в неравном бою с красными полками, но не сдавались. В это самое время Кубанцы и Терцы прорвались в тыл 13-й армии и группы войск Махна и под ударами их дрожала широкая украинская степь до Перекопа и Днепровских порогов; все большевицкие центры охватило большое смятение и страх перед успехами казачьего оружия. Как мы видели, командующий 2-й армией Скачко слал во все концы самые панические телеграммы. Ленин требовал от Антонова-Овсеенко посылки новых войск против казаков, а Антонов-Овсеенко, как командующий противоукраинским фронтом, телеграфировал Ленину о том, что посылка подкреплений с Киевского и Одесского направлений „делу не поможет, если не разовьется наступление 8-й армии“ (см. выше). Именно в это время 8-я армия была разбита Донцами и Кубанцами в районе Луганска.

Что происходило в это время в казачьем тылу, где пребывало военное и политическое руководство такой

ужасной русско-казачьей войной? Для характеристики приведем тут несколько документов, этих немых, но красноречивых и об'ективных свидетелей о событиях прошлого.

21-го марта Донское командование предложило Деникину, как главнокомандующему вооруженными силами Юга: сосредоточить в районе ударной группы ген. Коновалова и ген. Покровского все, что можно, и раздавить Луганско-Алчевскую группу противника, после чего развить успех на левом берегу р. Донца, где Донские войска перешли с правого на левый берег этой реки. При этом, как гласит телеграмма, имелось в виду достигнуть если не полного вывода сил противника из строя, то во всяком случае значительного их расстройства, после чего операция на левом берегу Донца будет легко выполнена за отсутствием у противника свежих частей... Для выполнения этой операции организуются три группы: 1) Коновалова в составе 2-й и 8-й дивизий, 2) 4-й корпус генерала Дукмасова и 3) 1-я дивизия ген. Абрамова. К этой операции предположено приступить 25, а если удастся, то и 24 марта.

Словом, Донское командование предложило немедленно начать наступление в северо-восточном направлении, предварительно раздавив Луганско-Алчевскую группу большевиков. В тот же день, 21 марта, Донское командование телеграфировало штабу Деникина в Екатеринодар:

„Наштаглав — Екатеринодар, копия Командарм Кавказской армии — Ростов. Разрастающееся восстание в районе Верхне-Донского округа, о чем имеются документальные данные, при мощном нажиме на фронте противника вдоль железной дороги Каменская-Милерово может повести к полной катастрофе всего фронта красных в Донской области. Удачно начатая переправа через реку Донец западнее Каменской и продвижение частей на север в этом районе дают возможность рассчитывать на успех наступления в Мил-

леровском направлении. Для выполнения этой операции, конечно, предварительно разбив Луганскую группу противника, необходимы резервы, главным образом, из молодых частей, почему Командарм (командующий Донской армией) усиленно ходатайствует о срочном освобождении частей Пластунской бригады (Донской), находящейся ныне в районе Иловайская—Ростов, а также о возвращении 42 пешего (донского) полка есаула Назарова, временно переведенного в распоряжение Юзефовича (врем. командующий Кавказской армией, в состав которой входили Кубанские и Терские дивизии, группа Май-Маевского и отряд Виноградова). Части эти необходимо направить по жел. дороге в г. Новочеркасск, где они получат дальнейшие указания. О последующем прошу уведомить. № 2164/К. Наштарм Дон геншт. Кельчевский."

В тот же день ген. Юзефович сообщил Деникину в Екатеринодар, что Донское командование категорически просит возвращения на Донской фронт 1-й Пластунской Донской бригады, составлявшей гарнизон г. Ростова, где находился штаб Кавказской армии, из которой один батальон ныне направлен для усиления левого фланга группы Май-Маевского, и сводного полка, входящего в состав отряда ген. Виноградова. Далее Юзефович телеграфировал:

„Раз наступательная операция на Донском фронте будет решена, то я не могу не согласиться, что эти части настоятельно нужны Донскому командованию. Вместе с тем Кавказской армии не менее необходимо укрепить левый фланг группы Май-Маевского и при этом немедленно, иначе будет поздно, усилить ген. Виноградова и охрану линии Иловайская — Таганрог — Ростов, подвергающейся нападениям, поставить в Таганроге гарнизон, так как части, ныне расположенные в этом важном пункте, за таковой считать

нельзя и, наконец, если будет решена операция на Донском фронте, то придется поставить новый гарнизон в самом важном пункте для обеих армий — Ростове. Таким образом необходимо определенно и бесповоротно решить вопрос, операциям какой армии придается преобладающее значение — Кавказской или Донской, так как усиливать обе армии мы не в состоянии... Ростов. 21. III. 1919. № 04328. Юзефович.“

В этой же телеграмме Юзефович снова настаивал на сосредоточении главных сил на Царицынском направлении за счет ослабления всех остальных направлений.

Командующий Донской армией, ген. Сидорин, 23 марта телеграфировал свое крайнее удивление постановкой вновь вопроса о выборе главного направления, когда идут бои у Луганска — Дебальцева, и настаивал на усилении Покровского и Коновалова... Для Донцов же, ввиду восстания в Верхне-Донском округе, телеграфировал Сидорин, „удар на Миллерово приобретает особо важное значение“ (№ 2194/К).

Как видим из приведенных документов, казачьи полки не только приняли на себя удары главных большевицких сил на длинном фронте от Луганска до Дебальцево, не только исключительно своими силами казаки разметали большевицкий фронт от Дебальцево до Азовского моря (см. выше большевицкие документы по этому поводу и заключение Деникина), не только защищали фронт по р. Донцу от района г. Луганска до впадения этой реки в Дон, но казаки же несли гарнизонную службу в Ростове, оберегали жел. дорогу Ростов — Таганрог — Иловайская, казачий полк входил в состав отряда ген. Виноградова и т. д. При чем Донское командование принуждено было „категорически просить“ о передаче в Донскую армию Донских частей во время самых решительных боев в районе Луганска и на р. Донце. Донское командование сообщало Деникину в Екатеринодар о таком чрезвычайно важном событии, как восстание в Верхне-Донском округе,

при чем ссылалось при этом на документальные данные, чтобы рассеять всякие сомнения относительно правдивости сообщений об этом восстании; Донское командование указывало на то, что „при мощном нажиме на фронте противника вдоль железной дороги Каменская — Миллерово может повести к полной катастрофе всего фронта красных в Донской области“, а, значит, к освобождению всей Донской Земли от большевиков и т. д.

Разве могут быть сомнения в том, что Донское командование прекрасно было осведомлено о положении большевицкого тыла в пределах Донской Земли? Донское командование, настаивая на организации удара в сторону северных округов Дона, без сомнения, выражало общее желание всех Донцов, которые находились по сю и по ту сторону фронта на р. Донце. Продвижение войск в этом направлении не только несло освобождение разоряемым большевиками казачьим станицам Тихого, но теперь окровавленного Дона, но увеличивало боевые силы противобольшевицкой армии за счет казаков еще занятых большевиками станиц. О том, что предложение Донского командования было серьезно и срочно, свидетельствует сообщение этого командования о намеченном боевом составе ударной группы и даже дня ее выступления (см. телеграмму от 21 марта).

Несмотря на все, предложение Донского командования оказалось голосом вопиющего в пустыне. Поход на северо-восток был осуществлен только через два месяца. Этим промедлением воспользовалось большевицкое командование. Верхне-Донцы принуждены были только своими силами, при отсутствии необходимого количества вооружения, окруженные со всех сторон, защищаться от ударов во много крат превосходивших силы повстанцев сил красной России.

Новое восстание.

В конце марта Ставропольские крестьяне вновь подняли восстание против Деникинской власти. Об этом свидетельствует следующий документ:

„Атаманам Донского и Кубанского Войск, копия Уманская Атаману Ейского отдела, Великокняжеская генералу Павлову.

„Ставропольский губернатор доносит о восстании, вспыхнувшем в среднем Егорлыке — Лежанка. В Песчанокопскую направлен 1-й Лабинский (Кубанский) полк для усмирения Летницкого и Привольного, после чего он должен двинуться на Лежанку. Независимо от действий этого полка по приказанию Главкома прошу распоряжения о направлении для восстановления порядка в Лежанке гарнизонов ближайших станиц Донских и Кубанских. № 2307/К. Генерал Романовский“ (начальник Штаба Деникина).

В то время, когда казачьи полки с таким героизмом и доблестью, ценою обильно проливаемой казачьей крови, разбивали русские красные армии, политика Деникина вызывала восстания в казачьем тылу, и снова и снова за эту политику русских единонеделимцев — казачьих „союзников“ — приходилось расплачиваться казакам же.

Восстание горцев.

Деникин назначил ген. Ляхова главноначальствующим Терско-Дагестанского края с целью „вновь приобщить край к русской государственности“ (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 114). Вследствие этих мероприятий нового „собирателя земли русской“ уже в феврале 1919 г. с горцами началась открытая война. В Дагестане существовал противогорский фронт, а в другие районы Деникин посылал специальные экспедиционные отряды „для усмирений“. Для иллюстрации приведем сообщение о деятельности одного из таких отрядов:

... „Главные силы Балкарского экспедиционного отряда 1-го марта беспрепятственно дошли до Глубокого озера... В узком ущельи начался упорный бой... К вечеру, благодаря самоотверженной работе всех частей отряда, удалось сбить балкарцев и ночью занять Мухол и другие селения... Жители Балкарии бежали в глубь лесов и частью пробираются в Дигорию... Таким образом вся Балкария пройдена вдоль и поперек экспедиционным корпусом... („Приаз. Край“, № 59, 12. III. 1919.).

Стоит только хорошенько вдуматься в это короткое летописное сообщение, чтобы понять, какую политику проводил Деникин в горах Кавказа. Корпус-дивизия ген. Май-Маевского безнадежно отступал перед „бандами Махна“, а Деникин, опираясь на казачью силу, уже проводил русскую империалистическую политику на Кавказе и на Украине и последовательно и настойчиво губил то дело, ради которого потоками лилась казачья кровь.

Представители Кубанских горцев в Куб. Законодательной Раде публично категорически протестовали против участия казачьих воинских частей в войне против горцев. Представители казаков в Раде обещали принять все меры к тому, чтобы не допустить этой ненужной совершенно и взаимно гибельной войны между горцами и казаками.

Так трагичны были для Казачества первые три месяца пребывания русского генерала в роли Главнокомандующего казачьими вооруженными силами...

На основании русских данных мы отметили уже выше, что русское красное командование к 1-ому января 1919 г. мобилизовало 165.113 специалистов русской старой царской армии — офицеров, чиновников, врачей, ун.-офицеров и т. д.

Увеличивающаяся потребность фронта вызывала неизбежный рост числа мобилизованных специалистов упомянутых категорий, каковое, по данным мобилизационного управления, к 1 апреля 1919 г. дошло до 216.280 человек:

Название категории	Принято по мобилизациям на 1.IV.1919 г.
Бывших офицеров	28.410.
„ унтер-офицеров	165.191.
„ военных чиновников	2.919.
Врачей медиц. и ветеринарных . . .	4.395.
Фармацевтов и фельдшеров	15.365.
Всего:	216.280.

(Гражданская война 1918—1921, т. II. Военное искусство Красной армии. 1928, стр. 95).

Это были только кадры русской армии, которые обростали мобилизованными солдатами, рабочими и крестьянами России.

Стоит только сравнить силы красной армии, действовавшие на Юге, с русскими боевыми силами ген. Деникина, чтобы понять, какую трагедию переживало Казачество, попавшее в руки русских людей, тянувших его в Москву и принуждавших завоевывать Великороссию, обладавшую такими большими рессурсами живой силы и огромными техническими средствами.

Апрельские бои.

Большевицкое командование уже в половине марта убедилось в том, что направленный им из района Луганска на Новочеркасск — Ростов ударный кулак в составе 8-й и большей части 13-й армий не только не достиг поставленной ему цели, но в ряде упорнейших боев с казачьими войсками понес весьма серьезные поражения и потери. Как отмечено было выше, 18 марта Донские войска ворвались даже в самый г. Луганск, а

в то же время Кубанцы и Терцы победоносно пошли по тылам западного фронта от Горловки до Азовского моря.

Понесенные 9-й армией потери в февральских боях с Донцами на переправах через р. Донец и наступивший потом весенний разлив этой реки были причиной временного затишья на этом фронте в марте месяце. Когда же вода в Донце начала спадать, командование фронтом решило привлечь к участию в наступлении и 9-ю армию. 27 марта две большевицкие дивизии приступили к форсированию реки у ст. Каменской и ст. Белокалитвенской. Было направлено к переправам всего около 20-ти тысяч бойцов 9-й армии.

Кроме того, 8-я армия снова ударила на фронте Луганск — Дебальцево, а 10-я армия продолжала упорный нажим между реками Сал и Маныч. „Положение для обеих сторон достигло крайней степени напряжения“, говорит б. большевицкий командующий Егоров (цит. работа, стр. 88).

28 марта командование Донской армией обратилось к Деникину со следующей телеграммой:

„Противник форсировал Донец в районе хутора Перебойный и на участке между Гундоровской и Каменской развивает свой успех. За отсутствием резерва у Командарма Дон для ликвидации успеха противника, положение может сильно осложниться и повлиять на выполнение начатой уже операции в Луганском направлении. Командарм Дон просит распоряжения о безотлагательном освобождении Пластунской бригады (находилась в Ростове, см. выше) и направлении ее в район Сулин — Александро-Грушевск“. № 2304.

В тот же день Донское командование обратилось к Деникину и со следующей телеграммой:

„8-й Донской корпус деморализирован и самовольно переправляется у Раздор на правый берег Дона. 6-й корпус и Сводный корпус ослаблены до крайности. В районе Калитвенская — Репная красные наступают, противник продолжает переправляться на правый берег

р. Донца. Мы не могли ликвидировать переправу красных в районе Каменскя — Гундоровская.

Надо наступать в Сальском округе и уничтожить войска красных, переправившиеся через Донец. Сидорин".

Только теперь, 28 марта, Деникин позволил взять Донскую бригаду из Ростова и направить ее в Донскую армию. Но 29 марта командующий Кавказской армией, ген. Юзефович, телеграфировал Донскому командованию, что в Ростове нечем сменить Пластунскую бригаду, оставлять же железнодорожный мост и Ростов без караулов нельзя...

Было приказано ген. Кутепову, командующему Манычским фронтом, перейти в наступление против 10-й армии. 28 марта Кутепов сообщил, что Кубанцы из района Приютного (лежит на правом берегу Маныча, близко стыка границ Дон. обл., Астраханской и Ставропольской губ.) перешли в наступление за Маныч, а „Великокняжеская группа приступит к выполнению активного плана по выяснению результатов действий Кубанцев, наступавших на север от Приютного". Словом, ген. Кутепов не перешел в наступление в районе Великокняжеской, очевидно, ожидая, что большевики, почувствовав нажим Кубанцев на их тыл, сами начнут отступать из района Великокняжеской.

1-го апреля командующий Донской армией телеграфировал ген. Кутепову следующее:

„Генералу Кутепову, копия Мамонтову. Противник в составе конницы с артиллерией занял сегодня Богаевскую (станица Богаевская находится на левом берегу р. Дона, верстах в 20-25 к востоку от столицы Дона — Новочеркасска) и непосредственно угрожает Новочеркасску. Мамонтову приказано ликвидировать...

Крайне необходимо немедленное и энергичное наступление Ваших (ген. Кутепова) войск на Великокняжескую и в дальнейшем в долину р. Сала в район Орловки, чтобы облегчить наше положение".

Выше приведенные документы красноречиво говорят о том, что чрезвычайно ослабленная отступлением

за р. Донец Донская армия, после тяжелых февральских и мартовских боев, как на этой реке, так и в районе Луганска, снова попадала в тяжелое положение и в то же время не могла получить помощи со стороны добровольцев. Донцы принуждены были сражаться против трех красных русских армий — части 13-й и 8-й, всей 9-й и части 10-й — на длинном фронте от района Луганска до района станицы Великокняжеской. Своими силами донцы должны были ликвидировать новый переход 9-й армии через р. Донец, при чем они успешно справились с этой важной боевой задачей. По поводу этих боев ген. Деникин пишет следующее:

> ... „Но снятый с Луганского направления конный корпус полк. Калинина разбил и сбросил в реку большевиков у Каменской, и, повернув к Калитве, совместно с корпусом ген. Семилетова с таким же успехом повторил удар и здесь. Повторенные в первой половине апреля месяца попытки красных 9-й армии переправиться в низовьях Донца окончились также полной неудачей, и на этом фронте наступило затишье“ (Деникин, V, стр. 77).

3-го апреля было приказано: „группе Шкуро, ввиду блестящего окончания операции (см. выше: Казачий рейд) и обстановки на правом фланге, сосредоточиться к вечеру 5 апреля в районе Стила — Бешево (к юго-западу от станции Иловайская жел. дороги Таганрог — Харьков). В то же время ген. Деникин решил кубанский корпус ген. Покровского взять с фронта в Донецком бассейне и перебросить его на р. Маныч, где войска Кутепова не были в силах справиться с наступающей 10-й большевицкой армией. Донской армии было приказано своими войсками занять участок кубанского корпуса ген. Покровского, отправляемого на Маныч. 10 апреля командующий Донской армией, ген. Сидорин, просил Деникина не сменять войска Покровского донскими войсками ввиду необходимости ликвидировать прорыв у Каменской, но „главнокомандующий катего-

рически приказал немедленно сменить ген. Покровского донскими частями".

8-я русская армия воспользовалась некоторой заминкой на ее фронте в связи с перегруппировкой казачьих частей (уход ген. Шкуро на западный фронт, продвижение Калинина в район Каменской и Белокалитвенской, уход Покровского на Маныч и т. д.) и снова захватила фронт Дебальцево — Первозвановку. Против этой армии были пущены 12-13 апреля казачьи корпуса: ген. Шкуро в общем направлении Дебальцево — Славяносербск и ген. Калинина — на Луганск. 8-я армия была снова разбита казаками и в беспорядке отброшена на север.

По поводу этих боев у белых и красных русских читаем следующее:

У Деникина:

„Одновременно с переправой у Каменской, на Луганском направлении противник, воспользовавшись ослаблением там наших сил, продвинулся вперед, но переброшенные туда вновь корпуса Калинина (донцы) и Шкуро (кубанцы и терцы), совместно с другими левофланговыми частями Донской армии, в двадцатых числах апреля с большим уроном отбросили противника за р. Белую" (Деникин. Очерки, т. V, стр. 77).

У красных:

„На этом фронте 8-я армия была атакована ударной группой противника в составе конного корпуса Шкуро. Последний рядом последовательных ударов расшатал фронт 8-й армии и принудил ее осадить назад.

Во время этого отхода белым 22 апреля (5 мая по нов. стилю) 1919 г. удалось ворваться в г. Луганск. Гиттис пытался помочь 8-й армии ударом правого фланга 9-й армии на Зверево — Лихую... К 17 апреля противник отбил этот удар". (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 235).

Таким образом, и белые и красные русские люди сходятся в оценке того, что именно казачьи полки

вновь разбили 8-ю и 9-ю армии и не только не позволили им выполнить возложенную на них задачу, а отбросили эти армии в исходное положение.

Ввиду чрезвычайной важности этих боевых операций казачьих сил в Донецком бассейне, мы позволим себе привести здесь некоторые документальные данные, позволяющие сделать об'ективную и правильную оценку прошлых событий из истории борьбы Казачества против красной России. Для полной об'ективности мы приведем здесь официальные суждения трех штабов: Кавказской армии, Донской и штаба Вооруженных сил Юга России.

Официальное сообщение штаба Кавказской армии от 20 апреля 1919 г. говорит:

„19 апреля, прервав железно-дор. линию Дебальцево — Кодамов (Канатово), доблестные кубанцы и терцы после ряда кровопролитнейших боев заняли: хут. Тавричаный, ст. Петровеньки, ст. Штеровку и гнали противника в направлении на Родаково до Иллирии. Особенно упорные бои были с конницей противника... Таким образом, сочетанием ударов донцов, с одной стороны, и кубанцев и терцев, с другой, противник, стремившийся нанести нам удар в разрез между Донской и Кавказской армиями, разбит и постепенно отходит на север.

В Каменноугольном районе наши части по приказу оставили город Юзово, дабы не подвергать его обстрелу со стороны противника“.

Кроме признания больших побед казачьего оружия, в этом сообщении обращает на себя внимание факт оставления ген. Май-Маевским г. Юзово. Еще недавно, 26 марта, в официальном сообщении той же Кавказской армии говорилось о том, что „в связи с блестящими действиями кубанцев и терцев добровольческие части к вечеру 25 марта выдвинулись на линию станция Юзовка — селение Красная Горка, станция Мандрыкино и Доля, вновь овладев таким образом Юзовским районом“ (см. выше). В первой половине апреля корпус

Шкуро бросили на фронт Дебальцево — Луганск, и мы видим, что ген. Май-Маевский со своими добровольцами вновь отступил от г. Юзово, „дабы не подвергать его обстрелу со стороны противника". Чтобы вполне понять значение этого нового отхода добровольцев, надо припомнить и тот страшный разгром, который перед этим кубанцы и терцы нанесли большевикам на фронте Горловка-Азовское море, и то состояние большевицких частей этого фронта, о котором говорилось выше в связи с этим разгромом.

Официальная сводка Донской армии от 20 апреля дает следующую общую оценку мартовских и апрельских боев:

„Ряд серьезных операций на Кундрючевском, Калитвенском, Каменском и Луганском направлениях, предпринятый противником, сосредоточившим для этого громадные силы, в изобилии снабженные всеми техническими средствами, в период марта и апреля месяцев, потерпел полное поражение.

Ни сосредоточение красными громадных сил, ни изобилие технических средств, ни широкая агитация, ничего не помогло противнику, и все попытки красных прорвать наш фронт разбились о стойкость и мужество наших доблестных войск.

Огромные потери живой силой убитыми, ранеными и пленными, потеря большого количества артиллерии и пулеметов настолько деморализовали противника, что несколько дивизий красных, принимавших участие в боях, уже отведены за вторую линию для пополнения и приведения в порядок, а одна дивизия (41-я) совершенно уничтожена и остатки ее влиты в другие части".

О том же сообщение штаба Вооруженных сил Юга России говорит следующее:

„8-я советская армия, действующая в районе к югу от Луганска и к востоку от Дебальцево и пытавшаяся в течение последнего месяца прорвать фронт на стыке Донской и Кавказской армий, нашим стремительным ударом по ее тылам разбита и отступает на север. Же-

лезнодорожные узлы Щетово, Колпаково и Штеровка заняты донцами и вся линия желез. дороги Щетово-Фащевка очищена от красных.

В частях противника полная растерянность. Донцы генерала Калинина, кубанцы и терцы ген. Шкуро, своим выходом в тыл красных решившие участь боя, соперничают в проявлении доблести... Нашими частями захвачено много пленных и пулеметов и др. добычи".

21 апреля донцы взяли г. Луганск, и „красные в беспорядке отступают в разных направлениях, стремясь укрыться за р. Донец", говорит офиц. сообщение. И 22 апреля штаб Донской армии констатирует:

...„Таким образом, операция, начатая в пятнадцатых числах апреля на этом направлении, благодаря дружной совместной работе наших войск (донцов, кубанцев и терцев) увенчалась полным успехом".

Эти победы были достигнуты над той самой 8-й армией, на которую большевицкое командование возлагало такие большие надежды, и даже командующий противоукраинским фронтом, Антонов-Овсеенко, как мы отметили выше, говорил, что без наступления 8-й армии победы одержать нельзя.

Что происходило в это время на фронте корпуса Май-Маевского?

В начале апреля приказом ген. Юзефовича, врем. команд. Кавказ. армией, в состав этого корпуса была включена 2-я Кубанская пластунская бригада, 15 апреля ген. Врангель вступил в командование Кавказской армией, в состав коей входили: отряд ген. Виноградова, корпус ген. Май-Маевского и корпус ген. Шкуро.

Еще перед этим, 12 апреля, всей Кавказской армии было приказано перейти в наступление. Уже 14 апреля кубанцы и терцы Шкуро прорвали у Дебальцево фронт противника и гнали части 8-й армии на север и на северо-восток. В это самое время корпус Май-Маевского

начинает постепенно осаживать назад и около 20 апреля оставляет Юзовку.

В то время, как донцы, кубанцы и терцы в казачьем боевом порыве сметали перед собой полки 8-й русской армии (см. выше офиц. сообщения трех штабов), ген. Май-Маевский отступал перед полками Махна, недавно ещи разбитыми кубанцами и терцами. Врангель воспользовался затруднительным положением на фронте и категорически потребовал полного подчинения себе той части Донской Земли, на которой действовала Кавказская армия. Вследствие этого 20 апреля ген. Деникин обратился к Донскому Атаману, ген. Богаевскому, со следующей телеграммой:

„Донскому Атаману. Положение Донского фронта признаю грозным. Не время спорить об автономиях. Нужна победа. Командаркав (командующему Кавказ. армии) предоставляю осуществлять свои права в пределах полевого управления войск во всех тех случаях, когда того потребует обстановка. № 05402. 20-IV-1919. Деникин."

Это было явное нарушение прав ВВД: Донская территория со всем населением передавалась в полное и бесконтрольное распоряжение ген. Врангеля. Подобный прием был применен ровно через полгода в отношении Кубани при подготовке известного ноябрьского переворота.

20 апреля ген. Врангель приказывал корпусу ген. Шкуро: „Напречь все силы и оказать поддержку донцам по овладению Родаковым, после чего действовать в общем направлении на Алчевское-Никитовку", значит в тыл большевицким войскам, нажимавшим на корпус Май-Маевского с севера, в общем направлении железной дор. Харьков-Никитовка-Таганрог.

24-го апреля донцы взяли Родаково, и в тот же день Врангель требует от Донского командования наступления и донцов на ту же Никитовку, в тыл большевикам, действовавшим против Май-Маевского.

25 апреля кубанцы и терцы Шкуро разгромили к югу от Родаково 100 и 105 русские полки, и в тот же день Врангель приказывает корпусу Шкуро из района Иллирии повернуть круто на юго-запад и „ударить в ближайший тыл противника в общем направлении на Енакиево“ ради спасения положения корпуса Май-Маевского, усиленного уже перед этим 3-им Волжским терским полком и 2-й Кубанской пластунской бригадой. В тот же день, 25 апреля, Врангель телеграфировал Май-Маевскому:

„В случае невозможности удержать занимаемый ныне фронт, отходите, прикрываясь, на Иловайскую. Как только станет ощутительным нажим ген. Шкуро на тыл противника, тотчас переходите в энергичное наступление и восстановите прежнее положение“.

Из этих распоряжений Врангеля видно, в каком положении находился корпус Май-Маевского, и что для спасения его снова посылались казаки, так измотанные беспрерывными боями против 8-й советской армии. Необходимо помнить и то, что именно в эти дни происходило генеральное сражение казачьих дивизий с 10-й советской армией, переправившейся на левый берег реки Маныч, захватившей станцию Торговая и своими раз'ездами подходившей к Батайску, что находится против Ростова на левом берегу Дона (см. об этом далее). Положение корпуса Май-Маевского в конце апреля 1919 г. ген. Деникин характеризует так:

„Между тем, напор противника на корпус Май-Маевского в Донецком районе становился все отчаяннее. И 25-го (апреля) начальник штаба корпуса доносил штабу армии: „положение на фронте такое, что командир корпуса накануне решения об общем отходе корпуса. Ком. корпуса считает, что сохранение остатков корпуса возможно лишь в том случае, если корпус своевременно будет выведен из боя. Время наступило. Нельзя требовать от людей невозможного. Ввиду этого ком. корпуса просит директивы от армии, в каком направлении начать отход... Быть может, Марковцы

восстановят положение, а Самурцы снова и снова займут свое расположение... Бытьможет, Корниловцы опять, в сотый раз отобьют все атаки... Быть может, противник не будет делать того, что подсказывает ему обстановка, здравый смысл и соответствие сил, и начнет митинговать и забастует, — но все это такие элементы, которые команд. корпуса, конечно, использует, но на которых он не считает возможным строить свои планы...“ (Деникин. Очерки смуты, т. V, стр. 81—82).

28 апреля Врангель приказал корпусу Шкуро нанести удар в тыл противника на Ново-Марьевку. И уже 30 апреля появилось следующее сообщение штаба Вооруженных сил Юга России:

„Молодецкие части ген. Шкуро с боя овладели селениями Н.-Орловка, Ивановское, Давид-Орловка и Иван-Орловка и преследуют бегущих красных на Енакиево. Вновь взято много пленных. Действуя в связи с конницей ген. Шкуро, перешли в наступление геройские части правого фланга Май-Маевского в районе Енакиево“.

Снова, как видим, добровольцев спасают казаки.

Повторилась старая история боевого сотрудничества казаков с русскими добровольцами в Донецком Бассейне: казаки разбивают противника в конном строю, а после этого добровольцы „переходят в наступление“; казаки тоже в конном строю берут определенный пункт или даже целый район, а добровольцы после этого взятые казаками пункты „закрепляют“...

И замечательно то, что при всех этих условиях борьбы ген. Деникин осмелился глубокомысленно написать такую общую оценку Донской армии: „Донская армия тогда (в апреле 1919 г.) только и поддерживалась морально присутствием и соседством Добровольцев“ (Деникин. Очерки, т. V, стр. 79 — внизу).

22-го марта в Ростов прибыл из Салоник русский „Батальон Чести“. Гремела музыка, лились речи, и столбцы газет заполнялись дифирамбами русским людям. Деникин согласился теперь отпустить в Донскую армию Донскую Пластунскую бригаду из Ростова, тем

более, что Донские войска именно в эти дни вели горячие бои с противником, прорвавшимся через р. Донец и угрожавшим захватом железнодорожных узлов Лихая-Зверево. Врем. испол. обязанности командующего Кавказской армии, ген. Юзефович, не сразу выполнил распоряжение Деникина о передаче Пластунской бригады. Очевидно, это делалось для моральной поддержки донцов, ливших кровь у г. Луганска и ст. Каменской с наседавшими с севера и с востока превосходными силами русских красных полков...

Когда же Юзефович убедился в том, что все же Донская Пластунская бригада должна оставить охрану железно-дорожной линии Ростов-Иловайская, в тылу Май-Маевского, тогда ген. Юзефорич 27 марта телеграфно просил Деникина „возможно скорее прислать в Ростов два пластунских батальона из состава 2-й Кубанской бригады“, хотя в это время кубанцы и терцы уничтожали большевицкий фронт против ген. Май-Маевского... Еще 29 марта ген. Юзефович телеграфировал начальнику штаба ген. Деникина, ген. Романовскому, о том, что Донскую Пластунскую бригаду нечем сменить в Ростове. Так русские добровольцы „морально“ поддерживали донцов, но в своих руках задерживали реальные донские силы, когда у станции Репной решалась судьба Донской столицы...

Апрельские сношения штаба Донской армии со штабом Деникина просто пестрят требованиями Донского командования о возвращении в Донскую армию донских конных и пеших частей и вооружения: 11 апреля ген. Сидорин настаивает на возвращении в Донскую армию донских бронепоездов, захваченных ген. Покровским при уходе на Маныч; многократно Донское командование настаивает на возвращении в Донскую армию Донской Партизанской конной бригады и Стрелковой бригады; 24 апреля донцы требуют возвратить Калмыцкий полк, 27 апреля Деникин отвечает, что не может передать в Донскую армию Стрелковую и Партизанскую бригады; 28 апреля ген. Сидорин снова просит возвратить в Дон-

скую армию Донскую Партизанскую бригаду в составе Калединского, Назаровского и Баклановского полков и т. д. И все же уже в 1926 г. ген. Деникин, составляя V-й том своих „Очерков русской смуты“, написал для современников и потомков: „Донская армия тогда только и поддерживалась морально присутствием и соседством Добровольцев“... Так русские правдолюбы описывают события, где решалась судьба Казачества...

Генеральное сражение на р. Маныче.

10-я советская армия, защищавшая г. Царицын от натиска донских полков, в декабре 1918 г. насчитывала „всего около 30.000 штыков и 8.000 сабель“ (Егоров, цит. работа, стр. 74). Согласно январьским 1919 г. директивам красного командования эта армия должна была наступать двумя группами: 1-я на запад, по линии жел. дороги Царицын-Лихая, и 2-я на юго-запад, по линии жел. дороги Царицын-Великокняжеская. С февраля эта армия наступала в общем по одному направлению — по железной дороге на Сал и Маныч.

Донское командование неоднократно и настойчиво просило ген. Деникина послать помощь Донским войскам под Царицын. Как сообщает Деникин, было решено в начале января перебросить армию с Кавказа на Царицынское направление, но этот план по неизвестным причинам осуществлен не был. Вследствие этого 10-я армия получила возможность, имея колоссальное превосходство в силах, постепенно во многих боях оттеснить шаг за шагом донские казачьи части, поддержанные, как мы знаем, только одним Кубанским конным полком. Кроме донцов и кубанцев, на этом фронте действовал малочисленный Астраханский корпус (согласно сообщения штаба Донской армии ген. Деникину, № 1239, на 24 февраля в этом корпусе оставалось всего навсего около 100 штыков и 200 шашек).

25 февраля ген. Деникин назначил ген. Кутепова командующим частями, бывшими в районе Великокня-

жеская-Дивное. В конце февраля сюда был перевезен Сводно-гренадерский батальон. Правый фланг группы ген. Кутепова в районе селения Дивного занимал 2-й Кубанский казачий корпус под командой ген. Улагая. О состоянии группы ген. Кутепова к началу марта ген. Деникин говорит следующее: „Кроме 2-го Кубанского корпуса ген. Улагая, прочие части ее находились в стадии формирования и боевой эквивалент их был невысок" (Деникин. Очерки, т. V. стр. 74).

Большевицкие военные писатели тоже признают, что „наиболее боеспособной частью здесь был 2-й Куб. корпус ген. Улагая" (Егоров, цит. работа, стр. 81).

В марте в распоряжение ген. Кутепова была переведена Саратовская бригада (бывший Саратовский корпус) и Горская дивизия. Из всех разнородных частей отряда Кутепова была организована 6-я пехотная дивизия в составе Сводно-Астраханского пехотного полка, Сводно-Саратовского пех. полка, Сводно-Гренадерского пех. полка и Саратовского конного дивизиона. Общее состояние этой русской дивизии ген. Врангель характеризует следующими словами: „6-я пехотная дивизия, малочисленная и сборного состава, была мало боеспособна" (Врангель. Записки, кн. I, стр. 134). Вследствие этого вся тяжесть боев с наступающей 10-й советской армией пала на казачьи части.

Около середины марта 10-я армия подошла к самой р. Маныч. В сообщении штаба Донской армии от 28 марта говорилось о том, что 8-й Донской корпус деморализован и самовольно переправляется у Раздор на правый берег р. Дона, а 6-й и Сводный Донские корпуса, вместе с 8-м Донским корпусом дравшиеся против правого фланга 10-й советской армии на левом берегу р. Дона, между р. Салом и р. Манычем, ослаблены до крайности.

Противник без особого труда отбросил части ген. Кутепова к р. Манычу. Вследствие весеннего половодья на р. Маныче большевицкие войска некоторое время держались здесь пассивно. „И лишь на крайнем южном

фланге, в Ставропольском направлении, (советские войска) продолжали непрерывные атаки, неизменно отражаемые Кубанцами Улагая“, свидетельствует ген. Деникин (Очерки, т. V, стр 78).

Из выше приведенных данных видим, что против 10-й армии действовало в районе р. Маныча, от устья ее до района сел Дивного и Приютного, три группы войск: на самом правом фланге был Кубанский корпус ген. Улагая, в центре группа ген. Кутепова (ввиду общей русской политики захватывать казачьи военные силы в русские руки, ген. Улагай со своим прекрасным боевым казачьим корпусом был подчинен русскому генералу Кутепову) и на левом фланге части Донской армии, подчиненные донскому командованию.

10-я армия продолжала нажимать на всем этом фронте, дабы помочь советским войскам, безуспешно ведшим атаки против казачьих полков в Донецком бассейне и на р. Донце.

Как обстояло дело на р. Маныче с частями ген. Кутепова? Выше мы уже привели характеристику, данную ген. Деникиным и ген. Врангелем русским войскам ген. Кутепова. Ген. Деникин говорит:

„Сводные части Великокняжеской группы ген. Кутепова также не проявили достаточной стойкости, и 12-14 апреля противник стал переправляться на левый берег Маныча, угрожая Владикавказской железной дороге, тылу и сообщениям Кавказской и Донской армий“. (Очерки рус. смуты, т. V, стр. 79).

Создалось чрезвычайно тяжелое и явно угрожающее всему противобольшевицкому фронту борьбы положение.

Где и какие можно было взять войска для сокрушения 30-ти тысячной, прекрасно вооруженной, обвеянной славой непобедимости, 10-й советской армии, прямо давившей уже на пути сообщения Дона и Кубани?

Сделав общий документальный обзор боевых операций за январь—апрель 1919 г. на дуге фронта, в общем, Мариуполь—Дебальцево—Луганск—р. Донец, мы

установили, что планомерные, последовательные и весьма энергичные удары сильных численно и вооружением 9-й, 8-й и 13-й красных армий и группы войск „батька Махна“ разбились о грудь стальных казачьих дивизий, которые, как могучие степные орлы, неизменно появлялись в угрожаемом районе и гнали красные вооруженные полчища, жаждущие казачьей крови и казачьего, тяжким многолетним трудом нажитого, добра. Сильные армии, успевшие уже захватить большую часть Донской Земли, не только не достигли поставленной им красными вождями цели — овладеть Новочеркасском и Ростовом, — но к концу апреля были приведены в состояние разложения и явной деморализации. В то же время, как свидетельствует ген. Врангель,

„ген. Май-Маевский ежедневно доносил о тяжелых боях своих частей... Тяжелые потери заставляли опасаться, что последние кадры нашей (Добровольческой) пехоты будут уничтожены. В то же время в тылу армии свежих пополнений не имелось... генерал Май-Маевский засыпал меня (Врангеля) телеграммами, донося о невозможности более держаться... Генерал Май-Маевский, с которым я говорил по аппарату Юза, доложил мне, что дальнейшее упорство поведет лишь к окончательной гибели кадров... 30-го (апреля) вечером я выехал в Торговую, где находился поезд Главнокомандующего... Явившись утром к Главнокомандующему, я доложил ему о положении Добровольческого корпуса. Ознакомившись с лентой разговора моего с ген. Май-Маевским по аппарату Юза, Главнокомандующий принял решение — части Добровольческого корпуса оттянуть на намеченные ген. Май-Маевским позиции. Я тут же написал и отправил последнему телеграмму (1-го мая 1919 г.)“ (Врангель. Записки, кн. I, стр. 124—133).

Мы не имеем никаких данных для того, чтобы отрицать или умалять значение правдивости слов ген. Врангеля, свидетельствующих о неоспоримо тяжелом положении вооруженных сил белой России.

Еще не так давно русские люди гремели славу

вновь организуемой Крымско-Азовской Добровольческой армии, долженствовавшей „усмирить“ Украину и идти победоносным походом на Москву, а в апреле месяце „с оставлением Крыма, говорит ген. Врангель, штаб Боровского (быв. командующего Крымско-Азовской армией) был расформирован; сам же ген. Боровский получил назначение начальником Закаспийской области. Он так и не успел туда попасть, ограничив поле дальнейшей своей деятельности рестораном гостиницы „Палас“ (в Ростове на Дону)“ (Врангель. Записки, кн. I стр. 124).

Нельзя найти слов для полной и правдивой характеристики политики белых вождей: они не могли удержать небольшой район Юзовки, у них не было из чего составить даже гарнизон г. Ростова, где пребывал штаб Кавказской армии, нечем было защитить небольшой район Великокняжеской на р. Маныче, а они уже собирались управлять далекой Закаспийской областью...

Словом, Деникин не мог дать ни одного своего полка для борьбы с 10-й армией красных, уже переправлявшейся через р. Маныч. Самим казакам своими силами пришлось ликвидировать прорыв 30-ти тысячной армии!

Ввиду перехода противником р. Маныча 14 апреля, Деникин приказал принять срочные меры к организации местных казачьих ополчений из всех казаков Сальского округа Донской области и Ейского и Кавказского отделов Кубанской области. В эти ополчения вошли и седовласые старики-казаки и неопытные в боях юноши-казаки. Вооружались кто чем попало. В то же время из боевой линии в Донецком бассейне была наспех снята 1-я Кубанская конная дивизия ген. Покровского и переброшена в район Батайска. Только теперь была переброшена с Кавказа на р. Маныч 2-я Терская казачья дивизия. Из Дагестанских гор была взята Кубанская конная дивизия ген. Шатилова (в Дагестане она находилась до сих пор для осуществления русской

политики Деникина на Кавказе) и Кубанская бригада ген. Говорущенка.

Таким образом, в районе р. Маныча, от его впадения в р. Дон до района селения Дивного, на прояжении фронта более чем в 200 верст, были теперь собраны: Сводно-Донской корпус ген. Савельева, Донская Атаманская дивизия, 1-я Кубанская дивизия, 2-я Терская, 1-я конная Куб. дивизия ген. Шатилова, Кубанская бригада ген. Говорущенка, 2-й Куб. корпус ген. Улагая, отдельная Астраханская конная бригада и 6-я пехотная дивизия. „Главную массу группы составляли Кубанцы", говорит ген. Деникин. (Очерки смуты, т. V, стр. 81).

Наше наступление началось 21 апреля и к 25 апреля, после упорнейших боев, 10-я армия была отброшена за р. Маныч (там же) и непосредственная угроза путям сообщения Дона и Кубани была ликвидирована.

С 28-го апреля было приступлено к форсированию р. Маныча. Кубанская дивизия Шатилова „дважды переходила через Маныч, доходя передовыми частями до ст. Эльмут, в тылу Великокняжеской, по пути своему разбив несколько полков противника, взяв несколько тысяч пленных", сообщает ген. Деникин (т. V, стр. 81). Но красные ураганным орудийным огнем и контр-атаками отбрасывали наши войска на левый берег р. Маныча. О тяжести боев говорит тот факт, что „1-я Конная дивизия ген. Шатилова понесла большие потери, а Терский пластунский батальон был почти полностью уничтожен", говорит ген. Врангель (кн. I, стр. 134).

После неудачи взять центр 10-й армии — Великокняжескую — прямыми ударами, решено было сосредоточить кулак из пяти с половиною дивизий правее Великокняжеской и ударить на нее с юго-востока (Деникин, V, 81). Одновременно с переходом в общее наступление наших войск на р. Маныче на левом фланге и в центре против 10-й советской армии, перешел в

решительное наступление и наш правофланговый 2-й Кубанский корпус ген. Улагая, состоявший из 2-й Кубанской и 3-й Кубанской конных дивизий и 3-й Кубанской пластунской бригады (Врангель. Записки, кн. I, стр. 138). (Нужно заметить, что еще перед началом общего наступления из этой группы была взята одна конная бригада и переброшена в центр фронта, так что отряд Улагая состоял из 3-х конных и одной пешей Кубанских бригад). Кубанцы Улагая с боями прошли более 100 верст, достигнув селения Торгового на р. Сале. Об этих операциях Кубанских полков ген. Деникин говорит следующее:

„В боях у Приютного, Ремонтного и ст. Граббевской он (Улагай) разгромил до основания всю Степную группу 10-й армии, взяв в плен шесть полков 32 стрелковой дивизии, штабы, обозы, свыше 30 орудий. Встревоженный выходом ген. Улагая на сообщения своей армии, товарищ Егоров (быв. командующий 10-й армией — русский офицер, окончивший императорскую русскую академию Генерального Штаба) направил от Великокняжеской наперерез ему шесть полков лучшей своей конницы Думенко. В полдень 4-го мая возле Граббевской произошла встреча, при чем после ожесточенного боя Улагай разбил конницу Думенко, которая бросилась в беспорядке бежать назад, преследуемая Кубанцами. Один из отрядов Улагая вышел к железнодорожной линии у станции Гашун и разрушил там путь“... (Деникин. Очерки смуты, т. V, стр. 83).

Этот колоссальный успех кубанцев группы ген. Улагая, без сомнения, предрешил исход генерального сражения на р. Маныче.

1-го мая в командование всей Манычской группой наших войск вступил ген. Врангель, командовавший перед этим, как известно, Кавказской Армией. В трехдневных весьма и весьма упорных боях под Великокняжеской и центральная группа войск 10-й армии понесла поражение и постепенно отступала к р. Сал.

В боях на р. Маныче, с 21 апреля по 7-ое мая,

казаки разгромили 10-ю советскую армию и отбросили ее к р. Сал. О степени понесенного здесь красными поражения свидетельствует тот факт, что казаки захватили в этих боях 15 тысяч пленных, 55 орудий и 150 пулеметов (Врангель. Записки, кн. I, стр. 141. Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, стр. 83). Разбитая казаками 10-я армия отходила настолько поспешно в сторону Царицына, что „наши части, как свидетельствует Врангель, с трудом поддерживали с ними соприкосновение“ (там же, стр. 143).

Теперь уже красная Россия не имела на Юге ни одной армии, которую бы основательно не били казачьи войска. И советское правительство, и Совет Обороны под председательством Ленина, и большевицкий главком Вацетис, и командующий Южным фронтом Гиттис каких только мер не предпринимали, чтобы раздавить казачьи войска зимою и весною 1919 г., но все было напрасно: казаки переломили ужасный натиск войск красной России. Разгром 10-й русской армии, так далеко забравшейся вглубь Казачьих Земель, предрешал дальнейший ход операций по очищению Донской Земли от большевицких армий.

Верхне-донское казачье восстание.

Мы уже говорили о том громадном положительном значении в исходе всей весенней кампании казачье-большевицкой борьбы, какое имело в действительности восстание казаков Верхне-Донского округа.

По свидетельству одного из организаторов и выборного командующего армией восставших казаков, П. Н. Кудинова, это восстание началось уже 26 февраля 1919 г. и в три дня охватило большой район станиц Казанской, Мигулинской, Вешенской и Еланской (Журнал „ВК“ за 1931 г. №№ 77-85 и за 1932 г. № 101.). В одной только станице Мигулинской после горячего боя повстанцы захватили 8 орудий, 50 пулеметов, 1 мил. патронов и другую богатую военную добычу. К 15 марта

1919 г. насчитывалось 15 тысяч восставших бойцов. Повстанцы были сведены в пять конных дивизий и одну конную бригаду.

Красное командование послало на подавление восстания лучшие свои части: 1-й революционный Московский полк в 4000 штыков, 4-й Кронштадский матросский полк в 1800 штыков, бригаду курсантов в 3000 штыков, 5-й Заамурский конный полк в 800 шашек, целый ряд отдельных карательных отрядов, снабдив эти войска многочисленной артиллерией, множеством пулеметов и т. д. Согласно большевицких данных, красная Россия в марте месяце послала против повстанцев „14 тысяч штыков и сабель только из состава Южного фронта“ (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 238). Однако, в боях в марте повстанцы всюду громили большевицкие войска, захватывая орудия, пулеметы и пленных.

Успех восстания обеспечивался не только исключительным героизмом казаков, от мала до велика взявшихся за оружие (часто в боях принимали участие и женщины-казачки), но и участием в восстании хлеборобского неказачьего населения Дона. Выше упомянутый выборный командующий вооруженными силами повстанцев, есаул Павел Кудинов, говорит об этом следующее:

„В наших рядах было много и местных крестьян, которые, пользуясь, как со стороны начальников, так и казаков, полным доверием и равным братским отношением, честно дрались и мужественно погибали за наше общее дело“ („ВК“, № 101, стр. 13).

Больше того:

„Слобода Березняги Воронежской губ., которая расположена вблизи Донской границы, тоже восстала против красных, выставив 800 штыков при 8 пулеметах, которые отдельным пешим полком вошли в состав 4-й дивизии“ („ВК“, № 81, стр. 7).

Во время боев повстанческой армии против большевицких войск к казакам перешел в полном составе

Сердобский полк, состоявший из мобилизованных большевиками хлеборобов.

В апреле месяце против повстанцев из состава 8-й армии была послана целая дивизия; тогда же была послана против повстанцев и дивизия из состава 9-й армии. К этому времени восстание уже охватило „пространство свыше 10-ти тысяч квадр. километров, простираясь от Усть-Медведицы до Богучара, обвод повстанческого района растянулся на 400 верст“ (Граж. война 1918-1921 г., т. III, стр. 238).

„По оперативной сводке штаба армии восставших, говорит П. Кудинов, к 28 апреля 1919 г. против них были сосредоточены части красной армии общим числом: 39800 штыков, 5570 шашек, при 82 орудиях и 341 пулемете“ („ВК“, № 101, стр. 15).

Весьма характерной для русско-казачьей борьбы того времени является следующая статья Л. Троцкого, напечатанная 28 апреля 1919 г. в № 45 газеты „В Пути“ (на станции Чертково, значит в близости фронтов борьбы):

„Южный фронт — Казацкий фронт. Дон — очаг контр-революции... На Дону восстание вспыхивает за восстанием. И сейчас, когда наши армии дошли до С. Донца и Маныча, в тылу у них снова вспыхнуло кулацко-козацкое восстание...

На Донском фронте решается не только судьба Донской обл. и не только судьба Казачества...

Дело идет не о Доне, а о всей советской России...

Этой весной и этим летом мы должны покончить с Южным фронтом раз навсегда...

Нужно Дон присоединить к Советской России. Нужно напречь все силы, чтобы покончить с Южным фронтом“... (Как вооружалась революция, т. II, кн. I, стр. 173).

Как видим, организатор вооруженных сил новой России называл Южный фронт Казацким фронтом. Так оно, конечно, и было в действительности. Обращает также на себя внимание и полное сходство во взгля-

дах красного вождя Троцкого и белого вождя Деникина: Троцкий писал о необходимости Дон присоединить к Советской России, а Деникин поручал ген. Ляхову „приобщить край (Терско-Дагестанский) к русской государственности“ (Ден., т. IV, стр. 114). Разница только в словах и в том, что одни строили пролетарскую единую и неделимую Россию, а другие — помещичью единую и неделимую Россию.

На другой день, 29 апреля, уже в г. Козлове Троцкий писал:

„Восстание части донского казачества тянется уже ряд недель...

... Мятеж в тылу у воина то же самое, что нарыв на плече у работника... Важнейшей задачей поэтому является сейчас очищение Дона от мятежа и мятежников. Центральная Советская власть приказала эту задачу разрешить в кратчайший срок. В помощь экспедиционным войскам, действующим против подлого контр-революционного мятежа, прибыли и прибывают прекрасные подкрепления. Лучшие работники-организаторы направлены сюда для разрешения неотложной задачи.

Нужно покончить с мятежом. Наши красноармейцы должны проникнуться ясным сознанием того, что мятежники Вешенской, или Еланской, или Букановской станиц являются прямыми помощниками белогвардейских генералов Деникина и Колчака. Чем больше будет тянуться восстание, тем больше жертв будет с обеих сторон. Уменьшить кровопролитие можно только одним путем: нанося быстрый, суровый сокрушительный удар.

Нужно покончить с мятежом. Нужно вскрыть нарыв на плече и прижечь его каленым железом. Тогда рука Южного фронта освободится для нанесения смертельного удара врагу“ (там же, стр. 174).

Чтобы яснее представить себе соотношение сил в описываемый период борьбы, достаточно сравнить состояние добровольческих частей, скажем, корпуса Май-Маевского с состоянием сил восставших донцов Вер-

хне-Донского округа: добровольцы, прекрасно технически вооруженные, отступали перед сравнительно меньшими большевицкими силами, нежели те, которые были посланы большевиками на подавление казачьего восстания; а Верхне-донцы, сравнительно с добровольцами Май-Маевского плохо вооруженные, руководимые только хорунжими, сотниками и есаулами, во многих боях беспощадно били большевицкие части — рабочие полки, матросов, курсантов и т. д. Если бы казаки множество раз не спасали добровольцев, их части давно бы развеялись по равнинам Украины и Северного Кавказа, как рассыпалась Южная армия, как незаметно и тихо ушла со сцены шумливая вначале Крымско-Азовская армия, как растаяли Саратовский и Астраханский корпуса...

Чрезвычайно было поучительным и то, что хлеборобы Донской обл. и Воронежской губ. вместе с казаками поднимали восстание против советской власти в то время, как хлеборобы той же Воронежской губ. восставали, как мы знаем, против русской Южной армии, а позже против русской Добровольческой армии восставали хлеборобы в Ставропольской губ. и Таганрогском округе.

Относительно значения восстания Верхне-донцов бывший командующий 10-й большевицкой армией, после команд. всем Южным фронтом, генер. штаба полковник Егоров, говорит следующее:

Восстание „имело огромное значение для войск Южфронта не только в качестве фактора, отвлекающего часть войск с нашего фронта, но и как событие, подымающее у противника новые силы для борьбы с советской властью... Восстание охватило к началу мая оромный район... К тому же деятельность восставших, силы коих к концу апреля доходили до 30-ти тысяч бойцов при 27 пулеметах и 6 орудиях, далеко не ограничиваются районом, очерченным на схеме... Повстанцы выходили на сообщения армий, грабя обозы, нарушая

железнодорожное сообщение и затрудняя управление армий, главным образом 9-й.

Наличие такого крупного и территориально и по числу бойцов района восстания, служившего магнитом для белых, сказалось и на всем последующем ходе операций фронта". (Егоров. Разгром Деникина, стр. 87-88).

Как мы знаем, Донское командование еще 21 марта весьма настойчиво предлагало Деникину план немедленного удара в сторону района восстания с целью скорого очищения Дона от чужих войск. Деникин не поддержал предложенного донцами плана. Через полтора месяца после этого, в самый разгар генерального сражения на р. Маныче, 5-го мая Донское командование послало ген. Деникину по телеграфу следующее сообщение:

„4 мая через возвратившегося летчика командующий войсками Верхне-Донского округа сообщает, что все войска округа сведены в 5 дивизий и одну бригаду, состав каждой дивизии 4 полка и бригады 2 полка. Численность каждого полка указать точно не представляется возможным вследствие ежедневного присоединения новых хуторов и перехода казаков из занятых противником местностей, приблизительная же численность каждого полка до 1000 человек. Количество пушек 14 легких и одна $4^{1}/_{2}$ дюймовая. Пулеметов на всем фронте 93, преимущественно Максима. Винтовок 15000 штук. Командующий войсками, начальники дивизий и бригад и начальники штабов выборные из бывших офицеров, для командования полками офицеров не достает., В борьбе участвует и не казачье население и ведет себя как истинные патриоты. В войсках округа хорошо налажена телефонная связь, сведения о положении на фронте со всех направлений получаются в 30 минут, от Вешенской до хутора Каргина (проведена) новая телефонная линия. Войска округа вели ранее лишь оборонительную борьбу, последнее время перешли к частичным активным действиям, которые и выполняются ими успешно. На перегруппировку войск Верхне-

Донского округа для выполнения активной задачи по совместным действиям с войсками Донских армий необходимо три-четыре дня. Командующий войсками в числе нужд, кроме указанных в донесении № 1, выражает просьбу о высылке в Верхне-Донской округ нескольких самолетов для разведок, но которыми пока не располагает. Через день-два в Торговую будет командирован летчик поручик Безсонов, возвратившийся из Верхне-Донского округа для доставления Главкому рапорта от командира Сердобского советского полка, перешедшего в полном составе на сторону восставших казаков".

Как видим, казаки в течение февраля — апреля 1919 г. громили советские 13, 8, 9 армии в Донецком бассейне и на р. Донце, в то же время не раз спасая добровольцев ген. Май-Маевского, казаки в конце апреля и в начале мая разгромили 10 советскую армию на р. Маныче, казаки же в большевицком тылу подняли восстание и организовали новую казачью армию. А русские люди за это время отдали Одессу, Таврию, Крым и с ужасом наблюдали гибель кадров русских добровольцев в районе Юзовки-Иловайская и посылали казаков спасать эти кадры...

Разгром XIV, XIII, VIII и IX армий.

21-го апреля 1919 г., в день перехода в наступление казачьих дивизий против 10-й советской армии на р. Маныче, далеко на севере от этой реки Донская казачья ударная группа захватила г. Луганск. Этот успех донцов на фронте 8-й ударной советской армии произвел ошеломляющее впечатление в Москве, как показатель проигрыша всех наступательных усилий большевицких армий в течение февраля, марта и апреля месяцев... Как сообщает быв. главком Егоров,

„25 апреля главком получил указание Реввоенсовета республики (В. Ленина), что „потеря Луганска —

жестокий удар советской власти“ (Егоров, цит. выше работа, стр. 92.).

После этого командование противоказачьим фронтом сделало еще одну попытку наступления с целью овладеть Донецким бассейном — задачи, поставленной Москвою еще в феврале т. г. Вследствие этого командующий Южным фронтом, Гиттис, приказал 26 апреля:

„8-й армии занять участок от Н. Теплый до Митякинской и подготовиться к наступлению на Луганск; 9-я армия получила задачу активно оборонять р. Донец до устья; 13 армия, усиленная бригадой 7-й дивизии, должна была овладеть районом Кутейниково; 2-я Украинская (бывшая группа Махно и др.) — продолжать наступление на Таганрог“ (там же, стр. 93).

В то время, как большевицкое командование подготовляло новый удар против казаков, донские войска сами перешли р. Донец севернее ст. Гундоровской и к 28 апреля распространились на запад до железной дороги Луганск- Миллерово и на восток от жел. дороги Каменская-Миллерово (там же, стр. 93).

28 апреля советское командование приказало: 13-й армии занять Иловайскую — Кутейниково, 8-й армии овладеть Луганском и 9-й ликвидировать прорыв донцов в районе Митякинская — Гундоровская — Каменская. И действительно, „3 мая 8-я армия овладевает Луганском, а 13 и 2-я Украинская (Махно) продвигаются в глубь Донбасса с прорывом на ст. Кутейниково, использовав для этой операции все свободные силы. Большевики занимают Юзовский район и Мариуполь (там же). По поводу этого наступления большевицких армий и его результатов ген. Деникин пишет:

„4-го мая противник на всем Донецком фронте перешел вновь в общее наступление, которое было отражено с большим для него уроном, и Добровольческая армия, перейдя в контр-наступление, в течение нескольких дней овладела вновь всем Юзовским районом и Мариуполем, захватывая тысячи пленных и орудия“ (Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, стр. 84).

Это сообщение Деникина, если бы оно соответствовало действительности, говорило бы о больших заслугах Добровольческой армии, которая, как безапелляционно утверждает быв. главнокомандующий, „в течение нескольких дней вновь овладела Юзовским районом и Мариуполем“.

Посмотрим, правду ли пишет ген. Деникин.

В самом конце апреля 1919 г., как свидетельствует ген. Врангель, „и без того бедные ряды (добровольческих) полков таяли окончательно“ (Врангель, кн. 1, стр. 133), а командующий добровольческим корпусом, ген. Май-Маевский „засыпал меня (Врангеля) телеграммами, донося о невозможности более держаться“ и что „дальнейшее упорство поведет лишь к окончательной гибе. и кадров“ (там же); далее тот же Врангель сообщает, что он, „с целью облегчения положения добровольцев“, приказал ген. Шкуро вновь перейти в наступление, и что „конница перешла в наступление, имела ряд тяжелых боев, однако особенно продвинуться не могла“, и что „давление на части ген. Май-Маевского не ослабевало“ (там же).

Относительно состава Добровольческого корпуса в начале мая 1919 г. опубликованы следующие данные:

„В мае — к началу наступления добровольцев — 1-я дивизия была развернута в I-й Армейский корпус, в состав коего вошли Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы и Самурский пехотный полк, а также Алексеевский конный полк... К этому времени части I-го корпуса насчитывали:

Корниловский полк	до	400	штыков,
Марковский „	„	200	„
Дроздовский „	„	500	„
Самурский „	„	200	„
Алекс. конный „	„	2000	сабель (?).

Кроме того, Корпусу были приданы 42 Якутский полк до 1000 шт., Белозерский до 100 шт., 4 полк 12 кав. дивизии до 400 кавалеристов“ (Архив русской революции, т. XVIII. Берлин, 1926, стр. 254 и 282).

Как видно из вышеприведенных цитат из труда быв. командующего Добровольческой армией, ген. Врангеля, добровольческий корпус находился в самом плачевном состоянии, и „без того бедные ряды полков таяли окончательно“ и т. д. О том, что добровольческие ряды (к слову сказать, пополняемые давно уже, с лета 1918 г., мобилизованными) были бедны, говорят и выше приведенные данные о численном составе их: основные пехотные полки — Корниловский, Марковский и Дроздовский — в это время вместе насчитывали всего навсего 1100 штыков.

Несмотря на такое тяжелое положение добровольческих полков, совершилось что-то невероятное и даже чудесное, о чем повествует ген. Деникин в V т. своих „Очерков русской смуты“: „4-го мая противник на всем Донецком фронте перешел в общее наступление“, но это наступление не только было отражено, но, как повествует Деникин, „Добровольческая армия, перейдя в наступление, в течение нескольких дней вновь овладела Юзовским районом и Мариуполем, захватывая тысячи пленных и орудия“. Известно, что в это время на Донецкий бассейн наступали 8-я и 13 большевицкие армии и более чем 10-ти тысячная группа Махно...

2-го мая ген. Врангель оставил пост командующего Добровольческой армией и принял пост командующего казачьими войсками, ведшими тяжелые бои на р. Маныче против 10-й советской армии. При чем ген. Деникин заявляет, „что от ген. Май-Маевского с тех пор тревожных сведений о состоянии Добровольческой армии в Донецком бассейне не поступало“ (Деникин, т. V., стр. 84). Выходит, как будто ген. Врангель телеграфировал и говорил неправду о тяжелом положении добровольцев; более того, добровольцы сами перешли в наступление и в несколько дней разгромили большевицкие армии.

В чем же дело? Что за путаница такая? Один русский генерал говорит, что русские кадры окончательно гибли, при чем Врангель подробно рассказывает, как

это было (см. кн. I „Записок“ ген Врангеля). А другой русский генерал говорит, что с уходом Врангеля не только прекратилось поступление тревожных сведений, но Добровольческая армия нанесла весьма серьезное поражение большевицким войскам.

Что произошло в действительности в Донецком бассейне в мае 1919 г., почему от Май-Маевского не поступало тревожных сведений о состоянии „и без того бедных рядов полков“, неудержимо катившихся „к окончательной гибели“? Кто это „в течение нескольких дней овладел вновь всем Юзовским районом и Мариуполем, захватывая тысячи пленных и орудия“?

Документальный и об'ективный ответ на этот вопрос имеет большое значение не только для правильной оценки событий на фронте в мае 1919г., но и последующих событий на Казачьих Землях.

Разбирая недавние факты из истории борьбы Казачества даже на основании русских данных, мы легко можем установить, что в начале мая 1919 г. длинный фронт на р. Маныче, от района селений Дивного-Приютного до самого впадения этой реки в р. Дон, занимали казачьи полки, при чем, как признает и ген. Деникин, и большевики, „главную массу группы составляли Кубанские казаки“ (Деникин, V, 81). Присутствие на этом фронте „малочисленной и сборного состава“, к тому же и „мало боеспособной“ (Врангель, кн. I, стр. 81), 6-й дивизии положения не меняет. Разгром здесь 10-й сов. армии (взято 15.000. пленных, 55 орудий и 150 пулеметов) делает честь исключительно казачьему оружию.

Левее Манычского фронта казачье-русский фронт тянулся по р. Донцу до района г. Луганска. Весь этот фронт, а также к западу и юго-западу от г. Луганска, занимали исключительно донские казачьи полки. И наступивший в мае 1919 г. разгром на этом фронте 9-й сов армии произведен был исключительно донскими силами. Также донцы разгромили и значительную часть 8-й армии в районе г. Луганска. Этих фактов не могут оспаривать даже русские люди.

Таким образом, нет никакого сомнения в том, что огромный противобольшевицкий фронт от района селения Дивного вверх по р. Манычу и далее по р. Донцу до района г. Луганска и далее до района Дебальцево, общим протяжением более 500 верст, занимали казачьи войска. Против этого казачьего фронта действовали 10-я, 9-я, 8-я и часть 13-й большевицких армий. Армия, что носила название Добровольческой, занимала остальную часть фронта, от района Дебальцево до Азовского моря, общим протяжением около 130—150 верст.

После поражения 10-й сов. армии на р. Маныче в боях 22 апреля — 7 мая, ген. Деникин, как главнокомандующий Вооруж. силами Юга России, 8 мая дал всем армиям следующую директиву:

„Манычская операция закончилась разгромом противника и взятием Великокняжеской. Приказываю:

1. Генералу Эрдели овладеть Астраханью.

2. Генералу Врангелю овладеть Царицыном. Перебросить донские части на правый берег Дона. Содействовать операции ген. Эрдели.

3. Генералу Сидорину с выходом донских частей Кавказской армии на правый берег Дона, подчинив их себе, разбить донецкую группу противника. Подняв восстание казачьего населения на правом берегу Дона, захватить железную дорогу Лихая—Царицын и войти в связь с восставшими ранее казачьими округами.

4. Прочим фронтам вести активную оборону.

5. Разграничительная линия: между генералами Эрдели и Врангелем Благодарное—Яшкуль—Енотаевск все для Эрдели.

6. О получении донести. Великокняжеская, 8 мая № 06796“.

(Следует пояснить при этом, что войска ген. Эрдели состояли из частей Терского казачьего Войска с додатком чеченцев. См. офиц. сообщение штаба Вооруж. сил Юга России за 11 и 12 мая 1919 г., опубликованное в газетах).

Как видим, ген. Деникин, воодушевленный блестящей победой казачьих войск над 10-й сов. армией, приказал генералам Эрдели (терские казаки и чеченцы), Врангелю (кубанцы, донцы и терцы) и Сидорину (донцы) перейти в решительное наступление. Словом, на огромном протяжении фронта, почти от Дебальцево до Каспийского моря, казачьи вооруженные силы должны были наступать против русских армий. Прочим фронтам, под которыми подразумевались фронт Добровольческой армии от Дебальцево до Азовского моря и узенькая часть фронта недалеко от г. Керчи в Крыму (Ак-Манайские позиции), приказывалось вести только активную оборону.

Далее ген. Деникин пишет, что „начало мая было резким поворотным моментом в судьбах Вооруженных сил Юга России. Фронт большевицкий дрогнул, и все наши армии — от Каспийского моря до Донца и от Донца до Черного моря — были двинуты в решительное наступление“ (Деникин, V, 84), или „с мая 1919 г. развивалось широко наступление армий Юга“, говорит Деникин (т. V, стр. 104).

Сопоставляя директиву ген. Деникина, данную армиям 8 мая, с этими словами того же Деникина, видим явное противоречие, что касается фронта Добровольческой армии. Так что же было приказано этой армии: решительно наступать или только обороняться? Выше мы уже отметили коренное противоречие в характеристике состояния и боевых действий Добровольческой армии: с одной стороны, добровольческие полки были совсем близки к полной гибели, а с другой, они, добровольцы, в то же время одерживают решительные и блестящие победы.

Отметим и другое, весьма важное противоречие: с одной стороны, директивой Деникина от 8 мая предписывалось Добровольческой армии вести активную оборону, а с другой стороны, тот же Деникин, передавая содержание своей майской основной директивы, говорит, что будто бы было приказано „Добровольческой

армии, отбрасывая 14 сов. армию к низовьям Днепра, разбить 13-ю и часть 8-й армии на путях к Харькову" (Ден , т. V, стр. 104).

Описывая боевые операции Дбровольческой армии, произведенные во исполнение этой директивы, ген. Деникин повествует:

„Добровольческая армия, наступая безостановочно, к 22 мая заняла Славянск, отбросив части 8-й и 13-й сов. армий, расстроенные и растаявшие, за Сев. Донец. На сопротивление 13-й армии не было уже никаких надежд, и сов. командование с лихорадочным напряжением формировало новые центры обороны в Харькове и Екатеринославе. Туда стягивались подкрепления, отборные матросские коммунистические части и красные курсанты" (Ден., V, 104).

Как мы знаем, командир добр. корпуса, ген. Май-Маевский, сообщал Врангелю 30 апреля, что „он держаться далее не может, что дальнейшее упорство поведет лишь к окончательной гибели кадров"; директивой 8 мая приказывалось Добровольческой армии только „вести активную оборону, но „Добровольческая армия, наступая безостановочно, к 22 мая заняла Славянск", который, кстати сказать, более чем за 100 верст находится впереди от линии фронта, на которой, согласно директиве от 8 мая, надо было вести активную оборону.

В чем же дело?

Как протекали боевые операции в действительности, а не в описании быв. главнокомандующего? Обратимся к документальным данным, как уже опубликованным, так и неопубликованным, и ответим на простой вопрос: кому принадлежит честь побед, которые ген. Деникин приписывает добровольцам?

Мы много раз отмечали уже тот факт, что казаки много раз спасали добровольческие кадры. Так оно было и в мае 1919 г. Для спасения остатков добровольческих полков и для отражения нового наступления русских большевицких войск на фронте Доброволь-

ческой армии были посланы кубанские и терские конные полки корпуса ген. Шкуро, кубанские пластуны и кубанская и донская кавалерия в отряде ген. Виноградова.

В самом начале мая 1919 г. кубанцы и терцы корпуса Шкуро нанесли сокрушительный удар по наступающим большевицким войскам в районе к северо-западу и к западу от узловой станции Иловайская. Под новыми ударами стальных казачьих полков большевицкий фронт дрогнул снова и покатился на запад. Казаки конного корпуса снова прорвали большевицкий фронт и пошли разгулять по тылам большевицких армий, перерезая и разрушая пути сообщения, службу связи, уничтожая большевицкие склады боевых припасов, беря пленных и вооружение. Штаб Вооруж. сил Юга России 7 мая выпустил следующее официальное сообщение об этих успехах казачьих полков:

„4 мая, продолжая преследование, Кубанские и Терские части ген. Шкуро выдвинулись на линию Горбачево — Александровка — Тахтамиров, отбросив красных за Калмиус, 5 мая овладели с тыла ст. Ларино и заняли ст. Караванная, сел. Мандрыкино, Марьяновку, Новоселовку, захватив много пленных, пулеметы и обозы“.

Следует обратить внимание на тот факт, что эти казачьи победы на фронте Добровольческой армии относятся к самому началу мая, ибо, как видим, 4-го мая Кубанцы и Терцы уже продолжали преследование, значит, противник был разбит перед этим.

В то время, когда ген. Деникин на ст. Великокняжеская 8 мая приказывал вести оборону на западном фронте, казачий корпус бил большевиков в глубоком тылу большевицких армий.

„Части ген. Шкуро заняли станции Александровку, Марьевку, Красную Горку, Максимилиановку, достигли Селидовки, Гришино, Желанной и Грабовки. Противник бежит на Ясиноватую. Захвачено 12 пулеметов, 3000 винтовок, 4 бомбомета, 60 вагонов с хозяйственной ча-

стью 78 и 81 сов. полков пехоты“ („Приаз. Край“, за 24 мая 1919 г.).

Одновременно с переходом в наступление казачьего конного корпуса, в том же районе перешла в решительное наступление и Кубанская пластунская бригада, сметая на своем пути большевицкую пехоту в Юзовском районе.

Левее, ближе к Азовскому морю, тогда же перешли в наступление на Мариуполь казачьи конные части Виноградова, гоня перед собою большевиков; 9 мая после упорного боя они взяли селения Чермалык и Павлополь. В офиц. сообщении читаем по этому поводу: „Красные бегут к железной дороге на ст. Сартана“.

Об этих боях находим следующие официальные сообщения:

Штаба Добровольческой армии 10 мая 1919 г.: „После ряда боев доблестные (кубанские) пластуны сломили противника и заняли Марьевку, Мушкетовку и Юзовку. Конные части Шкуро вышли в глубокий тыл красных и заняли линию желез. дороги Гришино — Очеретино. Противник бежал, оставляя на своем пути большую добычу. На Мариупольском направлении взяты... (идет перечисление целого ряда пунктов)“.

Штаба той же армии, от 11 мая: „Продолжая наступление, один из кубанских баталионов занял ст. Щегловку и сел. Григорьевку“...

Штаба той же армии, от 12 мая: „Дополнительно сообщается: 9-го пластуны (кубанцы) выбили противника из рудника „Ветка“.

Штаба той же армии, 13 мая: „Доблестные пластуны и партизаны, сломив упорное сопротивление противника, взяли ст. Ясиноватая и Авдеевка. Взято 2 бронепоезда...

В районе Мариуполя (ст. Мангут) доблестные Лабинцы (Куб. конный казачий полк) зарубили свыше 200 красноармейцев и вновь взяли 1200 пленных... Противник бежал.

Таким образом результатом боев 8-10-12 мая яви-

лось очищение от красных Юзовского и Мариупольского районов“.

Как видим, даже эти официальные сообщения Штаба добровольческой армии, составленные по горячим следам боев, ясно говорят о том, что именно казачьи конные и пешие части, включенные в состав русской по названию и казчьей по составу Добровольческой армии, очистили весь Юзовский и Мариупольский районы. Это, однако, не мешает русскому витязю, ген. Деникину, в „Очерках русской смуты“ приписывать эти победы оружию русской Добровольческой армии. Ну, для чего этот вождь пишет такую неправду: „Добровольческая армия, перейдя в контр-наступление, в течение нескольких дней овладела вновь всем Юзовским районом и Мариуполем“ (Ден., т. V, стр. 84)? Ведь официальное сообщение штаба самой Добровольческой армии от 10 мая ясно говорит: „После ряда боев доблестные (кубанские) пластуны сломили противника и заняли Макеевку Мушкетовку и Юзовку“! Это и есть Юзовский район. При чем же тут русские добровольцы?

В мае месяце русское командование направило казачий конный корпус ген. Шкуро по двум направлениям: Кубанскую дивизию этого корпуса с ген. Шкуро в общем в западном направлении, в сторону Екатеринослава на Днепре, и Терскую дивизию во главе с ген. Топорковым в общем северном — на г. Славянск и далее.

Официальное сообщение штаба В. С. Ю. России от 20 мая говорит о новых блестящих успехах дивизии Шкуро:

„Кубанские партизаны и Хоперцы ген. Шкуро, совместно с Волч. партизанским отрядом, овладели ст. ст. Удачная и Фирсово и, свернув на Юг, заняли район Алексеевка — Богадырь — Андреевка, далее Сонцевку — Улаклы“...

В сообщении штаба Добровольческой армии 22 мая говорится:

„Конница Шкуро заняла С. Керманчик, разгромлены большевики в Н. Каракуба... Весь район восточнее линии ст. Зачатьевская — д. Ялта от противника лихими Кубанцами очищен“.

Сообщение той же армии 23 мая говорит:

„Конница Шкуро продвигается на запад, гоня остатки Махновцев на ст. Пологи“...

Тот же штаб 24 мая писал:

„В Бердянском направлении конница Шкуро продолжает преследовать разбитые части Махно“...

И в конце концов, 25 мая кубанская конница взяла центр военной организации „батька Махна“ — селение Гуляй Поле. В этот же день взята ст. Пологи.

Одновременно с этим быстрым продвижением конницы Шкуро на широком фронте западного направления, в том же направлении продвигался отряд ген. Виноградова, действовавший ближе к Азовскому морю. В этом отряде особенно отличался Кубанский Лабинский полк. После занятия г. Мариуполя был занят г. Бердянск, лежащий, как известно, на берегу этого моря. 26 мая, как говорит офиц. сообщение Добр. армии, Лабинский полк уже занял узловую станцию Верхнетокмак, лежащую на пересечении жел. дорог Бердянск-Чаплино, и Донецкий бассейн-Крымский полуостров. В том же отряде весьма успешно действовал донской казачий полк, и официальное сообщение штаба Добр. армии от 31 мая говорит: „Один из донских полков на Мелитопольском направлении в бою захватил 2000 пленных“...

Для поддержки удара казачьей кавалерии, действовавшей в общем направлени Нижнего Днепра, были переброшены и кубанские пластуны, весьма успешно работавшие по линии железной дороги на Екатеринослав: 28 мая пластуны взяли станцию Демурино, что лежит примерно в 20 верстах к востоку от узловой ст. Чаплино, а 4-го июня в руки Кубанских пластунов попала и эта последняя важная узловая станция. Как отмечает

офиц. сводка штаба Добр. армии, пластуны гнали большевиков далее на запад, на ст. Синельниково.

8-го июня кубанцы взяли Павлоград, а 10-го июня части Шкуро подошли уже к самому Екатеринославу на пушечный выстрел. 11 июня кубанцы заняли Славгород, 13-го июня Кубанские пластуны подошли к берегу Днепра между Екатеринославом и Александровском, а 16 июня кубанцы заняли самый Екатеринослав, перейдя таким образом на правый берег р. Днепра.

Как видим, кубанские и донские казачьи части действовали весьма и весьма успешно на тех самых землях, где в течение первых месяцев 1919 г. легко была разбита и отброшена в Крым Крымско-Азовская русская армия. Малочисленные остатки этой „армии“ могли задержаться только на Акманайских позициях вблизи Керченского пролива...

Мы отметили выше директиву армиям, данную ген. Деникиным 8 мая. Согласно этой директивы Крымским частям, занимавшим Акманайские позиции, приказано было стоять на месте. И в то время, когда кубанские и терские казачьи части разгромили большевицкие силы в начале мая в Юзовском и Мариупольском районах, когда эти же части в течение всего мая гнали на запад к нижнему Днепру остатки большевицких войск, Крымская группа войск Деникина оставалась на месте...

Когда кубанцы и донцы уже начали закрывать выход из Крыма на север, генерал Деникин решил, что настало время и для перехода в наступление в Крыму (3-й корпус ген. Шиллинга). Однако, перед этим наступлением Деникин предусмотрительно усилил Крымский корпус... теми же вездесущими Кубанскими пластунами.

Наступление в Крыму началось только 5 июня (Деникин, т. V, стр 106). Даже в офиц. сообщениях штаба отмечается не раз, что Кубанские пластуны сыграли выдающуюся роль при очищении Крыма. Например, в сводке говорится, что „8-го июня лихие кубанцы на Карасубазарском направлении выбили красных из нескольких позиций. После захвата кубанцами Карасуба-

зара, в Крыму, с одной стороны, и выхода кубанцев же на севере от Крыма к р. Днепру, большевицкие крымские войска охватила самая настоящая паника. Для характеристики состояния большевицких войск в Крыму приведем выдержку из официального органа Кубанского правительства „Вольной Кубани“:

„В Крыму по всему фронту полное бегство большевиков. Опасаются, что они (большевики), будут окончательно отрезаны в Крыму от Совдепии войсками ген. Шкуро и Виноградова. Бегство большевиков настолько поспешно, что они оставляют все положительно имущество, даже духовые оркестры полков“...

Майские победы казачьих конных полков и батальонов над большевицкими войсками между реками Кальмиусом и Днепром принудили большевицкое командование бросать на этот фронт подкрепления с разных концов. Между прочим, 2-я, т. наз. украинская большевицкая армия, действовавшая на этом фронте, 22 мая была переименована в 14-ю советскую армию. Однако основная сила этой армии — полки „батька Махна“ — подняли восстание против советской власти, бросили фронт и под водительством Махна ушли на правый берег Днепра. В связи с этим, как свидетельствует Егоров, „положение на правом фланге фронта становилось близким к катастрофе, командование фронтом не имело здесь никакого реального обеспечения“ (Егоров, цит. выше его работа, стр. 97).

Большевицкое командование собралось в начале июня „путем организации ударной группы из двух армий (14-й и 12-й, последняя занимала фронт на р. Днестре против Румын) в районе Синельниково (к востоку от г. Екатеринослава) и выходом этой группы на фланг добровольцев в район Славянск-Юзово остановить наступление противника на Харьков. В дальнейшем та же группа должна была продолжать развивать успех и вернуть Донецкий бассейн. Попытка эта не удалась с самого начала. Корпус Шкуро, нанеся поражение Махно под Гуляй Полем (24 мая), был брошен белыми про-

тив 14 армии в Екатеринославском направлении и вынудил эту армию к отходу на Днепр“, свидетельствует быв. большевицкий главком (Егоров стр. 98).

Это сообщение ясно говорит о том, что казачьи полки и батальоны своим могучим молниеносным ударом со стороны Донецкого бассейна на нижний Днепр не только распылили 2-ю большевицкую армию, переименованную в 14-ю, но в корне разрушили новую попытку московского командования собрать сильную ударную группу войск из двух армий для похода в Донецкий бассейн с запада.

Подводя общие итоги боевым операциям казачьих войск нашего левого фланга в мае и первой половине июня 1919 г., мы с полной об'ективностью можем сказать следующее:

1. Казаки не допустили проведения в жизнь директивы Московского командования, данной 28 апреля, путем наступления правым флангом большевицких армий на фронте Дебальцево-Мариуполь выйти к Ростову и Новочеркасску;

2. Казаки вернули Юзовский и Мариупольский районы, захваченные большевицкими войсками у добровольцев в конце апреля и в самом начале мая;

3. Казаки, действуя против директивы ген. Деникина № 06796, от 8 мая, предписывавшей только оборону на этом фронте, разгромили 2-ю и правый фланг 13-й большевицких армий;

4. Казаки не допустили организации большевиками ударного кулака из 14-й и 12-й большевицких армий для нового похода на Казачьи Земли;

5. Казаки принудили большевицкие войска очистить Крымский полуостров.

Само собою разумеется, что эти достижения сравнительно небольших казачьих сил на этом фронте находятся в полной связи с подобными успехами казачьего оружия на других фронтах и в связи с некоторыми восстаниями украинского населения против большевиков.

Роковым несчастьем для Казачества было то, что

на освобожденных казаками от русской красной власти Землях восседали представители „белой“ России. И то, что добывалось казачьей кровью, губилось русской политикой.

Деникин авторитетно пишет: „Добровольческая армия, наступая безостановочно, к 22 мая заняла Славянск, отбросив части 8-й и 13-й сов. армий, расстроенные и растаявшие, за Сев. Донец“ (Очерки смуты, т. V, стр. 104).

Правду ли пишет ген. Деникин, утверждая, что русская Добр. армия заняла г. Славянск?

В действительности дело было так: в Славянском направлении были пущены кубанские пластуны и терская конная дивизия из корпуса Шкуро. На долю этих казачьих частей припало ведение решительных боев вдоль главной железно-дорожной линии, идущей из Ростова через Таганрог—Никитовку—Краматорскую на г. Славянск. Обратимся к официальным документам, касающимся боев в этом направлении:

Официальн. сообщение штаба В. С. Ю. Р. 22 мая 1919 г., № 147, говорит:

„На Славянском направлении кубанские пластуны заняли станцию Дружковку. По показаниям перебежчика врача, отходящие за р. Донец красные части не исполняют приказа задержаться за рекою и разбегаются по домам“ („Вольная Кубань“ за 24-V-19).

Офиц. сообщение штаба Добр. армии от 23 мая свидетельствует:

„На Славянском направлении кубанские пластуны вступили в бой у Краматорской“...

Офиц. сообщение штаба В. С. Ю. Р. от 26 мая 1919 г.:

„На Славянском направлении к вечеру 22 мая доблестные кубанские пластуны, после упорного боя, овладели с. Петровка и ст. Краматорская“ („Вольн. Кубань“ за 26-V-19).

Сообщение Добр. армии от 24 мая говорит:

„Город Славянск взят одновременной атакой ку-

банцев и терцев“. По этому поводу официальный орган Куб. Правительства „Вольная Кубань“ 25 мая 1909 г. писала следующее:

„Доблестными кубанскими пластунами при поддержке конницы Шкуро (подразумевается терская дивизия корпуса ген. Шкуро) нанесен окончательный разгром 13-й сов. армии в районе станции Краматорская и города Славянска. Лихой атакой в лоб противника пластуны разгромили красных у станции Краматорская и повели решительное наступление на красных, защищавших с особенным упорством гор. Славянск. Конница Шкуро (терская дивизия ген. Топоркова) пошла в обход Славянска слева. Перерезала линию желез. дороги со Славянска на Лозовую у ст. Бантышево и пошла в тыл г. Славянска. В это время лихие пластуны стремительной атакой сбили красных со всех позиций и ворвались в г. Славянск, уничтожая оказывающих сопротивление красных. В Славянске взята огромная добыча... много пленных, орудия, пулеметы, масса подвижного состава, 30 паровозов. Остатки 13 армии в полной панике бегут на ст. Лозовую и за Донец на ст. Лиман. Преследование продолжается“...

Как видим, официальные сообщения двух штабов, где заседали русские люди, и официозное сообщение „Вольной Кубани“ совершенно ясно говорят о том, что г. Славянск взяла кубанская казачья пехота при энергичной поддержке терской конной дивизии. Зачем же быв. главнокомандующий пишет то, что совершенно не соответствует действительности?

После взятия г. Славянска терская казачья дивизия направилась прямо на г. Изюм и 27 мая взяла его. Офиц. сообщение штаба В. С. Ю. Р. 28 мая писало по этому поводу: „27 мая после весьма упорного боя доблестными терцами взят Изюм. Защищавшие город коммунисты изрублены“. („Вольная Кубань“, № 116, за 30.5.19).

В то же время кубанские пластуны были двинуты из г. Славянска в направлении чрезвычайно важной

узловой железно-дорожной станции — Лозовая (лежит на перекрестке дорог Харьков — Севастополь и Славянск — Полтава). И в офиц. сообщении штаба В. С. Ю. Р. от 29 мая читаем: „На Лозовском направлении мы (куб. пластуны) заняли с. Барвинково". Потом „славными кубанскими пластунами заняты Б. Камышеваха и Сергиевка", в направлении от Изюма на Лозовую. („Вольная Кубань" от 1-VI-19.). Далее, 4 июня, кубанские пластуны взяли Языково и с. Даниловку и, наконец, захватили самую ст. Лозовую. В офиц. органе Кубанского Правительства „Вольной Кубани", за 6 июня, № 122, читаем следующее:

„Доблестные кубанские пластуны взяли Лозовую, несмотря на упорнейшее сопротивление нескольких советских полков, только что прибывших из Харькова.

Взятие Лозовой имеет громадное значение, так как со взятием Лозовой совершенно отрезывается от Совдепии Крымская советская республика, которая без подвоза снарядов из Харькова долго существовать не может, тем более, что вся правобережная Украина находится в руках Григорьева. Кроме того, в Лозовой разбиты самые лучшие полки красных, брошенные из резерва для защиты такого важного железнод. узла, как Лозовая".

Мы отметили выше, что терская конная дивизия 27 мая взяла город Изюм и, таким образом, перерезала линию важной жел. дороги Харьков — Изюм — Яма — Луганск — Миллерово. В то время, как кубанские пластуны победоносно шли на Лозовую, терская дивизия двинулась далее на север, в обход г. Харькова с востока. 1-го июня славные терцы захватили уже г. Купянск, где находился штаб 13-й советской армии, принесшей столько зла казакам (быв. группа Кожевникова). Приведем короткое описание этой новой казачьей победы:

„1 июня доблестная конница ген. Топоркова (терская дивизия) подошла к Купянску и обошла его с северо-запада, нанеся полное поражение красным. В го-

роде бой продолжается. Красные разгромлены на голову. Взяты орудия, пулеметы, часть штаба 13-й сов. армии и др. военная добыча. Все пути к северу от Купянска перерезаны нами. Паника среди красных не поддается описанию. Бегут все кто куда попало". („Вольная Кубань" за 2 июня 1919 г.).

Взятие терцами г. Купянска имело колоссальное стратегическое и политическое значение: перерезана была железная дорога Харьков — Купянск — Камышеваха — Никитовка — Таганрог и жел. дорога Харьков — Купянск — Лиски, а также жел. дорога Белгород — Купянск и т. д., захвачен военный центр, из которого армия Кожевникова, переименованная потом в 13-ю армию, вела наступление на Казачьи Земли в течение всей зимы и весны 1919 г.

После взятия Купянска терская казачья дивизия продолжала весьма энергичное наступление на северо-запад, на Белгород, обходя Харьков с северо-востока и с севера. Офиц. сводка штаба В. С. Ю. Р. от 6 июня, № 162, говорит: „На Белгородском направлении нами заняты станции Шиповатое и Бурлук (в 65-70 верстах к востоку от Харькова). Потом Терцы взяли г. Волчанск, и 10 июня доблестная терская дивизия вступила уже в г. Белгород, перерезав железнодорожную линию Харьков — Москва, а 11 июня терцы обошли Харьков с северо-запада и перерезали жел. дорогу Харьков — Брянск и Белгород — Ворожба — Киев".

В то время, когда казачьи полки и батальоны громили большевицкие войска на огромных равнинах Украины от Калмиуса до Днепра и от Азовского моря до Белгорода, в то время, когда казачьи войска после Манычского разгрома 10-й сов. армии гнали ее на Царицын, в самое решительное и весьма энергичное наступление перешла донская армия на длинном фронте от района г. Луганска до нижнего Маныча и Сала.

Официальная сводка донской армии от 13 мая уже констатирует:

... „Таким образом за 4 дня, с 8 по 13 мая, доблестными донскими армиями достигнут огромный успех почти на 200 верстном фронте. Очищено все пространство между Доном и нижним течением Сала и Маныча и к востоку вдоль линии Мартыновка — ст. Каргальская. Полностью очищен от красных весь плацдарм в районе ст. Усть-Быстрянской, форсирован Донец на 50 верст. участке от х. Синегорского до х. Дубового".

Казачьих побед на всем большом протяжении донского фронта не могут отрицать ни белые, ни красные русские люди, так как на этом фронте Деникин совсем не имел своих добровольцев.

Относительно майских побед донской армии большевицкие исследователи опубликовали между прочим следующее:

„Окончательно надломил силы Южного фронта прорыв центра 9-й красной армии. Этот прорыв совпал по времени с завершением противником своего контр-маневра в Донецком бассейне. 11 мая крупные силы противника (преимущественно конницы) переправились через Донец у хутора Дубового на стыке 23-й и 16-й дивизий и, распространяясь на север в направлении станции Глубокая и на восток в направлении станицы Калитвенской, вышли в тыл 16-й и 23-й дивизий. Стремления этих дивизий сомкнуть фронт и отбросить прорвавшегося противника успеха не имели. 16 мая белые подходили уже к станции Миллерово, углубившись в тыл красных на 75 км. и окончательно разрезав 9-ю армию на две части. Ближайшей целью прорвавшейся группы белых являлось скорейшее соединение с Вешенскими повстанцами. Находившаяся на правом фланге 9-й армии 16 дивизия отходила на северо-запад в расположение 8-й армии (район ст. Митякинской), а другие 2 дивизии (23-я и 14-я), находившиеся к востоку от прорыва, в общем направлении на северо-восток и

север, огибая район восстания с востока. Окруженные повстанцами, не руководимые армией, эти дивизии самостоятельно пробивают себе дорогу. 9-ая армия, как таковая, временно как бы перестает существовать“... (Гражд. война 1918-1921, т. III, стр. 239-240).

Относительно побед донских армий ген. Деникин пишет:

„В середине мая началось наступление и донской армии. Правая группа Мамонтова, форсировав Дон выше устья Донца, в четверо суток прошла 200 верст, преследуя противника, очищая правый берег Дона и подымая станицы. 25 мая он был уже на Чире, а 6 июня, перервав жел.-дор. путь Поворино — Царицын, двинулся дальше, частью вверх по Медведице, частью в тыл Царицыну.

Другая группа, переправившись у Калитвы, направилась по Хопру на Поворино; третья группа, форсировав Донец по обе стороны Юго-Вост. жел. дороги, преследовала отступающую 8-ю армию красных на Воронеж, в то время, как отдельный конный отряд ген. Секретева двинулся на северо-восток прямым путем в район восставших казаков Верхне-донского округа.

Результатом этого искусного и полного порыва наступления донской армии было поражение 9-й и части 8-й советской армии, соединение с восставшими и очищение всей Донской области“ (Деникин. Очерки, т. V, стр. 106).

Сделав общую оценку чрезвычайных успехов донского казачьего оружия выше приведенными отзывами красных и белых русских людей, мы теперь несколько подробнее остановимся на действиях левого фланга наступающих донских армий, фланга, действовавшего в непосредственном соседстве с добровольческими частями. Как говорит официальное сообщение, 19 мая донцы заняли Луганск, Меловую, Сборную. Далее донские войска повели энергичное наступление в северо-западном направлении от жел.-дор. линии Миллерово — Луганск,

в общем направлении на Беловодск — Старобельск. Донцы занимают Райгородку, Петропавловку, Святодмитриевку, Ново-Айдар, Беловодск, при чем, как отмечает телеграмма от 29 мая, „противник сбивается со всех позиций и, теряя пленных, оружие и патроны, отходит на север". Дальнейшие сводки отмечают все новые и новые успехи донского оружия в этом направлении:

„1 июня доблестные донцы, двигаясь к северу от г. Беловодска и Старобельска, заняли Марковку, Бугаево, Каменку и подходят к Осиново" (все пункты, в общем, к востоку от г. Купянска, который как известно, 1 июня был занят терской казачьей дивизией).

„5 июня. При поддержке бронепоездов доблестные донцы, наступающие вдоль жел. дороги на Лиски, с боем овладели ст. Кантемировка и гонят противника на Евстратовку и на Богучар.

Другая колонна донцов, наступающих к северу от г. Старобельска, разбила красных у селения Шарова (на р. Айдар, на границе Харьковской и Воронежской губерний) и Александровки, заняла эти селения и гонит противника на г. Валуйки. Среди красных после неоднократных поражений наступила полная паника. Мобилизованные разбегаются из полков по деревням, не желая сражаться (кругом живет украинское население). В некоторых полках осталось не больше как по 100 человек" („Вольная Кубань" за 6 июня 1919 г.).

Из выше приведенных данных видно, что казаки в мае и в начале июня разгромили 10-ю, 9-ю, 8-ю, 13-ю и 14 советские армии и безостановочно гнали их за пределы казачьих земель. Ясно было одно: красная Россия потерпела крах в своих наступательных стремлениях...

Что же делали в это время русские „белые"?

Добровольческие части Май-Маевского ген. Деникин нипправил в промежуток между двумя ударными казачьими колоннами, кубанские пластуны и терская конница наступали на Дружковку — Краматорскую —

Славянск, донцы наступали на Луганск — Старобельск, а добровольцы между ними на Бахмут — Камышеваху — Яма. Кубанцы и терцы на Славянском направлении громили 13-ю сов. армию, донцы у Луганска били по 8-й сов. армии, а добровольцы продвигались по линии жел. дороги Никитовка — Камышеваха, прикрытые казаками с запада и северо-запада (кубанцы и терцы), а также с востока и северо востока (донцы). При чем, очевидно, и в центре вместе с добровольцами были и казаки. Например, сообщение от 24 мая говорит, что „в районе Бахмута казаки захватили большевицкий пассажирский поезд с несколькими комиссарами", и что поезд этот был отправлен в Ростов.

После поражения в районе г. Славянска большевики поспешно отступили за р. Донец. Сообщение говорит о том, что

„В Харьковском направлении жел. дор. путь на ст. Рубежная и Кременная забит составами поездов с потухшими паровозами, брошенными большевиками. Вся станция Лиман также забита составами. Наш бронепоезд, доходивший 24 мая до ст. Лиман, противника не обнаружил" („Вольн. Кубань" № 115, за 29-V-19.).

После этого добровольцы заняли ст. Лиман и потом ст. Святогорскую, но и это сделано было после того, как терская дивизия 27 мая заняла г. Изюм, перерезав ж. д. линию на Харьков. Терцы пошли далее на север в сторону г. Купянска. Добровольцы тогда продвигаются и по линии жел. дор., ведущей на Купянск с юго-востока.

Таким образом добровольцы действовали сначала на небольшом участке в районе Бахмута — Камышевахи — Яма, надежно прикрытые казаками. Когда же казаки взяли Славянск и Изюм и наступали успешно на север в сторону г. Купянска и на запад в сторону станции Лозовой, добровольцы начали продвигаться между кубанскими пластунами, наступавшими на Лозовую, и терской дивизией, направленной Деникиным в обход Харькова с востока и с севера. Конечно, доброволь-

цы направлялись между казачьими войсками на Харьков по линии жел. дор. Изюм — Змиев — Харьков.

4 июня кубанцы захватили ст. Лозовую, что лежит к югу от Харькова, 10-го июня терцы отрезали Харьков от Москвы, захватив г. Белгород, а 11 июня добровольцы заняли Харьков.

События в тылу.

Выше мы в общих чертах, основываясь на документальных данных, остановились на описании событий на фронте зимою и весною 1919 г. По данным большевицкого командования мы точно установили, какие задания ставило это командование для своих армий в этот период борьбы, какие силы пускало в ход для достижения поставленных целей. Точно также мы проследили, хотя в главных моментах, действия русского белого командования и остановились на установлении количества и качества тех боевых русских сил, которыми располагало это командование. Принуждены мы были остановиться и на характеристике взаимоотношений Казачества с внешними, иностранными силами, которыми тогда являлись державы Антанты.

Мы установили, что главной и исключительной задачей красных армий на Южном фронте было уничтожение казачьих вооруженных сил и покорение Казачьих Земель или, как сказал Л. Троцкий, присоединение Казачьих Земель к России. Мы видели, что в многочисленных кровопролитных сражениях в Донецком бассейне, на р. Донце, на р. Маныче, в южных степях Украины казаки железной рукой не только остановили натиск красных полчищ, но постепенно расшатали русские большевицкие армии, наконец разбили их и жалкие остатки еще зимою 1919 г. грозных сил погнали за пределы своих земель. Деникин говорит: „В начале мая на всем фронте от Донца (левый фланг Донской армии) до Азовского моря в стане большевиков наступил маральный перелом“ (т. V. стр. 84.).

По нашему, это суждение не отвечает действительности. Совершенно не является возможным установить какой-нибудь небольшой промежуток времени, в который у нашего противника „наступил моральный перелом“. Начиная с весны 1918 г. большевицкие армии последовательно проигрывали каждое сколько-нибудь значительное сражение с казаками. Вспомним всю историю боев донского войска против большевицких армий; начиная с весны 1918 г. и кончая зимою 1919 г., донцы всюду, в конце концов, разбивали большевицкие войска.

Большевицкие успехи на донском фронте зимою 1919 г. об'ясняются моральным переломом, который, благодаря многим и сложным причинам, временно охватил донских казаков. Но уже на р. Донце и в Донецком бассейне всего 15-ти тысячная донская армия в феврале — апреле 1919 г. в множестве кровопролитнейших и упорнейших боев постоянно разбивала большевицкие ударные группы, численно и вооружением во много раз превосходившие донские войска.

Вспомним всю почти 8-ми месячную историю борьбы Кубанского казачества за освобождение Кубани и всего Северного Кавказа. Кубанцы также последовательно и постоянно разбивали большевицкие армии, ибо на стороне казаков было моральное превосходство и беззаветная храбрость. Вспомним походы казачьих ударных полков по большевицким тылам в марте (казачий рейд на фронте Горловка — Азовское море), в апреле, мае и июне (казачий поход из района селений Дивного — Приютного в тыл 10-й армии, прорыв на р. Донце, новый поход Кубанцев и Терцев по большевицким тылам до р. Днепра и до самого г. Белгорода севернее Харькова). Как в бессмертном произведении Н. В. Гоголя, — где появился казачий полк, — там была улица, где прошла казачья сотня, — там был переулок среди большевицких полчищ. Вспомним и историю борьбы Верхне-донских повстанцев, руководимых всего только обер-офицерами: сонм большевицких агитаторов, десят-

ки тысяч до зубов вооруженных большевицких войск, грозные приказы Вацетиса, Троцкого и Ленина не могли сокрушить казачьего восстания. И недаром большевицкий русский главковерх, Л. Троцкий, восклицал: „Южный фронт — казацкий фронт". Недаром Ленин все время настаивал на том, чтобы все силы русских красных войск были направлены именно против казаков...

В этой титанической борьбе Казачества против красной России самую незначительную боевую роль в западной части Донецкого бассейна, в Таврии, в Крыму или на Маныче играли русские действительные добровольцы. Говоря так, мы совершенно не собираемся преуменьшать того героизма, который был присущ русским добровольцам. Но их было так мало, что они не были в силах удержать даже небольшого сравнительно участка фронта в Юзовском районе. И казаки принуждены были постоянно спасать и положение на фронте дивизии Май-Маевского, и самих добровольцев. Буквально то же самое было и в 1918 г. во время борьбы за освобождение Кубани и всего Северного Кавказа.

Казачий корпус Шкуро бил большевиков там, где хотел, и тогда, когда хотел, в тех самых районах, где под ударами плохо организованных большевицких войск перед этим в прах разлетелась Крымско-Азовская русская армия.

Донские войска последовательно разбивали ударные большевицкие группы в районе г. Луганска.

Но корпус Май-Маевского также часто отступал в районе Юзовки под ударами плохо организованных партизан „батька Махна", Онищенко и др.

Одна казачья конная дивизия ген. Топоркова совершила знаменитый рейд Славянск — Изюм — Купянск — Белгород, а сборный корпус Кутепова на р. Маныче самостоятельно не мог осуществить ни одной сколько-нибудь заметной боевой операции.

Казачья конница и пехота били большевиков на широких просторах земель от реки Калмиуса до р.

Днепра, а в это время корпус ген. Шиллинга отсиживался на Акманайских позициях недалеко от города Керчи под защитой союзного флота, действовавшего со стороны Черного и Азовского морей.

Словом, ни количественно, ни качественно русские вооруженные силы, руководимые Деникиным, ни в какой степени не соответствовали той политической роли, которую русские люди играли или старались играть на Казачьей Земле. За период зимних и весенних боев стало совершенно ясным, даже для русских патриотов, что государства Антанты своих войск для борьбы против русских красных армий не дали и не дадут. Уже завершилась весьма печальная история Одесского и Крымского союзных дессантов.

Лицом к лицу на фронте кровавой борьбы стояли одна против другой две силы: Россия красная и Казачество. В среду казачью внедрилась русская „белая мечта“, стремившаяся сделать непосильное для себя и гибельное, в конце концов, для Казачества дело — использование казачьих вооруженных сил для разрешения спора между красной и белой Россией.

И в то время, когда казачья конница и пехота, истекая кровью, громили армии красной России, в тылу у них велася упорная и сложная борьба сил, действовавших на Казачьей Земле. Для умных русских людей, могущих спокойно присматриваться к жизни, настроениям и желаниям толщи народной и умеющих делать об'ективную оценку борющихся сил на Казачьих Землях, должно быть совершенно ясным, что русское белое движение не только не встретило сочувствия и активной поддержки со стороны казачьей народной массы, но эта масса отбрасывала как претензии русских людей взять в свои руки управление этой массой, так и желание русских белых вождей двинуть казачьи полки для достижения именно тех целей, которыми руководствовались эти белые русские люди.

Донское Войско, считавшееся русскими людьми за исключительно русское войско, через двести лет под-

чиненного положения в русском государстве, об'явило существование своего независимого государства, установило Основные законы, свой флаг, свой гимн, завело свою особую присягу на верность служения Всевеликому Войску Донскому, организовало свою армию.

Второй год Дон был в состоянии упорной, беспощадной, а потому и кровавой войны с Россией. Донцы умирали, донские станицы все больше и больше наполнялись вдовами и сиротами от ударов русских пуль, русских штыков и русских сабель. Логика этой войны была грозна, но совершенно проста и ясна.

Собирал ли донские силы донской казак — русский монархист, или донской сознательный самостийник, стремящийся освободить Дон от русского владычества вообще, собирал ли их просто донской патриот, еще не сформулировавший и не выяснивший своего отношения к России, — положение дел от этого не менялось: Дон на полях брани именно против русских войск решал надолго свою судьбу.

Также не меняет положения и то, кто собирал русских людей в красные армии для похода на Дон — был ли это красный Ленин или Троцкий, был ли это русский красный генерал Сытин, или полковник ген. штаба Егоров, или бывший народный учитель, или кооператор... Русская армия шла завоевывать Дон. И снова неважно, по каким внешним или внутренним мотивам это совершалось — ради донского хлеба или угля, или ради насаждения идей социализма и коммунизма. Важно то, что было основным и характерным: русские многотысячные армии шли завоевывать Казачьи Земли, и собралось этих русских людей с оружием в руках не меньше того, сколько их в 1380 г. выступило с Димитрием Донским против Татар, и в несколько раз больше того, что имел Петр I в 1709 г. в битве со шведами под Полтавой.

Еще яснее было дело с Кубанью. Рада отбросила все претензии русских людей на политическую и военную диктатуру над собою. Все постановления Рады по

основным вопросам красноречиво говорят об этом. Кубань отбрасывала русскую белую идею и на ее место ставила идею необходимости об'единения народов и земель именно для защиты общими силами от наступающей России.

Но одновременно проводилась и определенная русская политика среди Казачества, отдававшего все свои силы на борьбу с красными русскими армиями. В обращении Донского Круга к донским войскам 4 февраля, как мы знаем, писалось о том, что на помощь Дону спешит Добровольческая армия, хотя в действительности с Кавказа на Дон передвигались тогда Кубанские и Терские казачьи полки. 1 мая Донской Круг тоже писал, что Добровольческая армия „стала непоколебимой стеной"... (подписали: П. Дудаков, П. Скачков, Н. Пономарев, I. Зенков, К. Попов, М. Горчуков, Б. Уланов). Очевидно всякие способы действий были хороши для достижения русских целей. Казачество должно было проникнуться мыслью, что его спасают, ему активно и серьезно помогают русские люди во главе с Деникиным.

Однако, близорукие казачьи вожди должны были понимать, что от такого прославления Деникина красные армии не станут слабее, а слабые силы русских добровольцев не увеличатся. Расплата за такую явно ошибочную казачью политику наступила позже и повергла Казачество в русскую красную неволю.

Духу донской и терской официальной политики того времени, без сомнения, соответствовало Кубанское Правительство Ф. Сушкова, установленное на Кубани после победы русской группы на Кубанской Раде во время выборов Кубанского Атамана в декабре 1918 г. Мы уже говорили выше о том, что это Правительство выступило перед Кубанской Законодательной Радой 29 января 1919 г. с декларацией, в которой возвестило, что через несколько дней кубанские войсковые части будут выделены в отдельную Кубанскую армию; говорило об удовлетворении потребностей всех националь-

ностей, населяющих Кубань; что об'единение молодых государств оно мыслит только в форме союза и т. д. После прекращения в конце февраля зимней сессии Кубанской Краевой Рады, в Екатеринодаре продолжала работать Кубанская Законодательная Рада. Была сделана попытка заменить Правительство Сушкова новым правительством во главе с представителем кубанских самостийников. Переговоры представителей этой группы по этому поводу с Атаманом Филимоновым окончились ничем, так как ген. Филимонов, действуя в полном контакте и согласии с ген. Деникиным, не согласился легальным путем передать исполнительную власть в Кубанском Крае в руки кубанских самостийников. Ген. Деникин по этому поводу говорит следующее:

> „Не считая возможным переход власти в крае всецело в руки самостийников и, вместе с тем, избегая неизбежно кровавого переворота, мы — и я, и Филимонов — выходили естественно на скользкий и зыбкий путь компромиссов“ (Ден. т. IV, стр. 55).

Это заявление Деникина авторитетно вскрывает закулисную прямую связь действий выборного Кубанского Атамана с ген. Деникиным.

Вскоре после срыва переговоров о переформировании Правительства Сушкова, это последнее перешло в решительное наступление против кубанских самостийников и распоряжением 9 марта 1919 г. закрыло совсем печатный орган самостийников, газету „Кубанский Край“. и типографию, где печаталась эта газета, реквизировало для нужд Правительства. Этот шаг Правительства Сушкова был об'явлением открытого боя самостийническому течению на Кубани, представители которого играли видную роль среди членов Зак. Рады, перед которой было ответственно Кубанское Правительство.

Как видно из документов, кубанские самостийники, в свою очередь, сделали целый ряд шагов с целью па-

рализовать единонеделимческую политику этого Правительства и не допустить вообще усиления политической власти Деникина.

Ген. Деникин, не добившись подчинения Кубани его власти во время работ Краевой Рады в конце 1918 г., вместе со всеми своими единомышленниками решил исподволь все же подчинить себе Кубань. На порядок дня выдвигались те или иные жизненные вопросы и предлагалось разрешать их общими силами Кубани, Дона, Терека и Добровольческой армии. Так как представители Дона и Терека, обыкновенно, поддерживали в то время „об'единительную политику“ ген. Деникина, а Правительство Сушкова также шло навстречу стремлениям русских людей прибрать Казачьи Земли к своим рукам, положение кубанских самостийников временами становилось весьма и весьма тяжелым.

На стороне Деникина были в то время официальные руководители политики на Дону, на Кубани и на Тереке; Деникина поддерживала многочисленная русская пресса, заливавшая Казачество своею русскою пропагандой; в то же время единственная на этих землях газета самостийного направления „Кубанский Край“, как мы отметили выше, была закрыта 9 марта. Военные миссии Англии, Франции и Италии всецело поддерживали ген. Деникина.

В то же время кубанские самостийники не встретили никакой поддержки ни со стороны Грузии, ни со стороны Азербейджана, а территория Украины была театром непрекращающихся военных действий между большевиками и украинскими войсками, загнанными почти к самому Збручу, войны между повстанцами и большевиками, войны между казаками и большевиками, между добровольцами и большевиками. У кубанских самостийников в то время не было прямой связи с центром украинского освободительного движения. Для кубанских самостийников наступил, казалось, период полной изоляции, близкой к ликвидации...

При всех этих об'ективных весьма тяжелых усло-

виях борьбы кубанские самостийники свою работу, как видим из исторических данных, направили, с одной стороны, в народную кубанскую массу, и с другой, за границу, в державы Антанты, военные миссии которых своей поддержкой Деникина затрудняли борьбу. Не имея материальной возможности для возобновления издания самостийнической газеты или хотя бы журнала, кубанские самостийники обратили весьма серьезное внимание на ведение устной информационной работы среди населения Кубани, устной пропаганды определенных идей. Кубань была разделена на районы, и в эти районы посылались члены Кубанской Законодательной Рады для докладов как на официальных собраниях выборных представителей станицы, так и на общих собраниях населения станицы. Беседы членов Рады на этих собраниях и отдельно с выборной станичной администрацией подтверждали правильность политической линии поведения, установленой Кубанской Краевой Радой на осенней сессии 1918 г. и на зимней 1919 г.

Было также обращено большое внимание на связь с фронтовыми частями. Работа в этом направлении облегчалась постоянной циркуляцией казаков между станицами и фронтом: на фронт почти беспрерывно шли новые пополнения, возвращались выздоровевшие раненые или больные, а с фронта непрерывной вереницей направлялись в станицы все новые и новые раненые на фронтах борьбы против красной России.

С своей стороны, и фронтовые казаки по своей инициативе устанавливали постоянную связь с Законодательной Радой... Казачество возмущалось до глубины души появлением „картузников" в казачьих частях; глубоко возмущались далеко неравномерным распределением обмундирования между казачьими и добровольческими частями: казаки указывали на то, что русские части были вооружены далеко лучше, нежели части казачьи; казаки протестовали против того, что их посылают на службу в добровольческие части (исключение составляли те немногочисленные казаки, которые,

стараясь уклониться от фронта, с радостью принимали назначение в Деникинскую печальной славы „государственную стражу“)...

Уже зимою и особенно весною 1919 г. казачья масса видела, что ее обманывают в больном и неотложном вопросе организации Кубанской армии... Масса казачьего населения начала глухо роптать всюду в кубанских станицах... Только беспрерывные, чрезвычайно жестокие бои на фронте, бесконечное перебрасывание кубанских дивизий с одного фронта на другой, постоянная угроза большевицкого прорыва к Ростову и Новочеркасску со стороны Донецкого бассейна, грозный прорыв к самым границам Кубани 10-й советской армии и вызванные этим поголовные мобилизации казачьего населения прифронтовой полосы, — не давали кубанским казакам возможности как следует вдуматься во все обстоятельства тяжелой борьбы на фронте и в тылу и сделать необходимые выводы. Кроме того, казачья масса верила тогда еще в то, что выборные казачьи представители, которые занимали высокие посты в Кубанском Крае — Атаман, члены Правительства, члены Законодательной и Краевой Рад — сделают все необходимое для облегчения жестокой войны и приближения желательного ее успешного окончания...

Весьма упорные и ежедневные бои на фронтах, внутренняя неустроенность Кубани, вся политическая и военная обстановка на широких просторах земель от Днепра и до Урала не позволяли кубанским самостийникам пойти на применение силы оружия в тылу для установления на Кубани такой исполнительной власти, которая бы повела дело борьбы с большевиками в желательном направлении. Нужно сказать, что некоторые весьма видные самостийники в своей среде предлагали уже ранней весной 1919 г. применить именно этот способ разрешения затянувшегося на Кубани спора между сторонниками России, с одной стороны, и решительными защитниками самостийности, с другой. Одно время покойный председатель Кубанской Краевой Рады,

Н. С. Рябовол, в тесной среде кубанских самостийников поднимал вопрос о необходимости принятия Кубанью протектората одной из иностранных держав с целью спасения края от нашествия красных русских армий (конкретно речь шла об Англии, в сферу влияния которой входила, как известно, территория всего Кавказа). Однако, ни путь открытого военного переворота, ни принятие протектората Англии не были приняты. Вместо того было решено вести борьбу шаг за шагом, борьбу упорную и последовательную, как за укрепление и охранение от русских посягательств кубанской государственной самостоятельности, в надежде, что последующие события будут благоприятствовать в большей степени успеху той борьбы, которую начала Кубань в 1917 г., так и борьбы в направлении облегчения боевых действий кубанских полков на фронте.

На русскую политику Правительства Сушкова, на работу этого правительства в направлении подчинения Кубани Деникину, самостийники ответили целым рядом мер, явно парализующих единонеделимческую политику этого правительства: Кубанский, выбранный Кубанской Законодательной Радой, Краевой контролер ввел предварительный контроль на все финансовые операции правительства; сама Рада широко использовала право вопросов правительству; не было допущено проведения в жизнь ни одного мероприятия, которое бы усиливало или расширяло в какой либо степени власть Деникина на Кубанский Край... Словом, в ежедневной практической работе политика кубанских самостийников приходила к столкновению и борьбе с единонеделимческой политикой русских людей во главе с Деникиным.

Русские люди свою единонеделимческую работу, обыкновенно, прикрывали „интересами общего дела", пользой государственной, даже интересами самой Кубани. Так они, русские люди, со времени похода с Дона на Кубань делали беспрерывные попытки подчинить русским генералам не только кубанские военные силы, но и хозяйственную жизнь Кубанского Края. Они под

разными предлогами старались подчинить Деникину дело снабжения как армии, так и населения, кубанские желез. дороги, почту, телеграф и т. д. Совершенно естественно, русские кубанцы шли навстречу желаниям Деникина, но защитники независимости Кубани от русских белых вождей не смели допустить проведения в жизнь этого желания русских единонеделимцев. По этому поводу ген. Деникин публикует следующие данные:

„Наконец, крупный вопрос единства снабжения также не получил разрешения. 12 и 13 марта под моим председательством состоялось совещание представителей Добр. армии, Дона, Крыма, Терека и Кубани по вопросу об об'единении дела продовольствия и товарообмена на Юге России в одном коллегиальном органе при главнокомандующем. Все представители пришли к соглашению, кубанцы отказались... 26 марта было утверждено мною положение о „Совете по продовольствию", фактически не осуществленное, благодаря противодействию кубанцев" (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 59).

Стремление единонеделимцев подчинить себе кубанские железные дороги тоже было отвергнуто. То же самое было и в вопросе о почте и телеграфе. Известный помощник Деникина по опутыванию казаков в русские сети, проф. К. Н. Соколов, по этому поводу говорит следующее:

„Зато Кубань продолжала „самостийничать" и срывала все об'единительные начинания. После долгих переговоров в феврале было достигнуто об'единение в руках Главного Начальника Военных сообщений заведывания путями сообщения, почтой и телеграфом. Оно оказалось неполным, благодаря сопротивлению путейского ведомства Кубани. Кубань сделала невозможным и намеченное и подготовленное позднее об'единение продовольственного дела, на которое с охотой согласились Дон и младший член казачьей семьи, только что освобожденный Терек" (Правление Деникина, стр. 89).

Между кубанскими „русскими людьми“ и кубанскими самостийниками основное различие заключалось в том, что кубанские „русские люди“, а между ними и генерал Филимонов, выступая перед Краевой Радой, торжественно и льстиво называли ее Хозяином Земли Кубанской, но фактически делали все, чтобы Кубанский Край подчинить Деникину; в то же время кубанские самостийники не только на словах, но, главное, на деле старались создать такое положение, чтобы на Кубани Кубанская Краевая Рада, как законный представительный орган населения Кубани, была действительным хозяином, действительной Верховной Властью в Кубанском Крае.

И если эта Рада только недавно, 13 февраля, постановила поручить Кубанскому Правительству не позже марта того же года созвать Конференцию из представителей новых республик, если правительство Сушкова, по соглашению с Деникиным, не созывало этой Конференции, а вместо нее на свет Божий появлялись различные проэкты „об'единения при главнокомандующем“, напрасно русские люди делали из себя ничего не понимающих и обиженных простачков, когда встречали такое решительное и бескомпромиссное сопротивление со стороны Кубани. Совершенно напрасно русские люди, опираясь на официальных представителей Дона и Терека и на русское Кубанское правительство Сушкова, делали усилия подчинить себе Кубань в каком-либо отношении. Все эти попытки ограничить путем обмана государственную самостоятельность Кубани отбрасывались кубанскими самостийниками.

Та же участь постигла и стремление русских людей установить общий Сенат для всех земель, силою казачьего оружия освобожденных от большевиков. Один из организаторов этого Сената, Чубинский, по этому поводу говорит следующее:

„Со стороны Кубани явно ощущалось недоверие и скрытая, но вполне определенная неприязнь к Главнокомандующему и его Особому Совещанию... Кубань

признала этот вопрос (о Сенате) не спешным, а потому отложила его на рассмотрение. Позже она также ни разу к его рассмотрению не возвращалась...

... Если бы к соглашению примкнула и Кубань, мы имели бы перед собой непрерывную и компактную территорию с Сенатом, как символом известного единства и солидарности“ (Донская Летопись, кн. I, стр. 143).

Кубань искала соглашения с новыми государственными образованиями, но совершенно не хотела путем частичного разрешения различных государственных вопросов постепенно подчиниться русским людям во главе с Деникиным. И нет ничего удивительного в том, что, как констатирует Деникин: „Таким образом, ни один из важнейших вопросов взаимоотношений Кубани с Добровольческой армией разрешен не был. Весь наш совместный путь был усеян крупными и мелкими столкновениями, расчищался бесконечными компромиссами и вел к неизбежному разрыву“ (Деникин, IV, стр. 60).

При таких условиях между правительством Сушкова и большинством Законодательной Рады разгорелася жаркая борьба, которая передавалась в станицы и на фронт и вызывала там неблагоприятные для укрепления государственной жизни Кубани и противобольшевицкого фронта последствия. Вместо об'единения и общего под'ема в тяжелой борьбе, могли наступить разложение, общая политическая неразбериха, упадок духа.

Правительство Сушкова продолжало упорно вести русскую политику, больше заботясь об укреплении власти русских людей над Кубанью, нежели о благополучии последней. К организации Кубанской армии, о существовании которой было торжественно и публично возвещено приказом Кубанского Атамана 1 февраля 1919 г., ни Атаман, ни правительство и не приступали, и все заявления ген. Деникина и ген. Филимонова по поводу организации этой армии, сделанные ими в феврале т. г., оказались очередным обманом кубанских казаков, нарушением постановления Краевой Рады...

Прорыв 10-й большевицкой армии на Маныче в ап-

реле месяце и сведения, поступившие, в конце концов, от Кубанской Заграничной делегации об общем отношении Союзников к борьбе на территории быв. России принудили большинство Законодательной Рады внимательнее присмотреться к тому, что происходило вокруг. Прибывшие в Екатеринодар после пасхальных каникул члены Кубанской Рады привезли сведения о растущем недовольстве по станицам Кубани.

20 апреля Законодательная Рада заслушала документы, полученные от Кубанской Заграничной делегации, обсудила общее положение и в тот же день вынесла следующее решение:

„Заслушав сообщение Председателя Кубанской Законодательной Рады Л. Л. Быча — главы делегации, отправленной Кубанской Краевой Радой в Париж, и принимая во внимание данные, содержащиеся в полученных от делегации документах, а равно реальную обстановку переживаемого момента внутренней и внешней жизни, Кубанская Законодательная Рада:

1. Констатирует безусловную необходимость срочного, полного и искреннего выполнения всех предначертаний Краевой Рады — Державного Хозяина Земли Кубанской;

2. Заявляет, что с своей стороны приложит все усилия к скорейшему проведению в жизнь в полной мере начал истинного и широкого демократизма, невзирая ни на какие преграды, чинимые как представителями анархии, так и реакционными кругами;

3. Выражает полную уверенность, что Кубанский Край не останется одиноким в настоящий момент чрезвычайного напряжения всех его физических и духовных сил в тяжкой борьбе, с одной стороны, с анархо-большевизмом, и с другой, с реставрацией монархии, за лучшие идеалы демократизма и права жить;

4. Искренно сожелеет, что некоторые круги зарубежной демократии неправильно представляют себе условия, ход и цели нашей борьбы, каковому пониманию

нашего дела не мало способствовали и способствуют наши враги;

и 5. выражая уверенность в том, что, несмотря на всю трудность условий работы, кубанская делегация достойно выполнит возложенные на нее многосложные обязанности, Рада переходит к очередным делам".

Нужно сказать, что это постановление Кубанской Законодательной Рады было принято после того, как члены Рады в перерыве ее сессии, с 27 марта до 15 апреля, об'ехали станицы Кубани с информационными докладами и на местах ближе ознакомились с настроениями населения. Первый пункт этого постановления, как видим, подчеркивал „безусловную необходимость срочного, полного и искреннего выполнения всех предначертаний Краевой Рады — Державного Хозяина Земли Кубанской". Это значило, что Законодательная Рада требовала от Правительства немедленной организации Кубанской Армии, созыва Конференции из представителей молодых государств для выработки и подписания союзного договора, осуществления земельного закона об отобрании земли у помещиков, укрепления государственной самостийности Кубани.

В это время черные грозовые тучи снова нависали над Кубанью и над всем Казачеством: 10-я армия перешла Маныч, и ее передовые части появились под Батайском у Ростова и на границах Кубани; 9-я, 8-я и 13-я советские армии и группа войск Махна делали все новые и новые усилия, чтобы согнуть и смять железную подкову казачьих войск на фронте р. Донца, г. Луганск, Дебальцево, Мариуполь. Как мы отметили выше, ген. Деникин в своей телеграмме на имя Донского Атамана, поданной в день принятия Кубанской Законодательной Радой выше приведенного постановления, 20 апреля, говорил: „Положение Донского фронта признаю грозным". Эти слова в полной мере отвечали действительному положению на фронте.

Деникин и все русские его сторонники и пособники

среди казаков должны были понимать, что требование Кубанской Рады срочного и искреннего осуществления постановлений Краевой Рады является требованием населения Кубани. Сама жизнь диктовала безусловную необходимость осуществления желаний населения Кубани, которое уже понесло такие страшные кровавые жертвы при освобождении Кубани от советских войск в 1918 г., при беспрерывных боях на полях Ставропольской губ. и Терской области, в Донецком бассейне и на р. Маныче. Требование организации Кубанской армии было законным, морально оправданным и жизненно необходимым.

Можно думать, что одно время ген. Деникин в достаточной мере понял значение постановления Рады. По крайней мере, уже 24 апреля начальник штаба генерала Деникина, ген. Романовский, писал ген. Врангелю между прочим следующее:

„У Вас, вероятно, был уже Науменко и говорил по поводу Кубанской армии. Сама обстановка создала, что почти все кубанские части собрались на царицынском направлении, и мечты кубанцев иметь свою армию могут быть осуществлены. Это главнокомандующий и наметил исполнить“... (Врангель. Записки, кн. I, стр. 130).

Однако, через совершенно короткий промежуток времени, Деникин оставил мысль о создании отдельной Кубанской армии, почему начальник штаба его послал ген. Врангелю дополнительное телеграфное раз’яснение, говорящее о том, что

„Об’единение кубанских частей в армию с наименованием „Кубанской“ не должно быть понимаемо, как признание какой-либо зависимости этой армии от Кубанского правительства и расширения прав последнего в отношении кубанских войск“ (там же).

При этом Врангель поясняет, что Кубанский Атаман Филимонов, бывший в это время у Врангеля, „сам отказался от предложения генерала Деникина именовать новую армию „Кубанской“, признав, что раз по существу вопрос не разрешен, то лучше вновь форми-

руемой армии дать название Кавказской Добровольческой... Тут же за обедом составили телеграмму генералу Деникину, каковую подписал Кубанский Атаман и я“, поясняет Врангель (там же, стр. 132).

Выходит, что тот самый Кубанский Атаман ген. Филимонов, который перед святым крестом и евангелием, на площади в Екатеринодаре перед Войсковым собором, в присутствии всей Кубанской Краевой Рады, его избравшей в Атаманы, перед Кубанскими войсковыми регалиями, торжественно клялся провести в жизнь закон об организации отдельной Кубанской армии; тот самый Кубанский атаман Филимонов, который 1-го февраля 1919 г. собственноручно подписал и опубликовал приказ, возвещавший:

„Ныне настало время и является возможность выполнить постановление Чрезвычайной Краевой Рады — образовать свою Кубанскую армию... С этого дня все вооруженные силы, выставляемые Кубанским Краем, об'единяются в Кубанскую армию, под начальством походного атамана (ген. Науменко), подчиненного непосредственно мне“... (Деникин. Очерки. т. IV, стр. 58), — теперь, как видим, этот Атаман за вкусным обедом подписал телеграмму, говорящую о том, что никакой Кубанской армии нет, и к организации ее и не приступлено.

Кубанцы разбили 10-ю сов. русскую армию на р. Маныче, захватили при этом 15 тысяч пленных, 55 орудий и 150 пулеметов, опасность миновала, и русские генералы, вместе с Кубанским Атаманом ген. Филимоновым и кубанским военным министром, ген. Науменко, продолжали далее обманывать Казачество и крепче впутывать казачьи полки в русские единонеделимческие сети. А в это время кубанские кизаки обильно своею кровью поливали и своими трупами покрывали и черные холмы Донецкого бассейна, и соленые Манычские и Сальские степи, умирая за те идеи, которые провозгласила Кубанская Краевая Рада. Черная измена и самое подлое предательство со стороны своих и чужих

губили героические казачьи усилия, блестящие казачьи победы.

Обстоятельства борьбы сложились так, что самостийники в Кубанской Законодательной Раде принуждены были стать на путь открытой борьбы с Кубанским правительством Сушкова, бывшего послушным исполнителем воли Деникина. Решено было сделать попытку удалить это правительство. 26 апреля большинство Законодательной Рады пред'явило Кубанскому правительству следующий запрос:

„Известно ли Кубанскому Краевому правительству, что внутренняя политика его, осуществляемая агентами правительства как на местах, так и в центре, изобилует фактами, нарушающими элементарные права населения, как людей и граждан:

а) производятся расстрелы и повешения без суда и следствия,

б) производятся истязания, изнасилования женщин, а также,

в) аресты и содержание в заключении без пред'явления обвинения.

Все эти случаи имели место в станицах Таманского отдела, куда по распоряжению правительства послан так называемый карательный отряд...

Известно ли Правительству, что в то время, когда распоряжением его насильственно прекращено существование прогрессивных периодических печатных органов, свободно процветают газеты монархические и провакационные, издаваемые на краевые средства при культурно-просветительном отделе Кубанского Краевого правительства, преследующего явно реакционные цели, издается газета „Об'единение“ с программой и направлением, явно противоречащим основным положениям, принятым Кубанской Краевой Радой, а в официальном органе Кубанского Краевого правительства — „Вольная Кубань“ — помещаются статьи, направленные к дискредитированию Кубанской Законодательной Рады.

Известно ли правительству, что в то время, когда в Екатеринодаре чинятся всякие препятствия деятельности рабочих организаций, преследующих чисто профессиональные цели, в г. Армавире происходит с'езд известного своей реакционной деятельностью, организованного и поддерживаемого крупными землевладельцами Кубанского Края, так наз. „Казачьего Круга", постановления коего дискредитируют направление политической мысли в Крае, вытекающей из постановлений Краевой Рады (примечание: Казачий Круг вынес на апрельском с'езде постановления, призывающие население Кубани строить единую и неделимую Россию, поддерживать Деникина и т. д.). Все эти факты, вместе взятые, нарушают постановления Кубанской Краевой Рады, противоречат провозглашенным на Кубани началам свободы и народоправства, служат для большевиков орудием их преступной агитации и, волнуя население, поселяют недоверие к нашим конечным целям — укреплению народоправства и победе над большевиками".

Для всех ясно было, что этот запрос пред'явлен был с целью внести решительное изменение в положение дел на Кубани. Поэтому поднялась в русской прессе неистовая агитация против Куб. Зак. Рады. В самой Раде велася весьма острая внутренняя борьба между сторонниками правительства Сушкова и его противниками. В конце концов, 4 мая Законодательная Рада открытой поименной баллотировкой, большинством 34 против 16 и 6 воздержавшихся, приняла следующее решение: „1) Заслушав и обсудив об'яснения Краевого Правительства по поводу пред'явленного ему 26 апреля с. г. запроса о внутренней политике Правительства и признавая данные Правительством об'яснения неудовлетворительными, Законодательная Рада переходит к очередным делам; 2) Признавая дезертирство изменой Краю и Родине и предательством по отношению к своим братьям, доблестно и честно выполняющим свой долг на фронте, Законодательная Рада признает на-

стойчиво необходимым вести самую энергичную, беспощадную и планомерную борьбу с этим позорным явлением“.

Нужно сказать, что внутренняя борьба на Кубани между защитниками самостийности Кубани и сторонниками Деникина нашла свой отклик на Дону и на Тереке. Не было простым совпадением событий появление на свет Божий 1-го мая обращения Донского Круга к восставшим казакам Верхне-Донского округа, обращения, которое восхваляло Добровольческую армию и, особенно, ген. Деникина. Велася сложная игра: за кулисами русские и кубанские генералы решили все-таки не дать Кубани своей армии, а публично Донской Круг писал, что не казаки, а именно ген. Деникин гонит 10-ю большев. армию: „За Доном по Сальским степям Деникин гонит красные банды, стремясь овладеть Царицыном“... говорил Донской Круг.

Все же правительство Сушкова принуждено было уйти, и на его место 12 мая стало правительство Курганского, коалиционного состава. На посту военного министра остался ген. Науменко. Появление нового правительства внесло значительное успокоение во внутреннюю жизнь Кубани.

Однако, в большей степени теперь выявилась борьба в вопросе об отношении к России, а значит и к тому делу, которому служило все русское движение во главе с Деникиным и Колчаком. Во второй половине мая 1919 г. загорелася вновь на Кубани острая борьба в вопросе об организации самостоятельной Кубанской армии. Естественно, самостийники Кубани добивались немедленного проведения в жизнь закона об армии, а кубанцы сторонники неделимой России всячески тормозили осуществление этого закона. Вместо организации самостоятельной Кубанской армии еще правительство Сушкова разработало и внесло в Раду „Штаты походного атамана“.

Законодательная Рада, рассмотрев этот вопрос, в заседании 20 мая отвергла „Штаты походного атамана“

и предложила новому Правительству срочно разработать и предложить на рассмотрение Зак. Рады штаты армии. Военный министр Науменко подал в отставку, а 21 мая в закрытом заседании Зак. Рады выступил Кубанский Войсковой Атаман ген. Филимонов с весьма пространной и горячей речью, в которой между прочим говорил следующее:

... „Кубанская армия фактически существует, что бы и кто бы ни говорил о том, что это не то, что нужно. Я, Войсковой Атаман, заявляю, что Кубанская Армия, как таковая, существует. Ее признают все: и общественное мнение, и печать, и союзники определенно ее признают. Несколько дней тому назад я присутствовал на обеде, где Адмирал Сеймур, представитель Великобритании, заявил о Кубанской армии — в отчетах Правительства об этом помещено, — что Кубанская армия совершает чудеса храбрости и ведет дело к спасению родины. Я считаю необходимым доложить, так как в отчетах газетных об этом не сообщалось, и, возможно, Вы ничего не знаете. Я утверждаю — фактически армия существует, потому что, по моему мнению, ярлык, название дела не меняет... Я могу заявить, что среди штаба Добровольческой армии и командного состава я встретил полное сочувствие в этом направлении. Я считаю также необходимым заявить, что энергичное содействие я встретил со стороны генер. Врангеля и Юзефовича... Теперь, когда обстановка складывается для нас в высшей степени благоприятно, когда задачи всего фронта, всей Добровольческой армии Кавказской разрешаются необыкновенно удачно, — этот вопрос, конечно, ставится мною и генералом Науменко на первую очередь. С этой целью я был у ген. Деникина в Торговой и у генерала Врангеля в Ростове, где провел время исключительно в разрешении этого нужного, больного вопроса... И вот там командный состав и ген. Деникин ничего принципиально не имели против этого... Я не люблю гадать на бобах, но теперь — факт на лицо. Я свидетельствую, что лучше Кубанской

армии сейчас нет в России и, может быть, во всей Европе... Надо сказать, что я говорил со многими генералами и офицерами нашего Кубанского войска, и все они ясно видели, что теперь из состава Кавказской армии выделение Кубанской армии является не своевременным"... (стенограмма закрытого заседания Куб. Зак. Рады 21 мая 1919 г.).

Атаман заклинал, что армия Кубанская уже есть, что она даже лучшая во всей Европе, а вместе с тем говорил, что организация ее несвоевременна; говорил о том, что Деникин и Врангель поддерживают мысль об организации отдельной Кубанской армии, но что сами кубанские офицеры находят несвоевременным выделение кубанских частей в отдельную армию... Так говорил перед Радой выборный Атаман Кубани, который перед этим, как свидетельствует Врангель (см. выше), согласился с мыслью Врангеля и в этом смысле вместе с Врангелем послал телеграмму Деникину, говорившую о том, что Кубанская армия не организуется.

Рада все таки не захотела пересмотреть вопрос о штатах походного Атамана и настаивала на организации отдельной Кубанской армии. Меньшинство членов Зак. Рады весьма горячо поддерживали Кубанского Атамана.

В это время в Париже работала Кубанская Делегация, посланная Кубанской Краевой Радой еще в декабре 1918 г.

Благодаря систематическому противодействию со стороны представителей ген Деникина, Кубанская делегация умышленно задерживалась в пути и попала в Париж только через 72 дня со времени выезда делегации с Кубани. Кубанская делегация отказалась от вхождения в контакт с русскими различными представителями за границей. На этой почве в Кубанской делегации произошел раскол...

16 апреля 1919 г. Кубанская делегация подала печатный обстоятельный меморандум Державам Согласия.

Этот меморандум заканчивается просьбой 1) признать Кубанский Край в границах, на прилагаемой карте показанных, самостоятельным государственным образованием, безусловно не входящим в сферу влияния Советской власти... 2) об оказании моральной поддержки Кубанскому Правительству... 3) об отпуске в распоряжение Кубанского Правительства необходимых средств защиты и всякой аммуниции для вооружения и снабжения Кубанской казачьей армии, а равно санитарного имущества и медикаментов как для населения, так и для армии.

Президенту Северо-Американских Соединенных штатов Делегация 15 мая подала меморандум с просьбой 1) о признании Кубани самостоятельным государством, 2) о допущении представителя Кубани на Мирную Конференцию, 3) об установлении с Кубанским Краем правильных торговых сношений и 4) о выдаче из (Европейских) складов военного министерства Северо-Амер. Штатов в распоряжение Кубанского Правительства потребных для населения Кубани предметов и продуктов...

29 мая Делегация обратилась к председателю Мирной Конференции с просьбой 1) о признании Куб. Края самостоятельным государством, 2) о допущении представителя Кубани на Мирную Конференцию и 3) о принятии Кубанского Края в число членов Лиги Наций...

Вообще Кубанская делегация развила весьма активную работу среду представителей великих держав. В мае месяце прибыли из Парижа в Екатеринодар члены Куб. делегации С. Ф. Манжула и И. А. Билый и выступили 19 мая в Законодательной Раде с докладом о работе делегации. Большинство членов Рады одобрило работу делегации, а меньшинство, особенно некоторые члены Рады, выступили с осуждением деятельности делегации и призывали к единению с ген. Деникиным. Вся русская печать всех политических оттенков весьма резко нападала на Кубанскую Заграничную Делегацию. В вопросе самого резкого осуждения деятельности Кубан-

ской делегации, естественно, об'единились все русские политические партии.

В наитягчайшие для Кубани времена борьбы на фронте против русских красных армий и борьбы в тылу против русской единонеделимческой контр-революции, обыкновенно, на сцену выходили руководители донской казачьей политики и помогали русским генералам вести борьбу против самостийников Кубани: так было осенью 1918 г., когда кубанцы вели кровавые бои на Лабе, на Урупе, на верхней Кубани, у Ставрополя; на сцене появился председатель Донского Круга, он заявлял, что Дон, по его мнению, отдаст все свои силы в распоряжение Деникина, признавши его военную и политическую власть; так было в начале декабря того же года, когда Донской Атаман весьма резко осуждал самостийную Кубань и писал о том, что теперь остается только договориться Дону с Добровольческой армией и итти строить единую и неделимую Россию; так было в феврале 1919 г., когда кубанцы победоносно закончили кровавые многомесячные беспрерывные бои за освобождение Кубани и всего Северного Кавказа и выходили на север, на помощь тому же Дону, а в это время (4 февраля) Донской Круг позволил себе восхвалять Деникина и Добровольческую армию; было так в марте-апреле, когда Кубанцы тысячами умирали в Донецком бассейне, на Приазовских полях, а в это время председатель Донского Круга раз'езжал по Казачьим Землям и старался провалить Кубань с ее желанием построить оборонительный Союз молодых государств; так было в конце апреля и в начале мая 1919 г., когда кубанцы на Маныче в кровавых боях сокрушали 10-ю русскую красную армию, когда кубанцы в боевом порыве били большевиков в Донецком бассейне, в районе Дебальцево и Юзово, и тогда на аванс сцену выступил Донской Круг и в обращении к Верхне-Донцам написал хвалу Деникину, хвалу Добровольческой армии, которая будто бы „стала несокрушимой стеной“ и т. д.

Руководители донской и терской политики, работав-

шие в непосредственном контакте с Филимоновым и Деникиным, знали хорошо, что и как делать, чтобы околпачить казачью массу и вывести ее „на московскую дорогу“. Знали они также и то, что и донская, и терская казачья масса, несшая на своих плечах всю тяжесть борьбы против красных армий, совершенно и не собирается бороться за единую неделимую Россию...

Руководители донской политики не могли не знать и того, что настоящий русский народ поддерживал большевиков, что именно весною 1919 г. русские большевицкие армии разбили на Восточном фкронте армии адмирала Колчака... По этому поводу ген. Деникин пишет следующее:

„Стратегическое положение Сибирского фронта ко времени вступления в Верховное командование адмирала Колчака (Деникин признал Колчака, как известно, 30 мая 1919 г.) было весьма тяжелым.

Под ударами пяти советских армий полковника Каменева продолжалось отступление Сибирского фронта от Волги к Уралу. Пали Уральск и Оренбург; потеряв связь и с противником и со своими, стремительно уходили расстроенные части Оренбургской (Казачьей) армии; отрезано было от общего фронта злосчастное Уральское казачье Войско, и, опрокинув заслон, прикрывавший Ташкентское направление, большевики стремились открыть себе столь долгожданную дорогу в Туркестан...“ (Деникин. Очерки, т. V, стр. 90).

Знали тогда, в мае 1919 г., об этом отступлении Восточного фронта политики на Дону и на Тереке или не знали? Конечно, знали, так как сообщения о ходе боев печатались в прессе. Достаточно было взглянуть на карту, чтобы видеть, что русские красные армии на тысячеверстном фронте гнали на восток армии Колчака, что казачьи Войска Оренбургское и Уральское уже потеряли свои столицы... Знали, конечно, об этом и на Кубани...

Из кого же составлялись эти пять русских победоносных красных армий, которые принудили армии ад-

мирала Колчака к отступлению по всему фронту? Из кого составлялись армии, захватившие территории Оренбургского и Уральского Войск? Из кого составлялся многочисленный командный состав этих пяти армий?

Каждый сколько-нибудь разумный человек хорошо понимал, что это были русские люди, русские армии, что они только назывались красными, а по сути были организованными русскими насильниками, пустившимися добывать свои „колонии“...

Должны были понимать казачьи сторонники России и то, что на южном фронте только казачьими силами были разбиты 4 русских армии и их Махновские неразумные приспешники в тяжелых и кровопролитных боях в феврале-мае месяцах, что роль русских добровольцев, была весьма и весьма скромной на всем фронте казачье-русской войны. Этим мы не отрицаем героизма добровольцев, но устанавливаем только действительное боевое значение русских белых добровольцев в решительных боях этого периода... Троцкому было виднее из Москвы, с кем он имеет дело на Юге, и недаром этот новый „генералиссимус“ истерически кричал: „Южный фронт — Казацкий фронт“...

Ясно было, что русские советские армии, отбросив Колчака за Урал, накинутся снова на казаков Юга. Правда, казаки Юга разметали уже 4 армии. Но ведь и самим казакам весьма дорогою ценою — множеством убитых и перераненых казаков — далась эта победа. Ведь эти казачьи военные подвиги обескровливали и обессиливали казаков... Ведь и могучую пружину казачьего героического сопротивления русскому красному нашествию нельзя было натягивать до бесконечности...

Следует не забывать при этом и того важного обстоятельства, что самая война на Юге до сих пор шла не на русской, а на казачьей и украинской территории. Питание армии, людей и лошадей, все время шло за счет нерусского населения. Напротив, Россия вывозила усиленно продукты питания с Украины и с Дона на се-

вер, к себе... Ведь и разорение артиллерийским огнем и пожарами построек, запасов продовольствия и т. д., словом страшное разорение и уничтожение, которое несет всякая война, — производилось тоже на нерусской территории...

30 мая 1919 г. Деникин признал над собою власть адмирала Колчака. Русские стотысячные беженцы на Казачьих Землях неистовствовали от радости и восторга, что снова „возродилась Россия"...

А 1-го июня, словом, через два дня после признания Деникиным Колчака, появилася Декларация Донского Войскового Круга, в которой между прочим читаем такие места:

„Войсковой Круг в заседании 1 июня единогласно принял следующую декларацию:

Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского, прерывая свои работы (примечание: сессия тянулась от 1 февраля до 1 июня) до следующей сессии, считает необходимым огласить во всеобщее сведение основные начала своего государственного строительства и указать ближайшие задачи законодательства.

1. Главной задачей текущего момента Войсковой Круг считает решительную борьбу с большевизмом... Продолжение этой борьбы, необходимое для спасения России, Круг мыслит в условиях верности доблестным союзникам и в непременном сотрудничестве с Добровольческой армией...

3. Будущую Россию Войсковой Круг мыслит, как единую свободную демократическую страну, с государственным устройством, какое будет дано волей и разумом самого народа на новом Учредительном собрании...

4. Непременными условиями будущего устройства России Круг считает: а) государственную местную автономию с правом законодательства по вопросам местного значения и правом областных, экономических и национальных союзов"... (В декларации всего 10 пунктов).

Из этого документа видно, что Донской Круг согласился а) отказаться авансом от самостоятельности

Всевеликого Войска Донского, б) Войском Донским принять участие в возрождении единой неделимой России и в) вообще итти рука об руку с русским движением, возглавляемым ген. Деникиным... Ясно было, что русская партия на Дону взяла верх.

Чтобы лучше представить, в каком положении вообще находилась работа казачьего тыла, следует это постановление Круга сопоставить с выше приведенным постановлением Кубанской Законодательной Рады, принятым 20 апреля 1919 г., имевшим в виду укрепление полной государственной самостоятельности Кубани; следует сопоставить с решением той же Рады 4 мая об устранении от управления Куб. Краем правительства Сушкова, которое проводило в жизнь именно ту программу государственного строительства, которую Донской Круг подтвердил 1 июня в своей декларации... 29 мая 1919 г. Кубанская делегация в Париже подала заявление председателю Мирной Конференции о признании государственной независимости Кубанского Края и о принятии его в состав Лиги Наций, а 1 июня того же года Донской Круг авторитетно вставал на защиту автономных прав Дона в единой и неделимой России...

Разве можно было надеяться на успех такой противоречивой, тянущей в диаметрально противоположные стороны, казачьей политики? Одни весьма настойчиво тянули Казачество в ту самую Москву, которая била казаков, а другие, не имея сил вырвать Кубанские полки из рук Деникина, хотели вынести русско-казачий спор на Мирную Конференцию в Париже и при ее помощи думали защитить самостоятельность Кубанского государства...

А в то время, когда казачьи политики так разрешали важнейшие вопросы бытия Казачества, на Царицынском фронте происходили следующие события. После весьма тяжелых боев на укрепленной линии р. Есауловский Аксай, боев, которые сопровождались большими потерями казаков, 27 мая казаки под командой

Врангеля подошли к р. Царице, в жаркой схватке разбили здесь противника и погнали его к самому Царицыну. Но, как повествует Врангель,

„По мере приближения к Царицыну противник оказывал все более ожесточенное сопротивление. В Царицыне лихорадочно сосредоточивались красные части на поддержку разбитой 10-й армии. Сюда была стянута почти вся XI армия с Астраханского направления. С фронта адмирала Колчака подошла дивизия коммунистов. Из 16-ти городов центральной России подвезено было 8000 человек пополнения. К коннице Думенко, из 8-ми полков, подошли 1500 всадников конницы Жлобы. Из Астрахани в Царицын прибыло два миноносца. Суда и баржи Волжской флотилии были вооружены не только легкой, но и тяжелой артиллерией. В распоряжении противника находилось несколько бронепоездов“ (Врангель. Записки, кн. 1, стр. 152).

Словом, Россия здесь оказывала колоссальное сопротивление казачьему оружию. В тот день, когда Кубанская Заграничная Делегация подала заявление в Париже о полном отделении Кубани от России, стечением событий, генерал Врангель приказал: а) 2-му Кубанскому корпусу ген. Улагая наступать на фронт Царицын-Воропоново и овладеть Царицыном с юга; б) 4-ому Конному корпусу Шатилова — наступать на фронт Воропоново-Гумрак и овладеть Царицыном с запада; 1-му корпусу ген. Покровского наступать... с целью отрезать противнику пути отхода на северо-запад...

29 мая большевики отбили все атаки кубанцев на Царицын. Далее Врангель рассказывает:

„Вечером 31-го мая был получен подписанный накануне Главнокомандующим приказ о подчинении его адмиралу Колчаку... 1-го июня, едва стало светать, армия, заняв в течение ночи исходное положение, перешла в решительное наступление. Ударная группа (примечание: 4-й конный корпус Шатилова, 2-я Кубанская дивизия, три полка 1-й Кубанской дивизии и 3-я Кубанская пластунская бригада) стремительно атаковала по-

зиции противника на реке Ягодной, прорвала фронт красных и заняла станцию Басаргино. Развивая далее наступление, пластуны к 6 часам вечера овладели селением Червленноразное, несколько раз переходившим из рук в руки, станциями Воропоново и Крутенькая. Противник при поддержке могущественной артиллерии и бронепоездов оказывал упорное сопротивление, задерживаясь на каждой позиции. Наступившая темнота приостановила бой на последнем перед Царицыном рубеже... С утра 2-го июня бой снова разгорелся. Ударная группа Шатилова, развивая достигнутый накануне успех, с прежней стремительностью атаковала позиции красных; однако, встреченная сильнейшим огнем батарей и бронепоездов, вынуждена была отойти...

... Двухдневный бой выяснил, что овладеть Царицыном нам не под силу. С болью в сердце, вынужден я был предположенную в ночь с 2-го на 3-ье атаку отменить" (там же, стр. 153—154).

Здесь были сосредоточены одни из лучших казачьих полков. И после упорнейших атак они не могли взять г. Царицын. В тот же день Врангель телеграфировал Деникину между прочим следующее:

... „Армию упрекнуть не могу. За время операции некоторые полки дошли по составу до сотни. Убито и ранено пять начальников дивизий, три командира бригад, одиннадцать командиров полков. 2 июня... Врангель" (там же).

Казачество несло ужасные потери в борьбе с красной Россией...

2 июня русские люди торжественно праздновали подчинение Деникина Колчаку: в Екатеринодаре „было торжественное молебствие на площади перед Войсковым собором и затем парад войскам", рассказывает помощник Деникина проф. К. Н. Соколов, „на молебне поминали богохранимую державу Российскую и верховного правителя ее. Это производило радостное и волнующее впечатление. Кубанские власти отсутствовали на торжествах. Но войсковой атаман А. П. Филимонов

заезжал к Главнокомандующему и выразил надежду, что генерал Деникин будет верным хранителем казачьих вольностей“ (Соколов. Правление генерала Деникина, стр. 136).

Кубанские власти не признавали власти Деникина, поэтому не могли признать и власти адмирала Колчака. Куб. Зак. Рада и Куб. Правительство просто игнорировали акт о признании Деникиным Колчака и русские торжества по этому поводу.

Кубанские дивизии 2-го июня не смогли вырвать из рук врага Царицын и, понеся колоссальные потери, временно принуждены были отступить, а в Екатеринодаре того же 2-го июня перед „соправителем России“ на параде маршировали кубанские казаки из гарнизона столицы Кубани...

Рада и Правительство отсутствовали...

Но хватит ли сил у Казачества понести ту ношу, которую возложила на него Декларация Донского Круга, принятая единогласно?

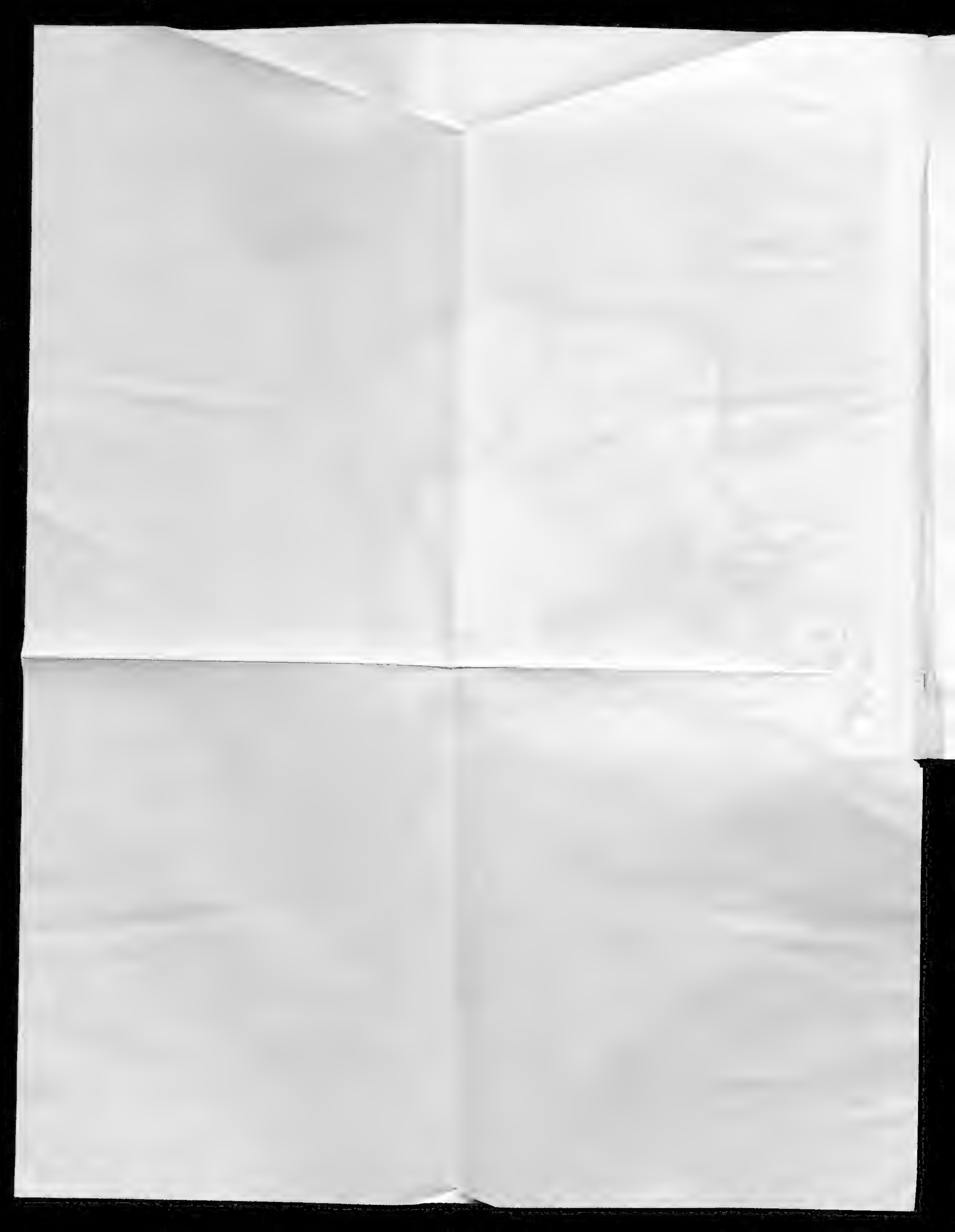
Медленно переворачивались новые, удивительно пестрые страницы ужасной трагедии Казачества... Между казачьим фронтом и казачьим тылом не было необходимой гармонии...

Козлов
р. Дон
Грязи
Хопер
р. Волга
Медведица
Балашов
Воронеж
Поворино
Елань
Бобров
Н. Хоперск
Таловая
Урюпинская
Лиски
Павловск
Камышин
Валуйки
Богучар
Казанская
Арчеда
Усть-Медведицкая
Купянск
Усть-Хоперская
Чертково
Качалинская
Царицын
р. Донец
8 армия
Миллерово
Чир
13 арм
Луганск
Дебальцево
Каменская
Русские добровольцы
Юзово
9 армия
Махно
Гришино
Иловайская
Константиновская
УКРАИНА
Ростов
Новочеркасск
р. Дон
р. Сал
10 армия
Таганрог
Торговое
Мариуполь
р. Маныч
Ремонтное
Великокняжеская
Ейск
Кущевка
Торговая
р. Ея
Дивное
Ахтари
Сосыка
Тихорецкая
Тимошевская
Кавказская
Петровское
Благодарное
Кума
Кубань
Екатеринодар
Ставрополь
Св. Крест
Армавир
Крымская
Новороссийск
Майкоп
Кизляр
Минер. Воды
Георгиевск
Туапсе
Прохладная
Моздок
Кисловодск
р. Малка
Терек
Грозный
КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ
Грузия
Владикавказ
Фронт в ноябре 1918 г.
" в конце января 1919 г.
Казачьи армии около 1.III.1919
Русские

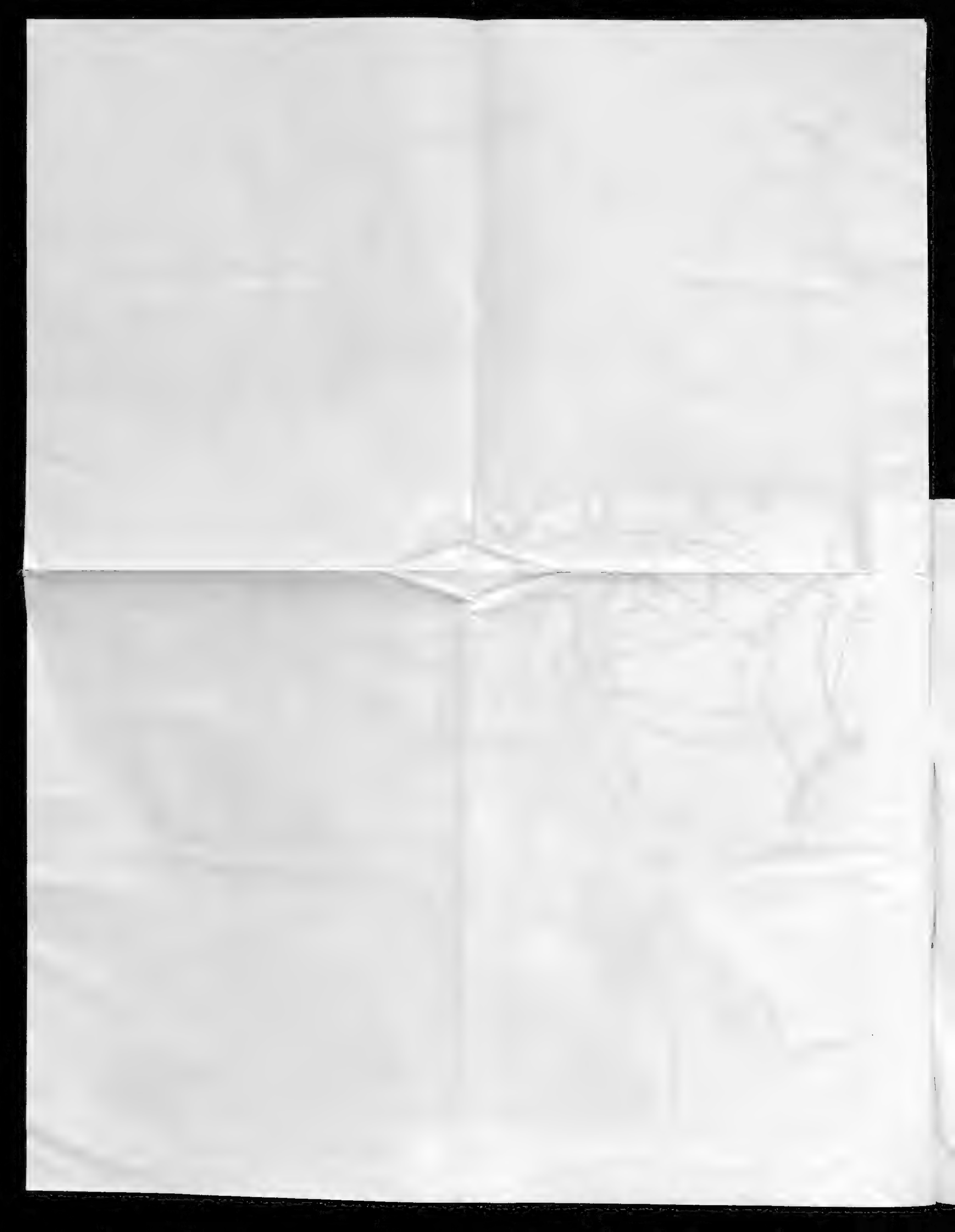
Схема: 2, 3, 4.

9-я армия
Казанская
Мигулинская
Вешенская
Усть-Хоперская
У-Медведицкая
р. Дон
8-я армия
Кантемировка
Армия Кожевникова (13-я)
Марковка
Старобельск
Беловодск
Шепетовка
р. Чир
Латышев
Клецкая
Сл. Макеевка
Кошары
Ольховый Рог
Миллерово
Красновка
Изюм
Лиман
Славянск
Яма
р. Донец
Краматорская
Бахмут
Попасная
Родаково
Луганск
Верх. Тарасов
Ушаков
Константиновка
Алмазная
Глубокая
Гундоровская
Никитовка
Дебальцево
Первозвановка
Каменская
Скасырская
Морозов
Чудин
Нижне-Чирская
Гришино
Очеретино
Штеровка
Колпаково
Картушино
Щетово
Ермаковская
Юзово
Харцызск
Чистякова
Ровеньки
Зверево
Лихая
Есауловская
Район восстания
1919 г.
Доля
Иловайская
Амвросиевка
Дмитриевка
Голодаевка
Екатериновская
В. Кундрючевская
Ал.-Грушевск
Шахтная
р. Дон
10 арм.
Волноваха
Михайловка
Кирсановка
Петровская
Крепкая
Персияновка
Раздорская
Константиновская
р. Кальмиус
Район восстания в феврале 1919 г.
Покровское
Крымско-Азовской армии 15.II.1919 г.
Новочеркасск
Богаевская
Орловка
р. Сал
Мартыновка
Зимовники
Ново-Николаевская
Таганрог
Ростов
Аксайская
Мариуполь
Азов
Батайск
Веселый
р. Маныч
Кубёрле
Кагальницкая
Ейск
р. Ея
Кущевка
Великокняжеская

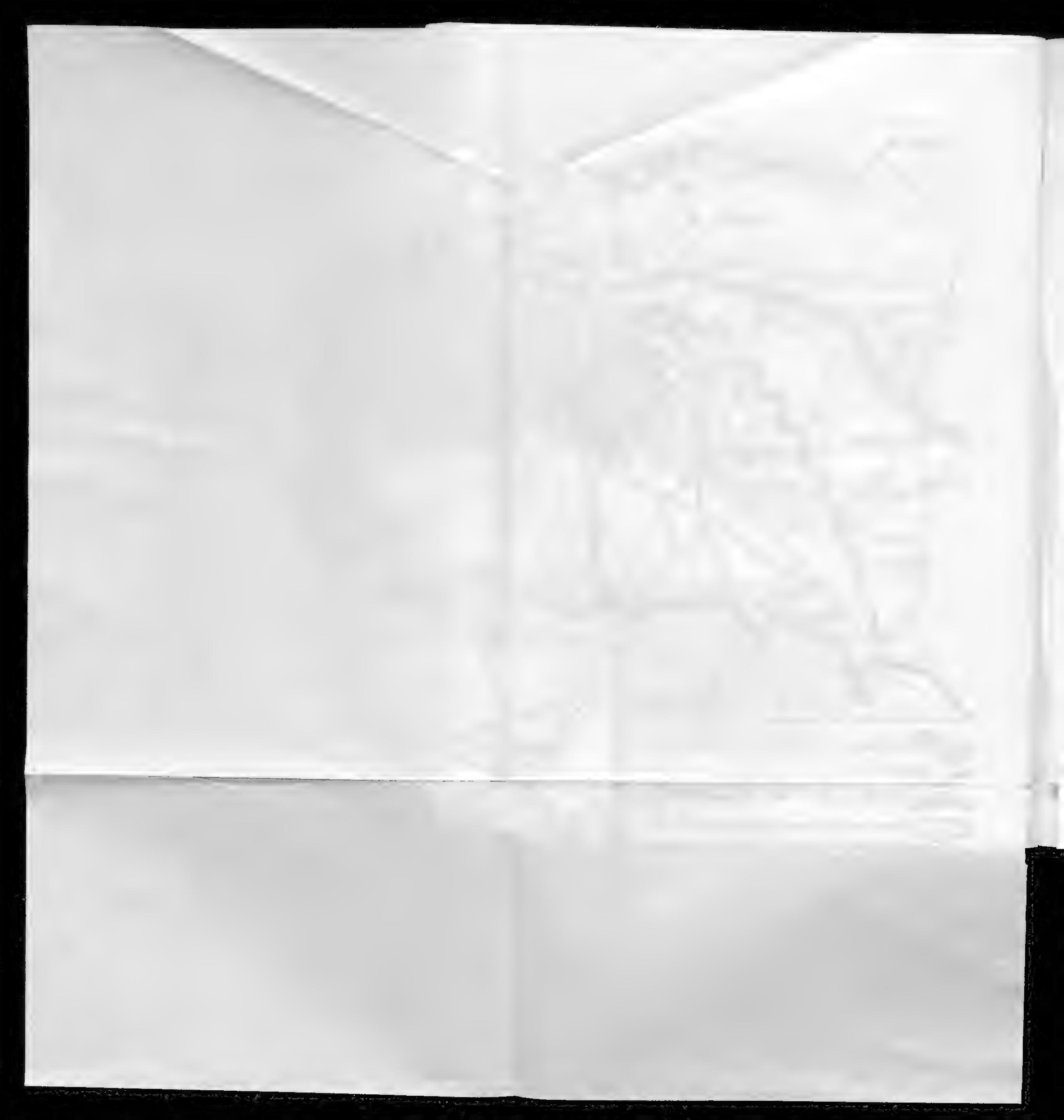
Схема 5.

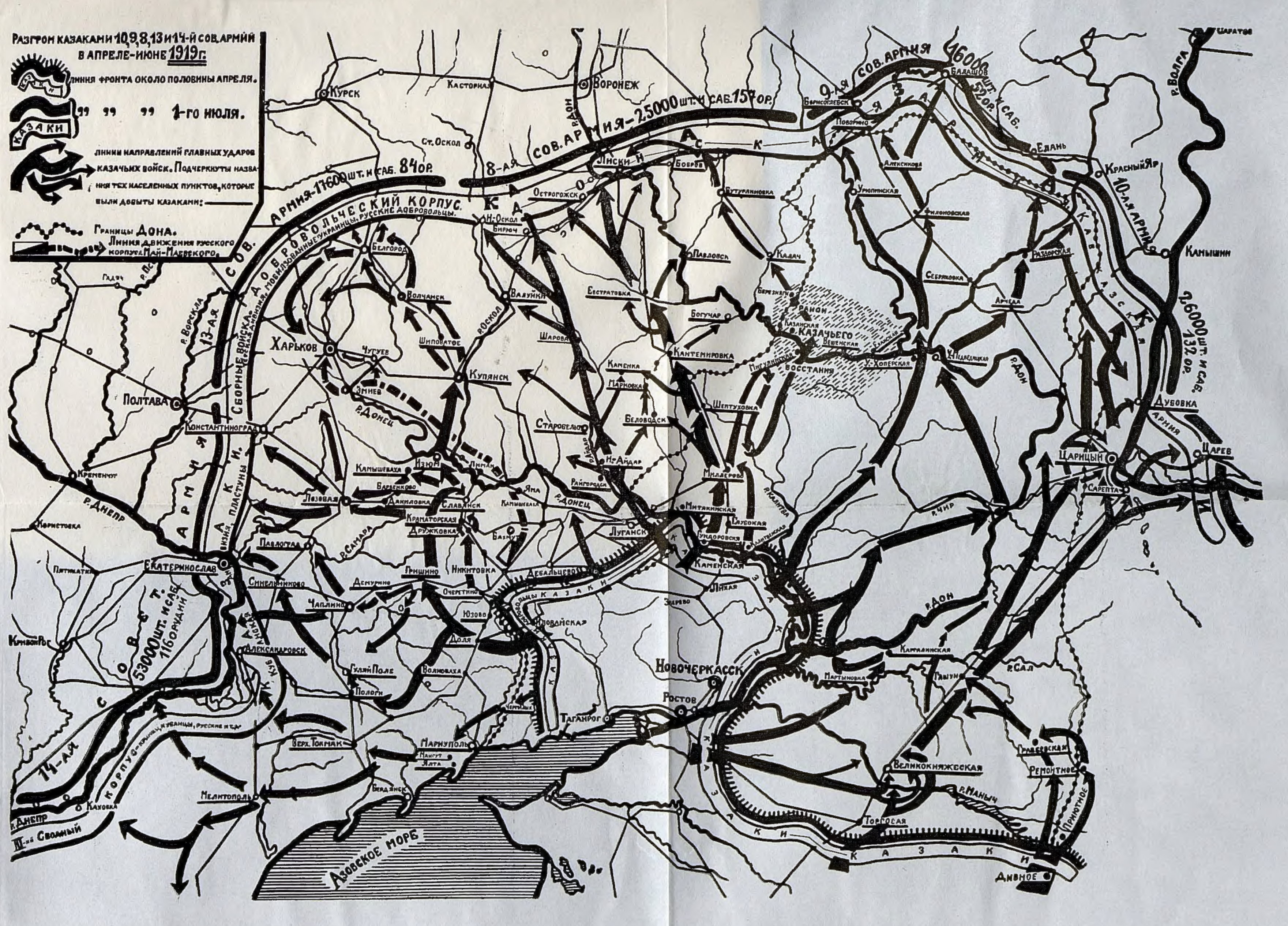

Фронт Крымско-Азовской добр. армии в январе-феврале 1919 г.
Фронт корпуса Май-Маевского и ген. Виноградова около 1 марта
" " " " " около 14-24 марта
Критическое положение корпуса Май-Маевского " "
Район упорных кровопролитных боев русской и казачьей ударных групп в марте 1919 г.
Рейд Кубанской и Терской казачьих дивизий 14/III-3/IV.19 г.
Фронт войск Деникина:
(Крымско-Азовская „армия", Одесский отряд, отряд ген. Виноградова)
январь-февраль 1919 г.
около 1 марта "
апрель-май "
Русская ударная группа
Казачья ударная группа
Кубанцы, Терцы и Донцы
13-я сов. армия
8-я армия
9-я армия
10-я армия
Группа Кутепова
Ростов
Таганрог
Мариуполь
Бердянск
Новочеркасск
Батайск
Луганск
Миллерово
Лозовая
Славянск
Краматорская
Бахмут
Попасная
Константиновка
Никитовка
Горловка
Юзово
Иловайская
Дебальцево
Гришино
Гуляй Поле
Пологи
Волноваха
Верхнетокмак
Стародубовка
Николаевка
Одесса
Севастополь
Херсон
Екатеринослав
Екатеринодар
Новороссийск

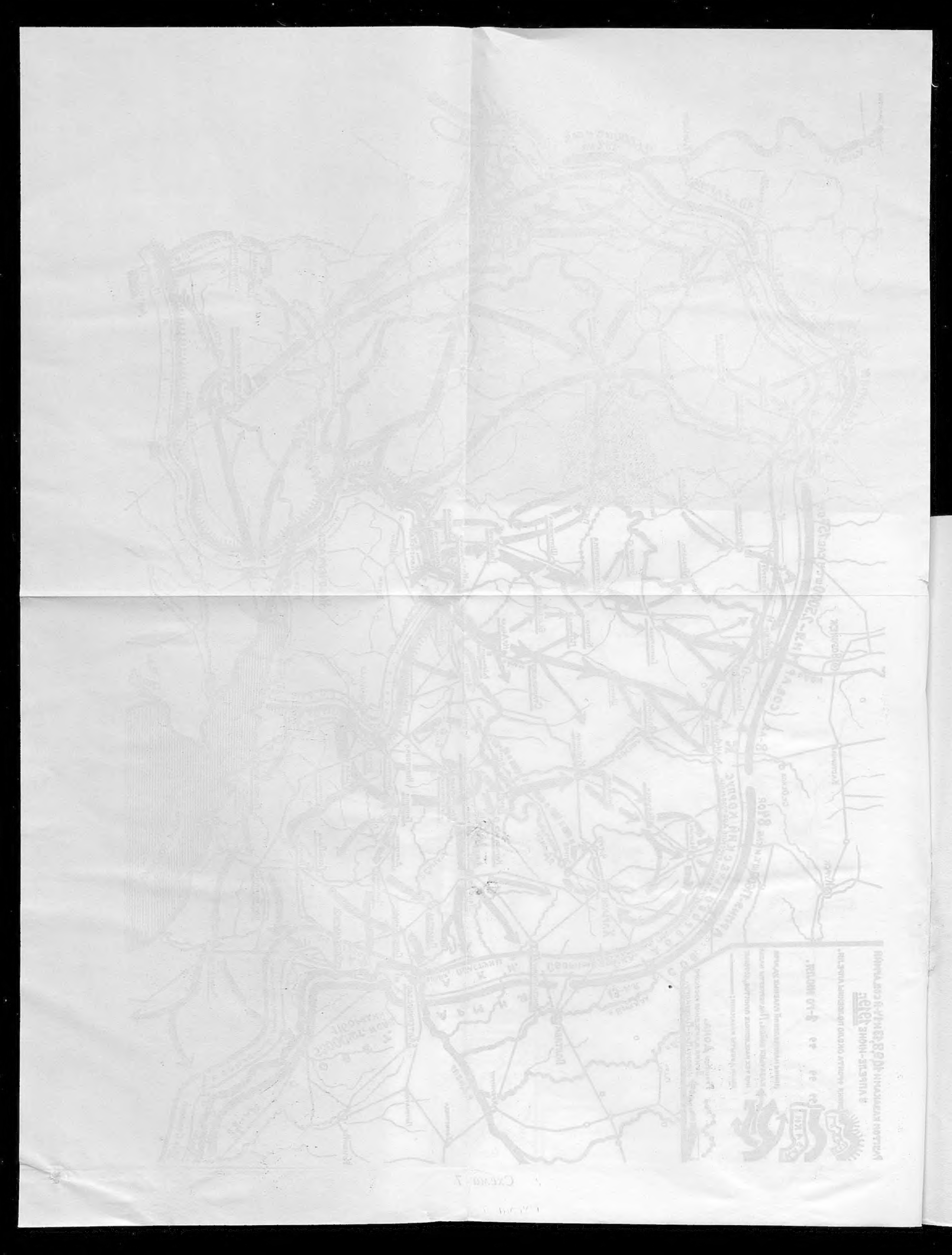
Схема 6.

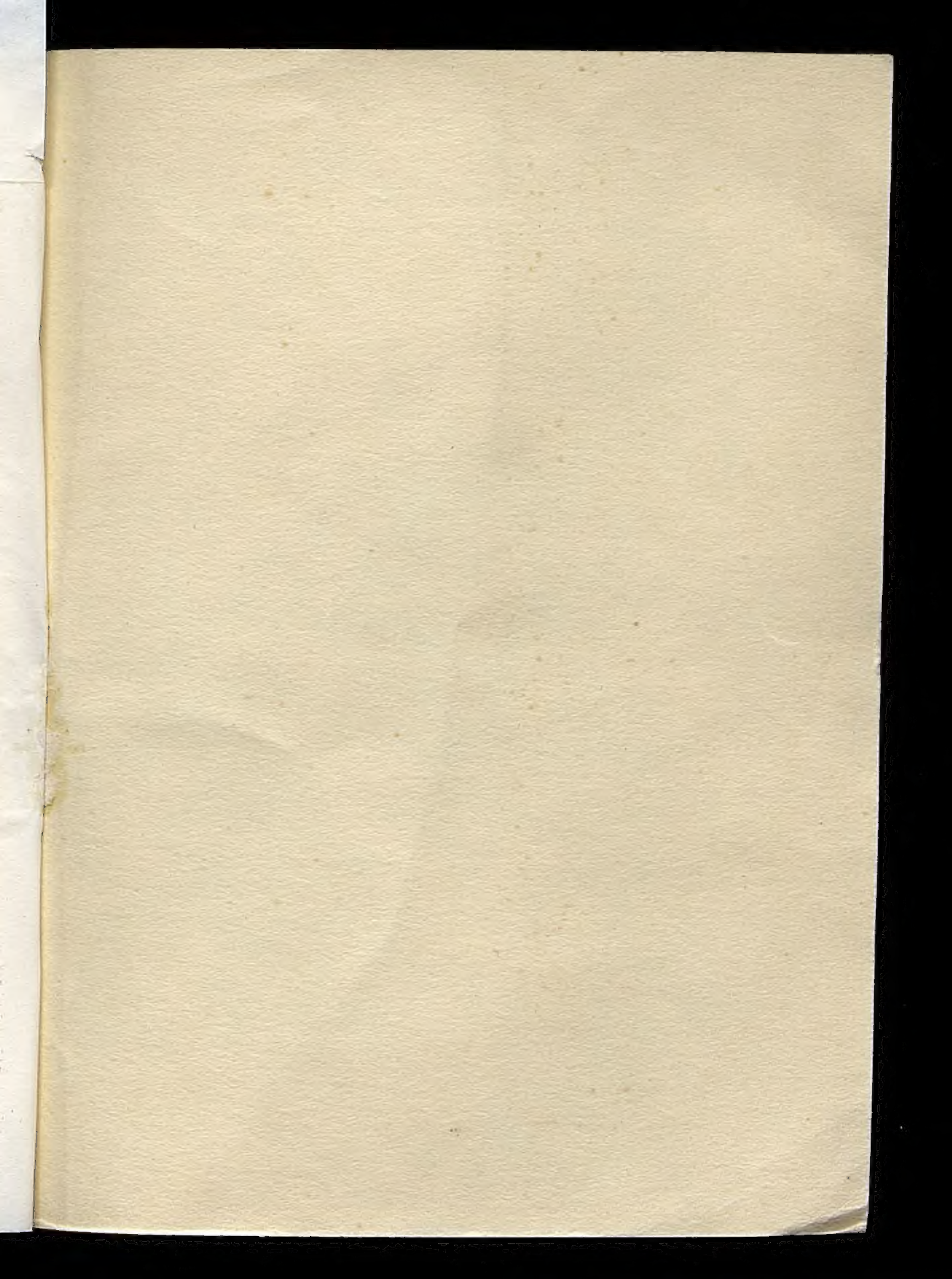

Разгром казаками 10, 9, 8, 13 и 14-й сов. армий в апреле-июне 1919 г.
Линия фронта около половины апреля.
" " " 1-го июля.
Линии направлений главных ударов казачьих войск. Подчеркнуты названия тех населенных пунктов, которые были добыты казаками:
Границы Дона.
Линия движения русского корпуса Май-Маевского.
Казаки
9-ая сов. армия 16000 шт. и саб. 52 ор.
8-ая сов. армия - 25000 шт. и саб. 157 ор.
Армия - 17600 шт. и саб. 84 ор.
13-ая
10-ая армия
26000 шт. и саб. 132 ор.
14-ая
Добровольческий корпус.
Сборные войска.
Русские добровольцы.
53000 шт. и саб. 116 орудий
Совет
Азовское море
Район Казачьего восстания
Курск
Воронеж
Харьков
Полтава
Екатеринослав
Константиноград
Кременчуг
Новочеркасск
Ростов
Таганрог
Мариуполь
Бердянск
Мелитополь
Александровск
Царицын
Сарепта
Дубовка
Камышин
Балашов
Борисоглебск
Поворино
Елань
Красный Яр
Касторная
Ст. Оскол
Н. Оскол
Острогожск
Лиски
Бобров
Бутурлиновка
Павловск
Богучар
Кантемировка
Миллерово
Луганск
Каменская
Купянск
Валуйки
Волчанск
Белгород
Чугуев
Змиев
Изюм
Лозовая
Славянск
Краматорская
Дружковка
Бахмут
Дебальцево
Юзово
Никитовка
Гришино
Синельниково
Павлоград
Гуляй Поле
Пологи
Волноваха
Верх. Токмак
Каховка
Кривой Рог
Пятихатка
Великокняжеская
Торговая
Ремонтное
Дивное
Усть-Медведицкая
Усть-Хоперская
Вешенская
Казанская
Мигулинская
р. Дон
р. Волга
р. Днепр
р. Донец
р. Оскол
р. Маныч
р. Сал
р. Чир
р. Калитва
р. Самара
р. Ворскла
р. Бузулук
III-ий Сводный
Дивизия

Схема 7.

Библиотека
„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

